

Правительство Москвы
Комитет межрегиональных связей
и национальной политики

Российская академия наук
Институт славяноведения

Славянский фонд России

Государственная академия славянской культуры

Славянский мир в третьем тысячелетии

Москва 2007

Правительство Москвы
Комитет межрегиональных связей
и национальной политики

Российская академия наук
Институт славяноведения

Славянский фонд России

Государственная академия славянской культуры

Славянский мир в третьем тысячелетии

Памяти Владимира Константиновича Волкова

Москва 2007

Редакционная коллегия:

Боголюбова Г.В.
Никифоров К.В.
Дрожжин Ю.Т.
Громов М.Н.
Карасев А.В.
Узенева Е.С.
Данченко С.И.

В мае 2006 г. Комитетом межрегиональных связей и национальной политики Правительства г. Москвы, Славянским фондом России, Институтом славяноведения РАН

Государственной академией славянской культуры была проведена международная научная конференция на тему: «Славянский мир в третьем тысячелетии». Эта конференция была посвящена памяти выдающегося ученого-слависта, члена-корреспондента РАН В.К.Волкова. В данном сборнике помещен ряд докладов и сообщений участников научной конференции. В публикуемых докладах и сообщениях освещаются различные аспекты научной деятельности В.К.Волкова, его вклад в развитие отечественного славяноведения. В докладах участников также рассматриваются проблемы истории, истории культуры, лингвистики, литературоведения славянских народов.

ISBN 5-7576-0187-4

©Институт славяноведения РАН
© ГАСК

Выступление президента Славянского фонда России, заслуженного работника культуры РФ, члена Общественной палаты РФ Боголюбовой Г.В. на международном симпозиуме 30 мая 2006 г. в МЭРИИ г. Москвы*

В славянских государствах, в том числе и в России, ежегодно 24 мая отмечается День славянской письменности и культуры.

Мы обращаемся к истокам нашей культуры, отдавая дань первоучителям словенским Святым равноапостольным братьям Кириллу и Мефодию, принесшим на славянскую землю письменность и приобщивших славянские народы к мировой цивилизации, мировой культуре.

Празднование памяти святых братьев еще в старые времена имело место у всех славянских народов, но затем, под влиянием различных исторических и политических обстоятельств, было забыто. В начале XIX века, вместе с развитием славянского романтизма, обновилась и память о славянских первоучителях. В 1863 году на Руси было принято постановление праздновать память Святых Кирилла и Мефодия 11 мая (24 мая по новому стилю), но в советский период эта традиция не популяризировалась. Её возрождение наметилось в 1985 году, когда славянские народы вместе с мировой общественностью отмечали 1100-летие со дня кончины святителя Мефодия, архиепископа Моравского и Паннонского. В 1991 году День памяти Святых Кирилла и Мефодия – 24 мая – был и на государственном уровне объявлен Праздником славянской письменности и культуры. Труды этих великих просветителей стали общим достоянием всех славян, положили основу их нравственному и умственному развитию. Так велика заслуга братьев Кирилла и Мефодия в истории просвещения и поднятия общей культуры славянских народов.

Год за годом наши культуры обогащали и дополняли друг друга, к языковой общности славянских народов присоединились духовная и культурная общность, давшая миру выдающихся ученых, деятелей литературы и

* Боголюбова Галина Васильевна, президент Славянского фонда России, зам. Председателя комиссии по сохранению культурного и духовного наследия Общественной палаты Российской Федерации, заслуженный работник культуры РФ, писатель, профессор.

искусства. Праздник славянской письменности и культуры во всех славянских странах является истинным просветительским смотром своих сил, своего отношения к детям, их образованию и воспитанию. Появились ростки новых форм обучения – лицеи, гимназии; трудами энтузиастов создаются новые учебники на основе произведений выдающихся ученых прошлого.

Между тем эпоха глобализации и информатики при всех ее позитивных возможностях, несёт угрозу национальным культурам. Засилье массовой поп-культуры ориентированной на формулу трёх «С» (страха-секса-силы), грозит свести национальную идентичность до этнографического уровня. Поэтому инициатива Словении по созданию Форума славянских культур чрезвычайно актуальна. Активизация миротворческих, культурно-просветительских акций таких как «Славянский экспресс», Дни культуры и науки в разных странах, международные конкурсы и фестивали, и, конечно, Дни славянской письменности и культуры способствуют сохранению и развитию славянской доминанты в Европейском культурном сообществе. Шансы славянства будут тем выше, чем более консолидировано и солидарно оно заявит о себе в ближайшем будущем.

Ежегодно 24 мая, в период празднования Дней славянской письменности и культуры, в Успенском соборе Кремля, во всех Храмах России – Божественные литургии, Крестные ходы, у памятника Кириллу и Мефодию – молебны. Традиционно с 20 мая по 1 июня проходят детские паломнические миссии по монастырям России, научно-практические конференции, выставки, фестивали искусств, праздничные концерты.

На Московских международных славянских симпозиумах, которые проводятся с 1991 года, под патронатом Института славяноведения РАН, рассматриваются вопросы о перспективах развития славянских государств в области культуры, образования, науки, экономики и политики. Основная цель - определение контуров понимания современными общественными и научными кругами будущего славянского мира. Общественные деятели России и других стран, координируя усилия, стараются внести свой вклад в преодоление розни, препятствующей добрососедству и сотрудничеству между народами.

Владимир Константинович Волков был основоположником данных симпозиумов и внёс неоценимый вклад в развитие дружбы и взаимопонимания между славянскими народами. Его памяти мы посвящаем сегодняшний симпозиум и надеемся, что ретроспектива его трудов поможет нам взглянуть на происходящие изменения в мире другими глазами.

Приветствие мэра Москвы Юрия Михайловича Лужкова

Участникам международного симпозиума «Славянский мир в третьем тысячелетии»

От имени Правительства Москвы и от себя лично рад приветствовать участников международного симпозиума «Славянский мир в третьем тысячелетии», традиционно проводимого в нашем городе в рамках Дней Славянской письменности и культуры.

Правительство Москвы делает всё, чтобы столица России, являясь многонациональным, многоконфессиональным мегаполисом, и впредь укрепляла свои позиции как крупнейший центр мирового славянства.

Уверен, что нынешний симпозиум послужит делу сохранения и обновления духовных основ культуры славянских народов, явится мощным импульсом для новых научных исследований.

Желаю всем участникам симпозиума плодотворной, творческой работы, мира, добра и процветания.

Приветствие Назарова А.Д. Зам. председателя Комитета общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы

Огласив приветствие от мэра Москвы Ю.М.Лужкова, Александр Данилович Назаров также заявил: «Дорогие друзья, для меня представляет большое удовольствие принять участие в наших мероприятиях.

Не скрою, я седьмой раз участвую в нашем празднике, который проводится в этом зале. Он всегда призывал под свои знамена лучших ученых, людей, которым дороги идеи славянства, которые разрабатывают профессионально проблемы современного состояния славянского мира.

Весьма знаменательно, как отметила Галина Васильевна Боголюбова, что хотя в эти дни Москва уже находится на завершающем этапе праздничных мероприятий, посвященных "Дням славянской письменности и культуры", тем не менее, эта работа у нас не прекращается, она продолжается и по завершению Дней славянской письменности и культуры. От себя хочу добавить, что у нас в эти дни в рамках этого нашего праздника, появляется возможность не только поработать вместе, но еще раз прикоснуться всем сердцем к Москве славянской. Мы ждем этих встреч, ежегодно, готовимся к ним.

Желаю всем вам, дорогие товарищи, друзья, огромных успехов в благородном и очень нужном деле».

И. В.К. Волков – историк-славист

Владимир Константинович Волков – историк-славист

Как это ни горько ощущать, уже более полугода нет с нами Владимира Константиновича Волкова, и сегодняшнее заседание хороший повод еще раз вспомнить и его самого, и его богатое научное наследие. Тем более, как было сказано, Владимир Константинович был зачинателем празднования "Дней славянской письменности и культуры в России". Много раз он председательствовал на различных форумах, посвященных славянским дням, в том числе в этом зале, он много раз председательствовал и сидел на этом самом месте, где сейчас сижу я. Поэтому в этом зале, наверное, уместно еще раз об этом поговорить, поговорить о Владимире Константиновиче.

Прежде всего надо сказать, что он, конечно, был прирожденный историк. Он удивительно точно выбрал профессию еще подростком, когда зачитывался книгами Яна и других наших писателей, которые писали на исторические темы, потом он уже с этого пути не сходил.

После окончания школы с золотой медалью он поступил в Московский университет, на исторический факультет, и здесь еще раз сделал свой судьбоносный выбор, избрал в качестве специализации кафедру истории южных и западных славян, точнее современную историю южных славян. Специализация по новейшему времени всегда была очень сложной, особенно в те годы, и не только из-за незавершенности процессов, которые предстояло изучать, но и вследствие идеологического догматизма, политической конъюнктуры и т.п. В частности, Владимир Константинович хотел, изначально, заниматься Югославией, но из-за конфликта Сталина и Тито, был вынужден перейти на Болгарию, и дипломную работу писал по новейшей истории этой страны.

Тем не менее, он окончил университет с красным дипломом и, после двухлетней работы на радио, попал в институт славяноведения, который на

* Никифоров Константин Владимирович - доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН

работал в институте почти полвека, т.е. две трети своей жизни Владимир Константинович провел в институте славяноведения. От простого сотрудника он прошел путь до директора института. В.К.Волков 17 лет был директором института, был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, его научная деятельность получила заслуженное признание не только в России, но и за ее пределами. Ему помогали, конечно, любовь к истории, которую он пронес через всю жизнь, потрясающая организованность, трудолюбие, блестящие способности к языкам.

Жажду познания нового, любовь к научно-исследовательскому труду Владимир Константинович сохранил до последних лет своей жизни, и когда он ушел, то был просто переполнен новыми научными планами и идеями. Все мы думали, что их хватило бы на несколько монографий. К сожалению, жизнь так сложилась, что все эти планы остались нереализованными.

Но все-таки на мой взгляд, уникальность Владимира Константиновича не в том, что он являлся выдающимся историком, а в том, что он был выдающимся историком-славистом, я бы сказал, что он был крупнейшим историком-славистом нашего времени. Именно эта славистическая составляющая во многом помогает понять весь масштаб его яркой личности.

Как известно, славяноведение зародилось 200 лет назад, как преимущественно, филологическая дисциплина, а после разгрома в 20-30 годы прошлого века, оно стало возрождаться перед Второй мировой войной и после войны, как преимущественно, дисциплина уже не филологическая, а историческая. И персональным воплощением современной исторической славистики стал, на мой взгляд, Владимир Константинович Волков.

Как я уже упоминал, он начинал как югославист и болгарист, однако активно и профессионально занимался также западными славянами, прежде всего Польшей и Чехией, восточными славянами, прежде всего Украиной, и у него были планы написать еще ряд исследований по истории Украины. Недаром в институте славяноведения он создал отдел восточного славянства. Прекрасно знал он и отечественную историю. Таким образом, в сфере научных интересов Владимира Константиновича оказались все славяне и южные, и западные, и восточные.

Последние годы им также настойчиво проводилась мысль об интегральной модели российского славяноведения, которая охватывала бы все славянские народы, включая русских. Он ставил перед отечественной славистикой задачу найти собственный ракурс изучения этих проблем, особенно русистики, чтобы не дублировать работу других исследователей и научных учреждений, но в то же время не отрывать русистику от славяноведения.

В целом Владимир Константинович Волков всегда руководствовался формулой, выведенной российскими славистами еще в XIX веке: – славяноведение есть отечествоведение. Так он и подходил к этой дисциплине.

Кроме того, его интересовал не какой-то ограниченный период, а весь оказавшийся таким трагическим XX век, причем он захватывал и век XIX, и начавшийся XXI. Он был зачинателем серии трудов «Очерки истории славянских стран в XX веке», по его словам, серии третьего поколения нашего института, учитывая, что у нас в конце 50 – начале 60 годов вышли книги, посвященные всем славянским странам, а перед самым распадом Советского Союза – однотомные, краткие истории этих стран.

В институте славяноведения уже опубликованы "История Болгария XX веке", "История чехов и словаков в XX веке", сейчас готовится "История Югославии в XX веке", и со следующего года начинается работа над книгой "История Польши в XX веке". Таким образом, эта серия тоже будет закончена.

Замышлял он и синтетический коллективный труд по истории кризисных отношений между соцстранами в XX веке, таких как разрыв с Югославией 1948 года, польские и венгерские события 1956 года, Пражская весна 1968 года, польские события 1980 года и т.д.; хотел через призму этих событий посмотреть еще раз на историю славянских стран в XX веке.

Из современных историков-славистов, пожалуй, только Волков отличался таким широким подходом ко всему славянскому миру. Более того, как хорошо сказал о нем один из его учеников Николай Николаевич Станков, он раздвинул горизонты исследования славянского мира.

Это, действительно, так. Владимир Константинович, возможно, был последним отечественным славистом такого широкого профиля, напоминая этим ранних отечественных славистов, причем, будучи еще и прекрасным историком-международником, специалистом в области международных отношений, он всегда вписывал свои славистические исследования в более широкий контекст, контекст политики великих держав – России, США, Германии и т.д. В наш век узкой специализации это, конечно, было очень необычным и даже неординарным явлением.

Волков считал, что заниматься всеми этими проблемами необходимо, т.к. на протяжении всего XX века славянские народы неизменно находились в эпицентре исторических событий и играли роль, намного превосходящую реальный удельный вес этих народов в населении Земли и в мировой экономике.

Но главное даже не в этом. Став директором Института славяноведения, Владимир Константинович Волков взвалил на себя еще и груз ответственности за судьбу отечественной славистики. Особенно ярко это проявилось в первой половине 1990 годов. В это время Институт славяноведения оказался на грани закрытия. Самая большая славянская страна могла остаться без главного славистического центра.

Многие тогда встали на защиту института, в том числе известные ученые академики – Дмитрий Сергеевич Лихачев, Никита Ильич Толстой и др., но главная заслуга в том, что институт сохранился, принадлежит безусловно Владимиру Константиновичу Волкову. Он считал институт уникальным явлением в мировой славистике, где, по его словам, создан сплошной фронт славяноведения. Он любил это с гордостью повторять.

Кстати, на институт славяноведения покушались уже во второй раз. В первый раз такая попытка имела место в конце 60-х – начале 70-х годов. В ЦК КПСС были планы переименовать его в институт истории и истории культуры европейских социалистических стран. Понятно, что славистика оказалась бы где-то на периферии.

Ответственность за судьбу российского и мирового славяноведения разделялась у Волкова с беспокойством за судьбу славянских народов. Эта тема особенно волновала его в конце прошлого столетия. Именно в те годы Владимир Константинович много размышлял о судьбах славянских народов.

Он указывал на тектонические сдвиги в истории славянских народов в прошедшем столетии: первая и вторая мировые войны, а также события 1989-91 гг. Всеми этим проблемами он активно занимался.

Так, нынешнее состояние славянского мира Волков определял термином энтропия, то есть разбегание славянских народов по национальным квартирам. Он с сожалением отмечал наличие в славянском мире многих болезненных явлений, в том числе русофобии. Ставил перед славяноведением задачи изучения этого феномена, а также этнических стереотипов взаимного восприятия славянскими народами друг друга. Кстати, эта тема в институте славяноведения сейчас активно развивается. И тем самым развивается новое научное направление, получившее название имагология.

Нынешние тенденции развития славянских стран, предупреждал также Волков, могут поставить их в такое положение, при котором они оказываются перед угрозой потери национальной самобытности. Задача славянских стран, по мнению Владимира Константиновича, пройти через современную эпоху глобализации без утраты национального лица.

Еще одна исследовательская проблема, которую Волков завещал последующим поколениям славистов, заключается в следующем: существует ли на сегодняшний день некий славянский культурно-исторический тип, который обычно именуется цивилизацией или субцивилизацией, пусть даже не осознанный или отрицаемый. И если есть такой славянский культурно-исторический тип, то каково его место в рамках европейской цивилизации. Сам он полагал, что такой культурно-исторический тип существует. В.К.Волков ставил вопрос о взаимоотношении процесса модернизации и развития славянских национальных культур. Он был сторонником продолжения написания в институте многотомной истории славянской культуры.

Следует отметить, что еще 10 лет назад по заданию ЮНЕСКО, все славянские страны должны были написать очерки истории славянских культур. Каждая страна получила задание написать труд по определенному периоду. Нашему институту достался период от начальной истории славян до XIII века включительно. Мы этот том написали 10 лет назад, но ни одна другая славянская страна не подготовила свой раздел, поэтому этот том так и остался первым и последним. В какой-то степени сейчас этот проект реализуется нашими коллегами из Государственной академии славянской культуры при самом непосредственном участии ученых института славяноведения. Но и у нас в институте есть планы вернуться к этой теме и написать более фундаментальный труд по истории славянских культур.

Волков предсказывал, что культурологическая составляющая славистики будет возрастать, а сотрудничество славянских народов в культурной области будет выгодным для всех них, особенно для малочисленных.

Может быть, на самом деле, если, повторим, славяноведение зарождалось как филологическая дисциплина, а затем развивалось как преимущественно историческая, в наше время наступает новый этап, и сегодня славяноведение во все большей степени будет становиться культурологической дисциплиной.

Волков придавал этому очень большое значение. И именно поэтому, считал преждевременным сбрасывать со счетов идею славянской взаимности, относить ее к романтическому периоду развития славянских народов.

Можно прогнозировать, по его мнению, возрождение идей славянской взаимности, но, конечно, в новых формах. Вообще проблема славянской взаимности для каждой эпохи имеет свое содержание. Для посткоммунистической эпохи она все более заметно приобретает культурно-цивилизационный характер.

Вот, примерно то, что предсказывал Владимир Константинович Волков, а потому, полагал он, есть повод для умеренного оптимизма и небеспопеченных надежд.

Некоторые вопросы современной польской истории в творчестве Владимира Константиновича Волкова*

Владимир Константинович Волков был разноплановым историком и, конечно, прежде всего, историком южных славян, однако необходимо отметить, что его научные интересы можно распространить на все славянство, и я должен сказать, что может быть, мы еще недооценили его роль в изучении польской истории.

В 2000 году, когда Владимиру Константиновичу исполнилось 70 лет, Институтом славяноведения РАН был издан сборник статей в его честь. Этот сборник состоял из статей видных историков, историков культуры из Российской Федерации зарубежных стран, которые были посвящены важнейшим проблемам истории, международных отношений и истории культуры славянских народов. Сборник назывался «Славянские народы, общность истории и культуры». Это название не случайно, потому что оно выражает центральную, главную идею творчества Владимира Константиновича. Я бы сказал, то главное послание, которое он нам завещал: отстаивание интересов славянского мира, общность его истории и культуры, ныне подвергающиеся угрозам в эпоху глобализации, в которую вступила человеческая цивилизация. В наши дни глобализация означает интенсивный импорт, точнее говоря, инвестирование американской и западноевропейской продукции массовой культуры. Она формирует общее мировое культурное пространство, в котором растворяются культурная самобытность и идентичность отдельных стран, она уничтожает вековые культурные традиции многих стран и интересность идейное влечение этих стран к ценностям классического наследия мировой культуры.

Об этом ни раз напоминал Владимир Константинович Волков в своих выступлениях на наших научных конференциях, которые проходили в рам-

*Хорев Виктор Александрович, доктор филологических наук, профессор, зав. отделом истории славянских литератур ИСл РАН

ках Дней славянской письменности и культуры. В одном из своих выступлений, которое было произнесено как раз в этих стенах, где мы сегодня заседаем, Волков отмечал, что засилие безликой массовой попкультуры, - говорил Владимир Константинович, - не только на экранах телевизоров, но и в повседневном быту грозит свести национальную идентичность, национальную культуру к этнографическому уровню. Особенно тяжелое испытание судьба может уготовить малым славянским народам, недавно обрешшим свою государственную независимость.

Именно под этим девизом общности истории и культуры славянских народов, который был сформулирован В.К.Волковым, проходят научные конференции в связи с празднованием Дней славянской письменности и культуры в тех городах, куда каждый год перемещается центр этого праздника.

Итак, из десяти работ иностранных ученых опубликованных в вышеупомянутом сборнике «Славянские народы, общность истории и культуры» пять, то есть, половина принадлежит известным польским историкам. Такие известнейшие польские историки как Станислав Былина, директор Института польской истории Польской Академии наук, Георгий Дурачинский, Ежи Барейша, Лекча Чаковский и другие приняли участие в этом сборнике не случайно. Польским ученым хорошо была известна позиция Волкова по проблемам польской истории. И мы, рассматривая славянскую идею в русском национальном сознании, Владимир Константинович Волков отвергал склонность некоторых исследователей к разделению славянских народов по религиозному признаку на православных и католиков, а также по национальным признакам. Об этом, в частности, говорилось в его докладе на конференции в Дни славянской письменности и культуры в Ярославле в 1998 году. Позже эти мысли В.К.Волкова получили дальнейшее развитие в его трудах.

При всем том, что Владимир Константинович в первую очередь, по своему базовому образованию и основному направлению научных исследований был специалистом по истории южно-славянских народов новейшего времени, его научные горизонты были необычайно широки. Они затрагивали историю всего славянского мира, его международные связи и отношения.

Немалое место в наследии Владимира Константиновича занимает и современная польская история, в изучении которой так же как и в других областях, он стремился отбросить устаревшие каноны и концепции и выявить научную истину. Именно это снискало ему большое уважение со стороны польских коллег, что я могу засвидетельствовать как полонист, часто бывающий в Польше, и часто общающийся с польскими историками культуры. Свидетельством признания заслуг Владимира Константиновича Волкова в деле развития научных связей и укрепления дружбы между польским и русским народами является полученный им из рук двух президентов

В.В.Путина и Квасневского высокий польский орден, офицерский крест "Орден за заслуги". В книге, которая издана сейчас к данной научной конференции, помещена фотография, где президент Квасневский в присутствии президента Путина вручает Владимиру Константиновичу этот польский орден.

Специалист по международным связям и отношениям в Европе в XX веке Владимир Константинович понимал, что польско-советские отношения как накануне и в годы Второй мировой войны, так и после ее окончания не могут рассматриваться изолированно, а требуют глубокого анализа всего комплекса проблем международных отношений того времени. Комплексный подход присущ многим его работам, начиная с 70-х годов. Я просто назову такие его работы как «Место и роль государств Центральной и Юго-восточной Европы в международных отношениях в 1917-1939 годах» (вышла в свет в 1979 г.), затем «Политические итоги Второй мировой войны и образования содружества социалистических государств в Европе» и ряд других исследований, в которых как раз рассматриваются судьбы всего славянского мира в контексте развития международных отношений соответствующей эпохи.

Необходимо отметить, что многие годы Владимир Константинович Волков был председателем российской части комиссии историков России и Польши. Эта комиссия историков России и Польши была образована в 1965 году и ни на один год даже в самый трудный период отношений между нашими странами не прерывала своей работы.

Комиссия провела в России и Польше, 36 научных конференций, и многие из них в последние годы, когда Владимир Константинович возглавлял комиссию историков России и Польши, прошли при самом деятельном его участии и как организатора, и как автора актуальных докладов.

Последняя такая совместная научная конференция российских и польских историков, успешно проведенная Владимиром Константиновичем Волковым, состоялась в сентябре 2005 года в Москве. На ней Владимир Константинович выступил с докладом "40 лет комиссии историков России и Польши. Опыт и перспективы российско-польского научного сотрудничества в области исторических наук". Сборник материалов этой конференции сейчас готовится у нас к изданию. В этом докладе В.К.Волков проанализировал работу комиссии историков России и Польши за все годы ее существования. Надо сказать, что хронологический и тематический охват вопросов, который рассматривался на заседаниях российско-польской комиссии, весьма обширен. В центре внимания комиссии были политические, экономические, социальные и культурные процессы, которые происходили в регионе Восточной Европы на протяжении X-XX веков, и исследовалась роль и место в этих процессах России и Польши.

В центре внимания комиссии, конечно, находились вопросы двусторонних российско-польских отношений, политических, национальных, научных и культурных связей.

Изучалась также и проблема формирования у русских и поляков представления друг о друге, значение национальных стереотипов для развития русско-польских отношений. При этом, это важно подчеркнуть, что Владимир Константинович не стеснялся прямо говорить: «Я противник ксенофобии не только в Польше, но и в России». Он открыто говорил о русофобии в выступлениях некоторых политических польских деятелей и польских публицистов.

Необходимо также отметить, что деятельности Владимира Константиновича Волкова, как председателя российской части российско-польской комиссии историков предшествовала его работа в польско-советской комиссии историков по так называемым «белым пятнам». Это была исключительно важная работа в то время, которая сегодня уже менее известна. Последующие события перехлестнули опыт работы той комиссии, ибо она действовала в период агонии коммунистического режима и в Польше, и в бывшем Советском Союзе.

Я хочу несколько подробнее остановиться на деятельности этой комиссии на основе личных воспоминаний Владимира Константиновича, которыми он со мной делился и которые он отчасти опубликовал в статье «Субъективные заметки о советско-польской комиссии историков по «белым пятнам»». Это очень интересная статья, опубликованная в 2002 году в сборнике «Студии Аполоника». Она мне особенно дорога тем, что она вошла в сборник, который был подготовлен к моему 80-летию. Советско-польская комиссия по «белым пятнам» образована в 1987 году. Она просуществовала чуть более 2-х лет до распада социалистического лагеря и соответственно коммунистических режимов в Польше и у нас.

Владимир Константинович принимал участие в работе комиссии с начала 1988 года. Спорных вопросов, представленных для обсуждения в этой комиссии было множество. В Институте славяноведения, как вспоминает в своей статье "Субъективные заметки" Владимир Константинович, 13 апреля 1988 года состоялось совещание, которое было посвящено реализации совместного с польскими коллегами проекта «Советская Россия и Польша в 1917-1921 годах». Этот вопрос по тогдашним временам, (и сейчас спорный и сложный) был подобен неразорвавшаяся мине. В ходе дискуссии выявились разные позиции обеих сторон. Некоторые польские историки считали, что поскольку В.И. Ленин подписал декрет о признании независимости Польши, то Польша должна быть восстановлена в границах 1772 года. Разумеется, с этой позицией не могли согласиться наши ученые. Тогда же был поднят вопрос о доступе ученых к материалам архивов, весьма актуальный

и сегодня.. В то время многие отечественные архивы продолжали оставаться недоступными для исследователей. Вот этот вопрос, пишет Владимир Константинович, оставался буквально дежурным и в дальнейшем. Вопрос о работе в архивах был очень актуален и для Волкова. Он очень любил архивную работу и собирался продолжить свои изыскания в архивах после того, как освободился от организационной работы на посту директора института. Владимир Константинович всегда мечтал об исследовательской работе в архивах, он с радостью посвятил себя этому в последнее время, но, к сожалению, не смог реализовать свои планы.

Итоги 1,5 годовой работы комиссии показывают, что успех достигается, прежде всего, там и тогда, где и когда комиссия располагает необходимыми архивными данными и наоборот. Там где отсутствуют новые архивные документы, там исследование научной проблемы остается недоработанным или продвигается вперед крайне медленно.

Одной из главных тем работы комиссии было Катынское дело, то есть расстрел польских офицеров на территории СССР. Из воспоминаний Владимира Константиновича Волкова вытекает, он пишет об этом подробно, что в годы перестройки Советский Союз во главе с Горбачевым был не готов к обнародованию правды как о событиях в Катыни, так и о соглашении Советского Союза с гитлеровской Германией 1939 г., так называемом портфеле Риббентроп-Молотов. При этом утверждалось, что якобы в советских архивах невозможно было найти соответствующие документы. Польская часть комиссии, вспоминает Волков, представила материалы экспертизы по катынскому делу, основанные на западных и польских источниках, которые опровергала выводы комиссии Бурденко 1943 года о том, что убийство офицеров в Катыне - это дело рук немцев, поляки приходили к заключению, что виновником является НКВД.

Как отмечал В.К.Волков советская часть комиссии сочла, что этот вопрос нуждается в дальнейшем тщательном исследовании, ибо представленная экспертиза не содержит полных доказательств в пользу изложенной в ней версии. Такая позиция была явно продиктована давлением сверху что понимали, впрочем, и польские участники.

Как отмечается в воспоминаниях Владимира Константиновича, представлявшее наибольшую трудность в работе комиссии Катынское дело в новейшей историографии разработано весьма основательно. Я просто назову некоторые исследования на русском языке: «Катынские пленники в необъявленной войне, документы материалы», 1997 г., особенно важным по моему мнению является исследование Яжборовской, Яблокова и Парсадановой "Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях". Эта книга была издана в 2001 году ее высоко оценивал Владимир Константинович Волков.

В целом надо отметить, что научные результаты исследований поднятых комиссией по «белым пятнам» вопросов появились много лет спустя после завершения работы самой комиссии. Однако нельзя не согласиться с Владимиром Константиновичем в общей оценке работы этой комиссии. Он писал о том, что комиссия дала первый толчок к архивным изысканиям и последующим публикациям по ряду сложных вопросов наших отношений с Польшей.

В научном плане, по мнению Волкова, работа комиссии оказала благотворное влияние прежде всего на советскую сторону, на советских историков. Она придала ускорение сложному процессу пересмотра исследовательских приоритетов, причем, не только в изучении истории Польши и польско-советских отношений, она также способствовала обновлению исследовательского инструментария. Введя в официальный оборот термин "белые пятна", комиссия тем самым облегчила снятие многих табу на исследование ряда проблем. Благодаря работе комиссий многие историки получили доступ в архивы, ранее для них закрытый. И, наконец, во время работы комиссии участились контакты с польскими коллегами, здесь надо отметить, что в значительной степени эти контакты были свернуты после начала политического кризиса в Польше в 80-м году. И, самое главное, членам комиссии с обеих сторон в ходе ее работы приходилось пересматривать свои позиции, учитывать мнения и доводы своих коллег. Многочисленные дискуссии помогали избегать односторонних оценок и моноцентричных подходов. Многие, намеченные в ходе работы комиссии научные проекты, продолжают осуществляться и в наши дни, они вносят ценный вклад в науку.

В заключение я хочу привести мнение Владимира Константиновича Волкова, который писал в рассматриваемых мною воспоминаниях о том, что семена, посеянные усилиями участников комиссии, дали всходы. И я думаю, что все семена, которые были посеяны всей деятельностью Владимира Константиновича Волкова, дают и будут продолжать давать научные всходы.

В.К. Волков о современных событиях на Балканах*

Мы знаем, что В.К.Волков — историк, славист очень широких знаний. Он писал о Болгарии, Хорватии, Сербии, славяно-германских отношениях, внешнеполитических концепциях Германии, Внешней политики Турции и Греции, международных отношениях. И хронологически работы охватывали достаточно большой период: от начала, прошлого века до современности. Вопросы социалистического развития южнославянских стран не занимали слишком большого места в исследованиях Владимира Константиновича до 90-х гг., однако уже в 1991 г. учёный очень внимательно следит за разворачивающимися драматическими событиями на Балканах. Он понимает, что российское общество не готово объективно воспринимать происходящее в Югославии, что не хватает информации, что среди тех, кто пишет о начавшихся войнах, мало специалистов. Владимир Константинович начинает размышлять о кризисе как историк, который хорошо знает историю этих народов, их взаимоотношения. И прежде всего задумывается о причинах кризиса и начинающегося распада Федерации. Уже в 1991 г. он публикует в немецком журнале статью об этнократии в посткоммунистическом обществе¹, в 1992 г. - «О возрождении национализма в конце XX века»².

Летом 1993 г. В.К.Волков читает серию лекций в США на тему: «Югославский кризис: причины, развитие, возможные последствия». Видимо тогда он осознаёт глубину и масштабность происходящих на Балканах событий, понимает, что эта проблема достойна специального изучения и решает создать в Институте Центр по изучению современного балканского кризиса. К этому времени уже увидели свет два сборника документов о первых годах кризиса³, и В.К.Волков одобряет идею начать серьёзное изучение событий на Балканах со сбора и публикации документов, что легло в основу концепции создаваемого тогда Центра. С этого времени сам Владимир Константинович начинает внимательно следить за событиями в Боснии и Герцеговине,

*Гуськова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, зав. Центром современного балканского кризиса ИСл РАН

Хорватии, СР Югославии, собирать материал, давать интервью, делать комментарии на радио и ТВ, писать в газетах и журналах.

В 1994 г. в журнале "Новая и новейшая история" появляется знаковая работа Владимира Константиновича "Трагедия Югославии", без которой ни один исследователь не может приступить к изучению причин кризиса⁴. По мнению учёного, кризис имеет комплексный, многослойный характер, многообразные причины. Его нельзя рассматривать в отрыве от таких событий, как революции 1989 г. в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, как распад «социалистического лагеря» и Советского Союза. Прекрасный «международник», Владимир Константинович обратил внимание на те условия, в которых разразился кризис: радикальное изменение расстановки сил во всём мире, объединение Германии, распад «социалистического лагеря», снижение влияния движения неприсоединения. Переплетение внутривнутриполитических и международных проблем превратило югославский кризис в сложный узел противоречий, нуждавшихся в системном, комплексном анализе. Именно такой анализ и предпринял В.К.Волков в своей статье, написанной, что следует учитывать, в самом начале кризиса, когда ещё было мало документов, когда действия многих актёров драмы были не видны, когда прогнозирование событий практически было невозможным. Владимир Константинович пошёл по пути постановки ключевых вопросов, рассмотрение которых могло выявить исторические корни противоречий, которые в дальнейшем привели к кризису и распаду Федерации. Среди них: была ли Югославия искусственным государством; наследие Тито: «самоуправленческий социализм»; кризис государственности и др.

Характер учёного проявился в очень трудное время: все СМИ писали о кризисе очень односторонне, данных о том, что происходит на Балканах, было мало, официальная позиция (А.В.Козырева) во всех печатных изданиях доминировала. Не зная о некоторых деталях, Владимир Константинович тем не менее совершенно верно расставил актёров событий по своим местам, выявил причинно-следственные связи и ни разу не погрешил против истины в расстановке акцентов относительно степени виновности различных сил в эскалации конфликта. О войне в Словении он пишет, что это была проба сил, сможет ли союзный центр отстоять границы единого государства и право контроля над ними. В событиях в Хорватии учёный выделяет этническую составляющую, пишет о кровопролитии и антисербских эксцессах. Абсолютно верно Владимир Константинович пишет о той роли ЮНА в хорватской войне, о которой старались не писать – она очень долго старалась разъединить враждующие стороны (сербскую и хорватскую) и не думала о походе на Загреб, о чём постоянно говорила Хорватия, обвиняя армию и Сербию в агрессии. Стратегию хорватских властей он определяет так: «Отказывая сербскому населению в тех правах, которых добивалась для себя, а

затем становясь в позу жертвы сербской агрессии, хорватская сторона многими действиями (блокада казарм, нападения на мелкие подразделения, гонения сербского населения и т.д.) сознательно провоцировала ответную реакцию федеральной армии. Целью таких действий было добиться международного признания Хорватии как независимого государства. Вторым шагом в этом стратегическом замысле являлось использование международного признания как мощного инструмента принуждения, чтобы заставить федеральную армию очистить контролируемую ею территорию». О событиях в БиГ учёный пишет как об этническом конфликте, как о «войне всех против всех», выделяя при этом жестокость мусульманских формирований.

Размышляя о причинах событий в Югославии, а также о причинах односторонних оценок в западных средствах массовой информации, В.К.Волков вводит в научный оборот понятие «этнократические кланы» разных республик, которые втянули в свою борьбу за власть, территорию и собственность широкие слои населения, используя националистические идеи как мобилизационные лозунги. Политические центры в республиках и краях начали формироваться ещё в период самоуправления. Именно вокруг этих центров началось формирование этнократических (этнобюрократических) кланов, что для многонациональной Югославии имело далекоидущие последствия. Под термином «этнократия» Владимир Константинович предлагает понимать новый общественный слой, элементы которого возникают вследствие коммунистической социальной инженерии и экспериментов в области национальной политики. Национальная партократия комфортно формировалась и развивалась в автономных единицах (республики или области), территориальных по форме и национальных по содержанию, и вела себя как в мононациональных государственных образованиях, оттирая на второй план представителей других народов. Общей чертой всех этнократических кланов является их стремление к национально-авторитарным формам правления, борьба за власть и собственность, за контроль над «своей» территорией при полном игнорировании и непризнании за другими этносами тех прав, которых она добилась для себя.

Таким образом, Владимир Константинович преподнёс нам урок социальной анатомии посткоммунистических многонациональных обществ. И этот анализ сегодня является базовым при рассмотрении кризиса на территории Югославии, переходит из одной работы в другую - как в студенческих, дипломных, так и в работах маститых учёных.

Во второй половине 90-х гг. появляется несколько работ В.К.Волкова в сборниках, журналах и газетах, которые связаны с осмыслением происходящего на Балканах с точки зрения интересов международных организаций и геополитических планов великих держав: «Балканы в системе геополитических интересов России»⁵, «СНГ и югославский кризис: исторические и

политические параллели»⁶, «Балканский сценарий для России»⁷, «Расширение НАТО на Восток и проблема геополитики»⁸.

В 1998-1999 гг. В.К.Волков много выступает на радио, телевидении, даёт комментарии, участвует в круглых столах, мечтает сам посмотреть на дело рук НАТО в Югославии и едет в эту страну при первой же возможности. Его позиция ясная и непоколебимая: он называет деяния НАТО агрессией и не отступает от этого даже тогда, когда у нас уже смягчается терминология. Появляются статьи под названиями: «НАТО стремится изолировать Россию от остальной Европы», «Балканы балканским народам», «Вооружённое вмешательство НАТО может привести к новой мировой войне».

В 2002 г. в журнале «Новая и новейшая история» публикуется большая (80 стр.) статья Владимира Константиновича под названием «Новый мировой порядок и балканский кризис 90-х гг.»⁹, в которой он осмысляет масштабность событий на Балканах и их общественно-политические последствия. На этот раз он препарировал систему международных отношений, и как талантливый, разносторонний и многогранный историк связал в единую схему крушения всех европейских систем международных отношений за последние четыре столетия. Эта теория настолько интересна, что остановимся на ней подробнее.

Первой конкретно-исторической системой международных отношений, возникшей из средневековой раздробленности и свидетельствующей о наступлении качественно нового этапа в развитии континента, Владимир Константинович считает систему, заложенную Вестфальским миром 1648 г., подведшим итог Тридцатилетней войне – по сути первой общеевропейской войне. Тогда же возникли основы международного права, нашедшие отражение в знаменитой книге Гуго Гроция «О праве войны и мира» (1625 г.). Эта система, отличавшаяся постоянно менявшимися коалициями, враждовавшими между собой – что и поддерживало систему международного равновесия сил, – просуществовала почти полтора столетия, вплоть до Французской революции XVIII в. и наполеоновских войн.

Рождение второй конкретно-исторической системы международных отношений В.К.Волков связывает с Венским конгрессом 1815 г., завершившим эпоху наполеоновских войн. Тон в ней задавали великие державы того времени – Великобритания, Франция, Россия, Австрийская и Османская империи, позднее – Германия и Италия. В это время дальнейшее развитие получило международное право. Просуществовав почти 100 лет, система привела к складыванию двух противостоявших друг другу альянсов – Антанты и Тройственного союза – и завершилась их конфликтом, вылившимся в мировую войну.

Версальская система, заложенная в 1919 г., стала самой короткой по продолжительности ее существования из известных нам – всего 20 лет. По-

явление новых норм международного права, всемирной универсальной организации – Лиги наций (пусть даже первый опыт оказался неудачным) – все это свидетельствовало о ее своеобразии. Новой чертой явился раскол мира на две противоположные общественно-политические системы – капитализм и социализм – после победы Октябрьской революции в России и образования Советского Союза.

Возникшая после Второй мировой войны новая конкретно-историческая система международных отношений получила название Ялтинско-Потсдамской. Характерной чертой этой системы, появившейся на свет вследствие распада антигитлеровской коалиции, стал раскол мира на два общественно-политических лагеря и, соответственно, на два военно-политических блока – НАТО и Организацию Варшавского договора. Эта система просуществовала немногим более четырех десятилетий. Впервые в истории она прекратила свое существование не вследствие глобального конфликта, а в результате распада одного из полюсов, определявших ее развитие и функционирование. Это произошло в 1989-1991 гг. По мнению учёного, «мирный характер» распада старой системы привел к замедленному, растянутому во времени становлению новой системы международных отношений, вскоре названной "новым мировым порядком". Он и стал пятой системой, известной в истории Европы и мира. Новая система вскоре проявила свои собственные черты, отличающиеся от черт предшествовавшей эпохи.

Становление «нового мирового порядка» с самого начала проходило в обстановке резкого нарушения баланса сил в мире. В.К.Волков полагал, что в ходе развития югославского кризиса, переросшего потом в международный кризис на Балканах, на поверхность стали выходить малопривлекательные черты «нового мирового порядка».

Владимир Константинович в своей статье серьёзное внимание уделяет внешнему фактору в кризисе, даёт оценку деятельности международных организаций. «Первые же сведения о кровопролитии в Югославии привели к интернационализации внутривнутриполитического конфликта. Создавалось впечатление, что многие международные организации как будто ждали подходящего повода, чтобы проявить инициативу. Было естественным ожидать действий со стороны СБСЕ, которое создало в начале июля 1991 г. специальную комиссию по Югославии. Но эта комиссия не смогла проявить себя, хотя рассматриваемая проблема входила именно в ее компетенцию. Она вскоре была оттеснена на второй план действиями Европейского Союза (ЕС), давно уже следившего за развитием событий и принимавшего различные декларации. ЕС проявил огромную активность. Им была направлена специальная "тройка" европейских министров с целью посредничества между федеральным центром и мятежными республиками и сразу же принято

решение о прекращении экономической помощи Югославии – т.е. на практике все тем же федеральным органам. Действия этой организации с первых же шагов приняли односторонний антиюгославский и антисербский характер. Такой же характер приобрела и развернувшаяся в западной прессе мощная пропагандистская кампания, вскоре переросшая в настоящую информационно-психологическую войну. Одновременно становилось ясно, что СБСЕ постепенно оттесняется на обочину событий и начинает терять свой быллой авторитет".

В.К.Волков сделал интересные выводы, наблюдая за синхронизацией действий международных организаций и политическими процессами, протекавшими в Советском Союзе. Их действия были сравнительно умеренными до провала попытки путча в СССР 19-21 августа 1991 г. После этого, в ходе начавшегося развала СССР и по мере его нарастания, они стали более решительными. Это сразу же отразилось в решении ЕС, принятом в начале сентября 1991 г., о созыве постоянной Международной конференции по Югославии и наделении ее арбитражными функциями. Деятельность этой конференции под руководством лорда Каррингтона, а также ее арбитражной комиссии нашла отражение в подготовке предложений о путях разрешения югославского кризиса. Все четыре варианта, представленные конференцией в течение осени 1991 г., поощряли сепаратистскую линию республик, решивших отколоться от югославской федерации, особенно Словении и Хорватии, и играли деструктивную роль по отношению к югославской государственности, причем с заметно возрастающей раз от раза антисербской направленностью. Такие утверждения были достаточно смелыми – в российской историографии об этом писать было не принято.

Одной из тем, которую В.К.Волков постоянно прослеживал в своих работах, была позиция России в балканском кризисе. По его мнению, на ней лежала значительная доля вины именно за такой поворот событий в этом регионе. Период А.Козырева во внешней политике он называл периодом «инфантильной эйфории» и объяснял это так: «Если во внутренней политике Ельцин стремился быть и во многом был антиподом Горбачева, то во внешней политике он будто соревновался с ним в снискании расположения западных держав и особенно США. Козырев неоднократно и в разных вариациях подчеркивал, что главной целью российской дипломатии является поддержание взаимодействия и диалога с НАТО. Российский МИД избегал всего, что могло бы хоть отчасти омрачить его «медовый месяц», растянувшийся на годы, в отношениях с Западом, хотя последний последовательно гнул свою линию. В конце концов такой курс обернулся крупными потерями для международного положения России, ущемлением ее национальных интересов и сказался на общей структуре международных отношений». Причём, Владимир Константинович не просто констатировал, но обязатель-

но обосновывал свои выводы большим количеством фактов из внешнеполитической активности российской дипломатии.

Важной темой статьи стала деятельность НАТО. И в этом вопросе В.К.Волков не отступил от своих принципов. Анализ деятельности этой организации на Балканах он связал с её ролью в Европе и мире, планами расширения и считал, что действия НАТО представляют «угрозу международному положению России». Российская дипломатия в лице своего главы Козырева заняла соглашательскую позицию, подчеркивал учёный. В очередной раз было упущено время, а вместе с ним и возможность противодействовать негативным тенденциям в международных отношениях. К таким тенденциям он относит сокращение суверенитета отдельных государств, делегирование его части либо международным организациям, либо межгосударственным объединениям и экономическим и военно-политическим блокам, угроза вмешательства во внутренние дела отдельных государств. Балканы В.К.Волков видит как международную лабораторию новых политических технологий.

И ещё очень важный вывод. В.К.Волков не считает события на Балканах случайностью. Именно в период "нового мирового порядка" события развивались по заранее намеченным и тщательно разработанным планам. Будущим историкам, надеется Владимир Константинович, лет через 50 представится возможность ознакомиться с документами по реализации таких планов, по крайней мере частично. Но даже не имея на руках всех документов, В.К.Волков смог заметить и вычислить расхождение публичных деклараций и реального содержания предпринимаемых шагов.

Совершенно точно расставил учёный и акценты в событиях 1999 г. То, чему подверглась Югославия, он называет вооруженной агрессией извне со стороны террористической организации албанских радикальных националистов и НАТО. При этом вместо того чтобы взять под защиту жертву агрессии или хотя бы оказать ей моральную поддержку, новый мировой порядок и «международное сообщество» в лице западных держав ополчилось против Югославии. Фактически ей отказывали в праве на защиту. Таким образом, В.К.Волков, обратившись к изучению балканского кризиса, проявил себя не только как знающий и многосторонний историк, но и как мужественный человек, поскольку говорить правду в то время было трудно. Не слушали. Не слышали. Его гражданская позиция была активной, и по-балкански воинствующей. Он мгновенно загорался, когда узнавал об информационной лжи, никогда не отказывался от интервью, ставил свои подписи под петициями, письмами и заявлениями, когда они отражали объективную реальность и могли исправить ситуацию. В.К.Волков во всех своих работах не отступал от критики политики двойных стандартов международных организаций, всегда подчёркивал антисербскую направленность их действий. Он преду-

прежде всего руководство нашей страны об истинных намерениях НАТО и США в Европе, а также и в мире. И предлагал отдать Балканы – балканским народам, которые сами должны решать свою судьбу.

Примечания

- ¹ Волков В.К. Этнократия - в посткоммунистическом мире // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1991, № 52-53
- ² Волков В.К. Возрождение национализма в конце XX века // *Das Parlament*. Bonn. 1992, № 31-32.
- ³ Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990-1992): Современная история Югославии в документах. Т.1 / Отв. ред. Е.Ю.Гуськова. - М., 1992. - 372 с; Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии: Современная история Югославии в документах. Т.2 / Автор, составитель, отв. ред. Е.Ю.Гуськова. - М., 1993.-504 с
- ⁴ Волков В.К. Трагедия Югославии // *Новая и новейшая история*. - М., 1994. - № 4. - С. 3-32.
- ⁵ Волков В.К. Балканы в системе геополитических интересов России // *Бизнес и политика*. - М, 1995, № 8(9)
- ⁶ Волков В.К. СНГ и югославский кризис: исторические и политические параллели // *Balceni in fiamme. Quale pace etnica?* Edizione Culturale della Pace. - San Domenico di Fiesole, 1995.
- ⁷ Волков В.К. Балканский сценарий для России // *Российская газета*. М., 1995, 23 авг.
- ⁸ Волков В.К. Расширение НАТО на Восток и проблема геополитики // *Беларуская Думка*, Минск, 1997, № 2.
- ⁹ Волков В.К. Новый мировой порядок балканский кризис 90-х годов // *Новая и новейшая история*. - М., 2002, №2.

Изучение проблем отечественной истории в трудах В.К. Волкова*

Владимир Константинович, безусловно, прежде всего был историком-славистом. Но, тем не менее, его всегда привлекала и отечественная история. Иначе и быть не могло, особенно, если учесть с одной стороны исторические связи славянства с Россией, а с другой – некоторые обстоятельства его становления как профессионального историка.

Пробуждения у В.К.Волкова интереса к истории и затем и его формирования как историка, было обусловлено соприкосновением с отечественным прошлым. Он родился в Воронеже, где, как известно, строился флот Петра Великого и петровская тема надолго, если не на всю жизнь, стала одной из самых увлекательных для него. Владимир Константинович поступил в Московский университет, где свои первые шаги, как исследователь, он сделал в семинаре Константина Васильевича Базилевича, к которому до конца дней он сохранил самое трепетное отношение и самый большой пietet. В этом семинаре он получил первые навыки работы с историческими источниками и приобрел вкус к занятиям отечественной историей.

На втором курсе Московского университета он занимался в семинаре Ивана Антоновича Федосова, признанного специалиста в области отечественной истории, позже заведующего кафедрой истории XIX века Исторического факультета. Здесь В.К.Волков написал курсовую работу по истории декабристского движения, которая сразу же обратила на него внимание и руководителя семинара, и студентов, которые обучались с ним в одной группе.

Среди его добрых знакомых и близких друзей всегда было много историков-русистов, общение с ними давало дополнительные стимулы его занятиям отечественной историей. Первой серьезной заявкой В.К.Волкова о себе, как об историке России, стала фундаментальная статья к вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм», она была опублико-

* Волкова Ирина Владимировна, доктор исторических наук.

вана в 1969 году в сборнике "Славяно-германские культурные связи и отношения". Сам предмет исследования был очень сложным и, самое главное, необычным для того времени. Предметом данной статьи стали не столько терминологические изыскания, сколько происхождение и развитие двух соперничающих доктрин - пангерманизма и панславизма, изучение стоявших за ними политических сил и политических планов последних.

Работа получилась подлинно новаторской. В.К.Волков пришел к выводу, что термин панславизм исторически предшествовал термину «пангерманизм» и служил оселком, на котором оттачивались концепции идеологов немецкого национализма. Он показал, что сначала в 30-е годы XIX века панславизм был лишь продуктом умозрительных разработок определенных политических кругов Запада, обеспокоенных ростом реального и потенциального влияния России на международные дела. И только в последствии уже после Крымской войны, в России появилась небольшая группа политических мыслителей, взявших на вооружение термин «панславизм» и создавших теорию внешнеполитической деятельности России на основе этих принципов. Но В.К.Волков всегда подчеркивал, что это была маргинальная группа общественных деятелей, и никакого реального влияния на внешнюю политику России она не оказывала. Что касается пангерманизма, который оформился в целостную идеологическую доктрину после революции 1848-1849 годов, то его социальная база и политическое влияние были много шире, чем у сторонников идей панславизма в России. Он реально перечислял все те организации, те течения, которые имели место в Германии и действовали под лозунгами пангерманизма. Это были и кружки Артура Губино, это был и Байрейтский кружок, и многочисленные приверженцы идеи срединной Европы, которые

Статья была замечена историками-русистами. На нее стали появляться ссылки в научной литературе, и В.К.Волков гордился тем, что вскоре после выхода этой статьи к нему обратились историки-русисты из института российской истории Академии наук с приглашением выступить перед ними с докладом о панславизме. Некоторые из его последующих обращений к отечественной истории были связаны с его личными контактами. У Владимира Константиновича всегда был очень широкий круг знакомых, среди которых были и историки, и деятели культуры. Некоторые из этих своих контактов он, в общем, не афишировал. Но они были, и они оказывали влияние на его изыскания по отечественной истории. В частности, с ним обсуждал замыслы своих книг, у него консультировался известный в советское время писатель Юлиан Семенович Семенов. Некоторые из романов Семенова были написаны при консультационном участии Владимира Константиновича, в частности, это роман "Бриллианты для диктатуры пролетариата". Этот роман посвящен последнему году жизни и смерти Петра Великого. Вот здесь снова

выплывает на поверхность петровская тема, которая всегда интересовала Владимира Константиновича. Волков никогда не отказывался от такой консультационной работы, но в то же время ее несколько скрывал. В ходе этой консультационной деятельности Владимир Константинович сумел глубоко вникнуть в петровскую тему: в историю политической борьбы в России в 1724-1725 годах, в международную ситуацию того времени, в борьбу интересов различных государств вокруг России.

В результате появилась статья, посвященная обстоятельствам ухода из жизни Петра и рассмотрению того политического наследия, которое он оставил. Статью эту он никогда не включал в список своих научных трудов, не придавая ей большого значения. Вместе с тем, она получилась действительно интересной, новаторской, в ней анализировалась комбинация политических сил, которые действовали и внутри России, и за ее пределами. Эту комбинацию он рассматривал как оппозиционную по отношению к петровским планам дальнейшего продвижения России в центр международной жизни.

Другим сюжетом, который его живо интересовал, была политическая деятельность и загадочная кончина генерала Скобелева. Эта тема первоначально вошла в круг его интересов также под влиянием личных контактов. Среди его близких людей был известный ленинградский историк, профессор исторического факультета ЛГУ Вадим Борисович Веленбахов, автор серии интересных очерков о М.Д.Скобелеве. Вадим Борисович Веленбахов, к сожалению, рано ушел из жизни. Он не успел развить скобелевскую тему, но, так сказать, по эстафете передал ее Владимиру Константиновичу. В результате появился очерк Владимира Константиновича озаглавленный "О смерти генерала Скобелева". Он был опубликован в Российской исторической газете в 1999 году. В нем обобщались не проясненные до конца ни тогда, в 1882 году, ни позднее обстоятельства ухода из жизни М.Д.Скобелева, позволяющие сделать предположение, что его смерть могла носить характер заказного убийства. Владимир Константинович выдвигал в этой связи вполне аргументированную гипотезу, что организатором убийства генерала Скобелева могла быть печально-знаменитая священная дружина, которая вынесла смертный приговор генералу Скобелеву за несколько лет до этих событий.

Известный современный исследователь скобелевской темы, один из активистов скобелевского комитета Владилен Иванович Гусаров ссылается на эту работу Владимира Константиновича в своей монографии о Скобелеве, считая ее лучшим опытом осмысления данного вопроса в отечественной историографии. Конечно, оба эти сюжета – и последний год жизни Петра, и последний год жизни Скобелева – не были для Владимира Константиновича предметом длительных кропотливых научных изысканий. Для него эти сюжеты скорее были частными, но обращение к ним, конечно, не было случай-

ным. Оно было мотивировано его не преходящим интересом к историческим ситуациям прорывов в России, переходов в новую геополитическую ситуацию. И фигура Петра Великого, и фигура Скобелева, хотя в разной степени, воплощали эту тенденцию исторического развития, и по этой причине, вызвали интерес у Владимира Константиновича.

Одна из главных проблем, которая сквозной линией проходила через все его научное творчество, это проблема истории распада России и СССР как сообщества наций. Данный вопрос В.К.Волков первоначально рассматривал на материале Югославии, и параллельно, может быть, несколько позже, он стал ее исследовать и на материале отечественной истории.

Одной из самых важных граней проблемы распада СССР для Владимира Константиновича было становление и развитие украинского сепаратизма. Этой теме было посвящено значительное количество научных и публицистических выступлений Владимира Константиновича. Но вот здесь, наверное, уместно вспомнить о том, что он первым познакомил отечественного читателя с трудом Николая Ивановича Ульянова "Происхождение украинского сепаратизма". Волкову была давно известна эта книга, которая вышла в Нью-Йорке только однажды в 1966 году, издал ее сам автор на личные средства. Владимир Константинович давно искал эту книгу в библиотеках западных стран. Поиски оказались, действительно, длительными и упорными. Оказалось, что эта книга является библиографической редкостью не только у нас в стране, но и за рубежом. В.К.Волков рассказывал, что чьи-то заботливыми руками из каталогов западных библиотек были изъяты карточки с упоминанием труда Н.И.Ульянова. Сам тираж книги, который состоялся в 1966 году, был скуplen заинтересованными лицами и скрыт от читателя. Таким образом, книга хотя и вышла, но не стала достоянием широкой научной общественности.

Владимиру Константиновичу удалось в один из своих приездов в США встретиться и познакомиться с вдовой Николая Ивановича Ульянова – Надеждой Николаевной. К сожалению, самого историка он уже не застал в живых. Николай Иванович скончался в 1985 году. От Надежды Николаевны Волков узнал много интересных подробностей из жизни Николая Ивановича Ульянова, и самое главное получил у нее согласие на публикацию труда Н.И.Ульянова на родине. Так вышел в свет в 1996 году в издательстве "Индрик" этот труд, а потом уже появилось и несколько его дополнительных изданий, инициатором его публикации стал Владимир Константинович. Публикации Владимира Константиновича и устные его выступления по проблемам украинского национализма и сепаратизма всегда отличала острая полемичность, смелая постановка вопросов о политической подоплеке борьбы за украинизацию культурной и общественной жизни Украины, борьбы, которая развернулась на заключительном отрезке советской истории. Подоплеку

этой деятельности он усматривал в сознательных усилиях ряда влиятельных политических сил и у нас в стране, и за рубежом, направленных на то, чтобы посеять рознь между двумя братскими народами или даже внутри одного народа, поскольку украинцев и русских В.К.Волков считал все-таки одним историческим народом. Ну и ослабить тем самым позиции России. Его глубокую озабоченность вызывал рост русофобии, антироссийская кампания в СМИ, которыми буквально был пронизан весь политический процесс на Украине, начиная с 90-х годов XX века. В свете событий последних лет хотя бы того протестного движения против появления НАТО в Украине, которым сейчас охвачен Крым, мы видим, что эти его тревоги, его озабоченность были далеко небеспочвенны.

И, наконец, отдельное, очень значительное место в научном творчестве Владимира Константиновича всегда занимала тема Великой отечественной войны, международных отношений и дипломатической борьбы кануна и начального периода Великой отечественной войны. Он был членом ряда авторских коллективов, написавших фундаментальные труды по истории Великой отечественной войны, а в начале 90-х годов в центре его внимания оказался сюжет, касающийся подготовки к возможной войне и со стороны Германии и со стороны СССР.

Еще в 1991 году на научной конференции в Вене он выступил с докладом, который был назван «22 июня 1941 года». В последующие годы он опубликовал еще серию статей и очерков, посвященных этой я теме. И наиболее завершенным изложением его взглядов стала большая по объему и это очень интересная и насыщенная прежде всего новыми фактами статья, которая называлась «Призрак и реальные Барбароссы в политике Сталина, весна-лето 41 года». Она была опубликована журнале "Вопросы истории" в 6 номере за 2003 год.

Центральная проблема, которая занимала В.К.Волкова в этой исследовательской области, резюмировалась в таком хорошо известном тезисе советско-исторической науки и пропаганды как внезапность нападения фашистской Германии на СССР. Он скептически оценивал подобные клишированные пропагандистские оценки и пытался разобраться в существе проблемы. Если переводить разговор в плоскость психологии, то его интриговал вопрос: как и почему Сталин с присущей ему сверх настороженностью, подозрительностью проигнорировал обширную информацию о подготовке Гитлера к агрессии против СССР, информацию, которая поступала из самых разных источников. В поисках ответа Владимир Константинович обращался к анализу соотношения сил, сложившегося на международной арене в 1940 году. Он показывает, что в это время образовался своеобразный треугольник. Одной вершиной этого треугольника был СССР, который ощущал свою изолированность. Второй вершиной был англо-американский блок,

фактически сложившийся в конце 1940 года. И третьей – фашистский блок, оформившийся в сентябре 1940 года после подписания тройственного пакта.

Владимир Константинович отмечал, что с лета 40 года советское руководство, которое преследовал кошмар объединенного похода капиталистических стран против СССР, стало усиленно подозревать Великобританию, а затем и США в намерении подорвать советско-германские отношения и столкнуть лбами Германию и СССР.

В.К.Волков доказывал, что в принципе такие подозрения не были лишены объективных предпосылок, поэтому сводить все только к паранойе Сталина, как это иногда делалось в исторической литературе, попросту говоря, неправильно. Основания для таких подозрений создавала вся предшествующая политика Великобритании в отношении СССР. Именно сквозь призму давней враждебности к Британии в окружении Сталина рассматривались и истолковывались некоторые шаги британской дипломатии 1940-1941 годов, в частности, вручение 18 апреля 1941 года Молотову меморандума британского посла Крипса, в котором содержалась информация об угрозе безопасности СССР со стороны Германии.

Владимир Константинович останавливался и на непосредственных последствиях односторонней и предвзятой трактовки Сталиным информации о намерениях Германии. Что это были за последствия, он хорошо показал. Это была и политика умиротворения агрессора, к которой Сталин фактически перешел в апреле 1941 года. Еще одним из результатов подобного осмысления ситуации стала установка Сталина на поддержание мира, сохранение мирной ситуации еще в течение достаточно долгого времени, результатом чего и стало опоздание с принятием мер по отпору агрессии. В своем докладе 1991 года и в некоторых позднейших выступлениях Владимир Константинович выдвигал предположение, что какие-то новые штрихи к картине международных отношений предвоенного периода могла бы дать переписка Сталина и Гитлера. Он считал, что поиски этой переписки не бесперспективны. И в конечном итоге они могут увенчаться успехом. Он полагал, что такая находка могла бы восстановить некоторые разорванные звенья в цепочке событий 1941 года и высказывал предположение, основанное на тщательном изучении источников, что переписка Сталина и Гитлера могла в себе содержать договоренность и о проведении личной встречи двух диктаторов. С такой договоренностью логично увязывалось и принятие Сталиным на себя полномочий председателя Совнаркома в мае 1941 года. Встреча с канцлером и проведение переговоров требовали паритета формальных статусных позиций с обеих сторон, чем, собственно, и объяснялось неожиданное вступление Сталина в новую должность.

Вот эти наработки, посвященные предыстории Великой отечественной войны для Владимира Константиновича имели определенную конечную

цель. Разработка этой тематики в его планах должна была увенчаться написанием монографии, для которой он придумал яркое необычное название «Увертюра к "Барбароссе»». Он долгое время собирал материалы для этой монографии, много писал, много выступал по этой тематике.

Правда, в последние годы жизни В.К.Волков несколько отошел от этого замысла, а центр его научных изысканий сместился в сторону другой проблемы – истории Брестского мира. Брестский мир он рассматривал как важнейший стратегический рубеж для России, как переломную грань в истории ее внешней политики и в истории формирования конфликтных зон в системе международных отношений России. Владимир Константинович успел проделать очень большую работу по сбору архивных материалов. Собрал целую кипу этих архивных материалов из архивных хранилищ Болгарии, Великобритании, России. Написал целый ряд предварительных набросков по данной теме, составил подробный план. Такая монография задумывалась В.К.Волковым как многоуровневое, многоаспектное исследование, в котором должны были бы найти освещение и вопросы заключительного этапа Первой мировой войны и февральской революции, вопросы зарождения белого движения, вопросы борьбы интересов великих и малых стран вокруг России. В итоге эта работа должна была бы увенчаться сравнением ситуации Брестского мира с ситуацией, которая сложилась после распада СССР в 1991 году. Он усматривал здесь множество параллелей и, очевидно, само обращение к теме Брестского мира для него как раз и было обусловлено сходством геополитической ситуации, в которой Россия оказалась в 1918 году и после 1991 года. К сожалению, довести до логического завершения эту работу Владимир Константинович не смог, но мы с вами хорошо знаем, что рукописи не горят, ценные мысли не пропадают, и, очень возможно, что эти его изыскания станут известны научному сообществу.

В.К. Волков и развитие отечественного славяноведения*

В своем сообщении я хотел бы остановиться еще на одном аспекте многогранной деятельности Владимира Константиновича – его работе по координации славистических исследований, дальнейшему развитию отечественного славяноведения.

Прежде всего, я бы хотел сказать, что длительное время волею судеб работая рядом с ним, я мог на практике убедиться в том, что Владимир Константинович был не просто крупнейшим ученым-славистом, но он был еще истинным патриотом и России, и славяноведения. Это его качество проявлялось во всех его научных работах, в публицистической деятельности.

Как директор института и как ученый в 90-е гг. прошлого века В.К.Волков столкнулся с очень сложными проблемами и в сфере политики, и в сфере науки. Тогда славяноведение и комплекс проблем, с ним связанных, были далеко не на первом месте в системе ценностей нашего политического истеблишмента. И в этом отношении В.К. Волков всегда последовательно отстаивал позиции славяноведения, роль этой науки в общем комплексе гуманитарных наук. Он был активным сторонником той точки зрения, что славяноведение – есть наука о стратегических интересах России. Или, как он еще говорил, это отечествоведение.

Надо сказать, что в своих трудах Владимир Константинович уделил этому большое внимание. в частности, в 1997 году в связи с 50-летием Института славяноведения была им подготовлена большая статья «Российская историческая славистика на пороге XXI века, смена исследовательской парадигмы» (опубликована несколько раз, см.: кн. В.К.Волков. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., Индрик 2000). Хочу еще раз подчеркнуть, что в новых условиях В.К.Волков смог проанализировать массу различных обстоятельств и прийти к очень

* Карасев Александр Викторович, кандидат исторических наук, зав отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в новое время Исл РАН.

важному выводу о необходимости развития интегральной модели славяноведения, то есть включавшей в себя не только южных и западных славян, традиционных для российского славяноведения, но и изучение Украины, Белоруссии и русистики.

В рамках своей концепции "Интегрального славяноведения" Владимир Константинович предпринимал большие усилия для того, чтобы славяноведение развивалось в нашей стране. И одна из главных его идей в этом отношении заключалась в том, чтобы Институт славяноведения играл роль координационного центра славистических исследований.

Надо сказать, что идея создания таких центров по координации всей деятельности по развитию отечественного славяноведения имела большую историческую традицию. Еще в 1961 году на базе тогдашнего Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР было проведено Всесоюзное координационное совещание по актуальным вопросам советского славяноведения. В этом совещании приняло участие большое количество ученых из Москвы, из других городов тогдашней Российской Федерации, городов других союзных республик, научно-исследовательских институтов и вузов. По итогам работы совещания славистов был сделан целый ряд важных выводов о необходимости координации славистических исследований тогда еще в рамках Советского Союза, и намечена большая программа выполнения научных исследований по славистической тематике.

Затем на протяжении ряда лет Министерством образования Советского Союза и кафедрой Истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ в качестве главных организаторов, при активном участии Института славяноведения, тогдашней Академии наук СССР, проводились научные конференции историков-славистов. Всего было проведено 12 таких конференций, последняя была в 1990 году. Надо отметить, что всесоюзные славистические конференции внесли значительный вклад в развитие отечественного славяноведения и преподавания истории славянских народов в высших учебных заведениях СССР. Особенно большое значение эти конференции имели для развития славяноведения на периферии. Организация научно-практических всесоюзных славистических конференций на базе местных университетов было важным стимулом для расширения славистических исследований на местах. Научные славистические конференции являлись также и координирующим органом, который направлял развитие славяноведения в целом по стране.

Сегодня в историографии есть разные оценки этих славистических конференций, но мне все-таки кажется, что наиболее правильным будет отметить их важную роль во-первых, в координации этих исследований, а во-вторых, в популяризации и развитии славяноведения не только в исторических центрах нашей науки, таких как Москва и Санкт-Петербург, а также на

периферии. Надо подчеркнуть, что Владимир Константинович в своей многогранной деятельности очень большое внимание уделял также популяризации славяноведения. Что же касается координационной работы, то по инициативе Владимира Константиновича был создан при Институте славяноведения Научный совет по проблемам славяноведения при отделении историко-филологических наук РАН. Этот научный совет длительное время возглавлял В.К.Волков, заместителем председателя был член-корреспондент РАН А.М.Молдован – директор Института русского языка РАН. Надо отметить, что вот этот совет провел в 2003 году очень важную конференцию. Это была по сути дела научная конференция, ставшая прямой преемницей традиций вышеупомянутого координационного совещания славистов 1961 года, а также всесоюзных славистических конференций проводимых

Министерством образования СССР, кафедрой История южных и западных славян" исторического факультета МГУ и Институтом славяноведения.

23-24 декабря 2003 года в Институте славяноведения РАН прошла такая конференция. Называлась она «Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития». Надо сказать, что в работе этого совещания приняли 179 человек из Москвы, Санкт-Петербурга, многих регионов России, гости из ряда зарубежных стран. В рамках совещания работало 5 секций: «Славянские народы в современном мире», «История славянских народов», «История славянских литератур», «Славянское языкознание», «Культура и фольклор славянских народов»; всего было заслушано и обсуждено 69 докладов и сообщений. Участники совещания с одобрением отнеслись к идее регулярного проведения совещаний российских славистов в русле предложенной проблематики. В 2008 г. планируется провести второе такое совещание российских славистов.

Это совещание сыграло важную роль в координации славистических исследований. В ходе его работы был выдвинут целый ряд важных вопросов. Многие участники этого совещания, прежде всего преподаватели вузов, ставили вопрос о включении преподавания курса истории западных славян в государственный стандарт для исторических и филологических факультетов университетов и гуманитарных вузов. Я считаю, что это очень важная задача. Сейчас курс истории славянских народов читается в Московском государственном университете, читается и в Петербургском государственном университете, в Государственной академии славянской культуры, в ряде других вузов. Но еще очень много нам предстоит сделать для реализации этой задачи.

Наряду с глобальной координационной деятельностью Владимир Константинович очень большое внимание уделял также и популяризации знаний о славянских народах в нашей стране. Это направление получило, как мне кажется, свое наиболее полное выражение в том, что наш Институт

принял активное участие, наряду с Правительством России и Русской православной церковью в проведении ежегодного церковно-государственного праздника – Дней славянской письменности и культуры. В рамках этих празднеств с самого начала проводилась научно-практическая конференция под общим названием «Славянский мир - единство и многообразие». Одновременно Владимир Константинович также принимал активное участие в организации, ставших традиционными, научных симпозиумов под эгидой Правительства Москвы и Славянского фонда России.

Я бы хотел отметить следующее, что В.К.Волков уделял очень большое внимание проведению этих научных конференций и симпозиумов.. Всегда тщательно готовил докладчиков, в основном, это были сотрудники Института славяноведения. Затем в каждом отдельном случае проводилась тщательная подготовка, велись переговоры, по согласованию тематики и подготовке соответствующих докладчиков на местах. Эпицентр празднования Дней славянской письменности и культуры каждый год перемещался по стране, соответственно и научные конференции проводились в различных городах России. Достаточно вспомнить географию проведения праздников в последние годы: Новосибирск, Калуга, Ростов на Дону, в 2006 году научная конференция была проведена в Ханты-Мансийске. География достаточно широкая. И мне представляется, что усилия Владимира Константиновича, направленные на организацию этих конференций не пропали даром. Такие научные конференции представляют собой часть популяризаторской деятельности нашей науки, которая, мне кажется, представляет очень важный аспект работы ученых-славистов, особенно актуальный в современных условиях ускорения процессов глобализации

Надо сказать, что Владимир Константинович был инициатором еще одной очень важной идеи, которая была реализована благодаря содействию Министерства культуры РФ, представлявшего на праздниках Дней славянской письменности и культуры Правительство России, – это ежегодное издание материалов научных конференций. Такие сборники традиционно включают в себя основные доклады участников научных конференций и получили название славянских альманахов..

Наряду с этим, еще одним важным направлением научно-организационной деятельности Владимира Константиновича было активное участие в работе различных международных организаций, связанных с исследованием истории, истории культуры и филологии славянских народов и народов Юго-Восточной Европы. В.К.Волков длительное время принимал активное участие в работе МАИПСК – действовавшей под эгидой ЮНЕСКО ассоциации по изучению культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы. К сожалению эта организация в конце 90-х годов прекратило свое существование. Все же при активном участии В.К.Волкова в рамках проекта

МАИРСК был подготовлен том по истории культур славянских народов. К сожалению, проект не был реализован до конца, вышел в свет только первый том, но сегодня мы имеем продолжение всей этой работы в рамках проекта, который осуществляет Государственная академия славянской культуры. Эти исследования будут продолжены и в институте славяноведения.

Кроме того, Владимир Константинович принимал участие в работе Международного комитета славистов. В 2003 году в Любляне (Словения), был проведен очередной XIII международный съезд славистов, В.К.Волков участвовал в организации этого съезда, в подготовке нашей делегации, издании докладов российских участников съезда.

В последние годы Владимир Константинович возглавлял российскую часть комиссии историков России и Польши и внес большой вклад в развитие контактов российских и польских историков.

Подводя итоги краткому обзору научно-организационной деятельности Владимира Константиновича Волкова в сфере развития славистической науки, я бы хотел отметить, что в своих трудах он выражал сдержанный оптимизм относительно дальнейшего судьбы славянских народов, несмотря на различные негативные явления в их современной жизни. Он говорил, что необходимо развивать научные, культурные, экономические связи славянских народов между собой, и это будет взаимовыгодным для всех славянских народов, как больших, так и малых. Но особенно это важно для малых народов, потому что самая главная задача, которая стоит перед ними сегодня, это задача сохранения своей национальной и культурной идентичности в условиях глобализации. В.К.Волков справедливо подчеркивал, что развитие научных связей между славянскими народами в этом плане играет очень большую роль.

Традиции, заложенные Владимиром Константиновичем, которые в свою очередь являются продолжением прежних традиций славяноведения, я надеюсь, будут развиваться и дальше усилиями института славяноведения, исторического факультета МГУ, филологического факультета МГУ, и других наших славистических центров.

Борьба славянских народов против фашизма в годы Второй мировой войны*

В начале в качестве преамбулы мне бы хотелось сказать несколько слов о Владимире Константиновиче как коллеге по институту. Владимир Константинович был известным ученым, его обширная деятельность далеко превосходила масштабы института, но в Институте это был наш очень доступный, умеющий делиться мыслями, знаниями, коллега. Он один из историков нашего института, занимающихся новейшей историей, достиг, в общем-то, признания в академической общественности и стал членом-корреспондентом РАН. Но Владимир Константинович никогда не страдал «звездной» болезнью. И для старшего поколения он всегда оставался просто Володей. Его в институте очень многие так звали. Это не было панибратство, это было даже некое проявление уважения к нему и ощущения сопричастности к нашему творческому институтскому коллективу, где ценится мысль, идея, но не звание или положение.

Судьба свела меня с Владимиром Константиновичем в самом начале 60-х годов, когда я поступила в аспирантуру, а он был младшим научным сотрудником еще без степени в только что созданном в институте секторе славяно-германских отношений. Этот сектор возник в значительной степени под воздействием политической конъюнктуры, а именно резкого роста агрессивных реваншистских устремлений в Западной Германии в то время. За несколько лет работы мы сделали 8 проблемных тематических сборников статей по славяно-германским отношениям и начали делать большую 2-х томную работу, которая называлась «Дранх нах остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». Выпустили первый том («Дранх нах остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871-1918 гг. М., Наука 1977. Отв. ред. В.К.Волков), подготовили второй том. Но тут вновь изменилась политическая конъюнктура – Советский Союз

* Носкова А.Ф., доктор исторических наук, ведущем научный сотрудник Исл РАН

и Польша заключили договоры о признании и восстановлении дипломатических отношений с Федеративной Республикой Германией. И этот сектор почил в бозе также как и второй том "Дранх нах остен", где Владимир Константинович также был ответственным редактором. Этот том был посвящен XX веку. Надо отметить, что тема второй мировой войны, международных отношений в Европе кануна войны была одной из центральных в научном творчестве В.К.Волкова. Исследованию этих проблем он посвятил многие свои труды.

Данный мой доклад посвящается памяти о той совместной работе. В своем докладе я остановлюсь не только на борьбе славянских народов в годы войны, но и на том, против чего боролись славянские народы и какая судьба их ожидала в случае победы гитлеровской Германии.

Каждую весну, отмечая в России День Победы, мы чтим память погибших в борьбе с фашизмом миллионов людей разных национальностей и отдаем долг уважения ветеранам войны. Наш поклон не только им, но и всему поколению советских людей, которому выпала судьба вынести всю тяжесть этой войны и в действующей армии, и в тылу. Им выпала и большая честь стать победителями.

В новых условиях, созданных событиями рубежа 80-90-х годов в странах советского блока, Вторая мировая война остается предметом особого внимания интернационального коллектива ученых. Ее история непрерывно обогащается новыми научными изысканиями. Приращение знаний позволяет ответственным исследователям очищать образ войны от многих мифов, созданных как коммунистами, так и антикоммунистами в эпоху блокового противостояния во имя различных идеологических и политических целей.

Между тем, и сегодня в ходе дискуссий о Второй мировой войне нередко слагаются новые мифы. В то же время недавно еще хорошо известные и важные факты из истории величайшей трагедии XX века остаются ныне как бы за кадром.

К таким ушедшим в тень, однако никем не оспариваемым и вспоминаемым лишь при случае вопросам, относится проблема фашистского нового порядка и того будущего, которое нацисты готовили многим народам Европы.

Общеизвестно, что они ставили перед собой чудовищные по масштабам и преступные по замыслам задачи. Гитлеровцы разделили человечество на высшую арийскую расу избранных и низшую, к которой отнесли, прежде всего, славян и евреев. В захваченной Европе был установлен жесточайший оккупационный режим. Он достиг своего апогея и приобрел абсолютно бесчеловечные формы истребительной оккупации в Польше и Чехии, на захваченных советских территориях, в расчлененной Югославии. Массовые аресты, публичные казни, комендантский час, облавы, голод, поборы, эпиде-

мии, зверская эксплуатация людей «низшей расы», стравливание этнических и религиозных групп коренного населения друг с другом использовались в качестве способов физического уничтожения и самоуничтожения народов. Такова была повседневная действительность военного времени на Востоке Европы. Активными исполнителями репрессивных акций были пособники оккупантов из национальных воинских полицейских и эсесовских подразделений: украинские националисты, усташи, русская освободительная армия, прибалтийские легионеры. Сегодня в некоторых странах они чувствуются как борцы за национальную независимость и против коммунизма. Но идеалы национально-освободительного движения не могут сопрягаться с соучастием в преступлениях, с уничтожением мирного населения, с охраной гетто и концлагерей, с участием в истреблении евреев.

В результате гитлеровского террора и репрессий погибли 5,5 млн. поляков и польских евреев, почти 1,5 миллиона граждан Югославии, более 300 тысяч чехов. Гигантскими были потери среди населения, главным образом славянского, на захваченных советских территориях. О числе здесь погибших историки все еще не имеют единого мнения. Называются разные цифры: от 10 до 14 и даже 18 млн. человек. Особую роль в нацистской системе истребления народов, мирных граждан и военнопленных выполняли концлагеря. Весьма симптоматично, что подавляющее число концлагерей располагалось на славянских территориях. В настоящие фабрики смерти, мельницы биологического уничтожения живых людей были превращены лагеря Освенцим, Майданек, Трешлинка и другие в Польше, где погибали миллионы представителей всех народов Европы. Концлагеря действовали на территории Югославии и в чешских землях. Зловещую память оставили места массового уничтожения людей, располагавшиеся на захваченной территории СССР.

Годы Второй мировой войны стали не только временем беспощадного оккупационного режима. На фоне военных успехов Вермахта в 1941-1942 годах появились два преступных замысла вождя третьего рейха. В начале 1942 года нацистские руководители утвердили план окончательного решения еврейского вопроса в Европе. Замысел физического уничтожения еврейского населения континента был выполнен нацистами почти в полной мере. Трагическую судьбу евреев помнят народы почти всего мира.

Несравнимо меньше осознана в мире опасность и преступность другого параллельного проекта нацистов, плана депортации и уничтожения славянских народов Европы. В случае его реализации мог измениться облик старого света, прервана история европейской цивилизации. Этот замысел известен современным ученым и мировой общественности как генеральный план "ОСТ". Первые документы, объединяемые таким названием, были обнаружены в архивах ФРГ польским историком Чеславом Мадайчиком и опубли-

кованы в начале 50-х годов. Публиковались они и у нас в стране в 70-е годы, но большого резонанса не получили. К сожалению, до сих пор историками не обнаружен изначальный документ, который был создан в конце 1941 или на рубеже 1941-1942 годов имперской службой безопасности Германии, возглавляемой Гимлером, автором названия всего замысла. Но в настоящее время известны более 100 сопутствующих материалов: разные версии самого плана, разработки его отдельных положений, рожденные в разных ведомствах нацистской Германии и даже в Берлинском университете. Эти находки позволили реконструировать замысел нацистов почти в полной мере.

Первоначальный документ состоял из малого и большого плана. Малый касался только некоторых польских территорий. Согласно большому плану нацистская реконструкция охватывала довоенную Польшу, чешские земли, советскую Украину, Белоруссию, часть РСФСР и Прибалтики.

По расчетам гитлеровцев здесь проживали от 45 до 65 млн. в основном расово неполноценных славян. Нацисты намеревались депортировать за Урал или уничтожить от 31 до 51 млн. человек, в том числе, поляков – 80-85%, литовцев – 85%, белорусов – 75%, населения западной и юго-западной Украины – свыше 60%, около 50% чехов, а также эстонцев и латышей. Остальных приблизительно 14 млн. жителей указанного региона Европы ждала или германизация, (часть народов Прибалтики, до 50%, чехов, 2,5 млн. Поляков) или превращение в невольников, которых следовало использовать или уничтожить.

Прежде всего, речь шла о наиболее многочисленном народе – русских. Осенью 1941 года Гимлер рассчитывал, что в ближайшее время в России умрет от 20 до 30 млн. человек. Срок исполнения плана был первоначально определен в 25-30, затем сокращен до 20 лет. За это время 30 млн. немцев должны были освоить освободившееся жизненное пространство: все польские земли, Чехию, Моравию и Прибалтику. Были определены главные направления немецкой колонизации советских территорий: северное: Прибалтика, Псковская, Новгородская, Ленинградская области, Ленинград.; южное направление: от Кракова на Львов, Житомирская, Винницкая, Каменец-Подольская области, излучина Днепра, к Черному морю и к Херсону, в Крым.

На этих землях предполагалось создавать поселение немецких колонистов. Через каждые 100 км, должны были располагаться так называемые опорные базы, связывающие все осваиваемые территории в единое целое. Крым рассчитывали превратить в Ривьеру для немцев, а Ленинградскую область и Прибалтику - в германскую административную единицу, провинцию. При этом начать заселение Крыма, Прибалтики и района Ленинграда планировалось сразу после их завоевания. Как утверждал осенью 1942 года

Гимлер, через 4-5 веков на территории до Урала будут проживать 500-600 млн. немцев.

Что касается судьбы славян, то она определялась словами Гитлера: «Меня совершенно не интересует, что думает обо мне бессильная западно-европейская цивилизация. Целью войны является не достижение какой-либо определенной цели, а физическое истребление противника». Генеральный план Ост существовал не только в разработках нацистских чиновников. Механизм массового уничтожения людей в лагерях смерти был уже запущен.

В случае победы Германии в войне возникала реальная угроза существованию славянского этноса. Будет ли осуществлен этот злоедейский план прямо зависело от исхода противоборства на советско-германском фронте.

Разгром гитлеровцев под Сталинградом и Курском повлек за собой постепенное прекращение работ над планом Ост. Об этом следует помнить всем политикам и пропагандистам, в их числе есть и представители славянских народов, которые пытаются умалить роль Красной армии в освобождении европейских стран от фашизма, рассуждают о смене гитлеровской оккупации оккупацией советской, новом порабощении этих народов. Но факты неумолимы. Знание истории, память о ее уроках мостят дорогу к правде и благоразумию, а их забвение чревато новыми опасностями и трагедиями.

Гитлеровские планы колонизации Востока были секретными документами, но реальные кошмары оккупационной действительности создавали отчетливый образ недалекого будущего. Славянские народы повели упорную, многообразную по формам – от подпольной школы до партизанских отрядов – борьбу с оккупантами.

С осени 1939 года сопротивлялись гитлеровцам поляки. Под угрозой арестов выходили на национальные манифестации, создавали подпольные группы чехи. Летом 1941 года подняли восстание и начали вооруженную работу с оккупантами народы Югославии.

Разворачивалась руководимая из Москвы партизанская война на захваченных гитлеровцами территориях России, Белоруссии, Украины.

В конце 1943 года здесь действовали тысячи партизанских отрядов и бригад численностью более 250 тысяч человек. В период перелома в ходе войны, стали возникать партизанские вооруженные отряды в Польше, Чехии, Моравии, Словакии, Болгарии.

Югославская народно-освободительная армия освобождала целые районы своей страны от оккупантов. Советские партизаны превратили тыл гитлеровской армии в пылающую линию фронта. Движение сопротивления приобретало всеобщий характер благодаря массовому участию в нем именно славянских народов разных национальностей и политических ориента-

ций, религиозных и атеистических убеждений, объединяемых отрицанием фашизма и стремлением к национальной свободе.

Вместе с тем, это движение было политически многоликим, характеризовалось острыми, порой непримиримыми внутренними разногласиями по вопросам будущего общественного развития, и борьбой за власть, вплоть до братоубийственной войны за политическое лидерство, в каждой из стран Восточной Европы.

Апогеем патриотического антифашистского порыва славян стали Варшавское и Словацкое восстание летом 1944 года. Они продемонстрировали глубокую ненависть к оккупантам, безмерную волю народов к свободе. И тогда, и сегодня эти события являются героическими символами национальной истории. Мы отдаем должное подвигу повстанцев, чтим их память, уважаем высокую цену сотни тысяч жизней, отданных за свободу, за сохранение своих наций и суверенных, самостоятельных государств.

Антифашизм, патриотизм рядовых повстанцев объединяет оба восстания, но цели политиков, призвавших народ к восстанию, их разъединяют. Словацкое восстание было направлено на свержение прогерманского режима национальной власти в Словакии и ускорение освобождения Чехословакии Красной Армией.

Что касается восстания в Варшаве, то здесь все было сложнее. Намерение тех, кто принимал роковое решение, а это польское правительство в Лондоне, и командование Армии Краевой в оккупированной Польше, были антигитлеровскими, но имели отчетливую антисоветскую направленность.

Замысел организаторов восстания состоял в том, чтобы воспользоваться военными успехами Красной Армии и, конкретно, штурмом Варшавы частями первого Белорусского фронта, который по их расчетам вот-вот должен был состояться, взять власть в столице Польши в момент отступления гитлеровцев, и, по сути дела, продиктовать Москве условия ее военно-политического пребывания в Польше.

Эта была очевидная попытка не дать советскому руководству шанс решить проблему безопасности страны на западном, тогда в высшей степени, важном германском направлении в соответствии с его представлениями о национально-государственных интересах СССР. При таком развитии послевоенной ситуации, а в Москве не исключали подъем германского реваншизма уже через 10-15 лет после окончания войны, проблема обеспечения безопасности СССР на Западе, виделась советским политикам не менее актуальной, чем до начала войны.

Сегодня в Польше преобладают эмоциональные оценки действий советского командования во время Варшавского восстания, подобные взгляды порой высказываются и в нашей стране. Принято обвинять Сталина в том, что в августе – сентябре 1944 года Красная Армия не пришла на помощь

повстанцам, не штурмовала Варшаву. Моральная ответственность за это, а значит и за гибель людей, прямо возлагается на Верховного Главнокомандующего.

Польские политики, решая свои геополитические задачи и проблемы сохранения, вернее восстановления в Польше своей власти, не принимали в расчет жизнь советских солдат, да и своих тоже. Скорее всего, о них, об этих жертвах, не думал и Сталин. Располагая абсолютной властью, он мог отдать любой приказ, действуя по принципу: цель оправдывает средства. Но помощь восстанию, направленному против геополитических планов СССР и большой политики советской стороны в Европе, не соответствовала интересам Москвы.

При научном подходе к проблеме ответственности политиков за принимаемые решения, мы должны констатировать, что ответственность несут в первую очередь те, кто призывал населения городов к восстанию, не согласовав своего решения с советским командованием.

Однако глубинная причина фундаментальных различий позиций сторон состояла в несовместимости геополитических целей польских и советских руководителей в Восточной Европе, она привела к гибели 200 тысяч варшавян.

Сталин, решая задачи обеспечения безопасности СССР, превращения страны в великую державу, как глава этого государства, вряд ли мог допустить, чтобы к власти в Польше пришли антисоветские силы. Поступавшие в Кремль материалы, добытые советской внешней разведкой тех лет, подтверждали существование расчетов определенных политических сил на сопротивление Красной Армии на территории Польши.

В наши дни мы являемся свидетелями стремлений некоторых политиков и историков принизить, или проще говоря перечеркнуть решающую роль Красной Армии в разгроме гитлеровской Германии в Европе.

Они спекулируют на том, что советский солдат, принеся избавление от фашизма, не принес народам Восточной Европы свободы национально-политического выбора. Это факт истории, но он вовсе не отменяет великого подвига советского солдата, который, будучи не свободным сам, разрушил чудовищные планы превращения славян в рабов, а их земель в немецкое, жизненное пространство, предотвратил гибель целых наций, и памятник ему за это до неба.

Об общественной деятельности В.К.Волкова*

Нынешний славянский майский праздник уже имеет свою длительную историю. Он возродился у нас ровно 20 лет тому назад в Мурманске, а 15 лет назад стал официальным государственным и церковным праздником. Праздник постепенно расширяет свою географию, пробуждая интерес к славянским народам у все большего числа граждан России. Стало хорошей традицией проводить в рамках этого праздника научные конференции в Москве, на которых рассматриваются различные проблемы истории, истории культуры, филологии славянских народов в современную эпоху и в историческом аспекте. Материалы конференций позволяют лучше осмыслить и оценить многие сложные, подчас противоречивые, а бы сказал, деликатные процессы славянского мира.

Первая такого рода международная конференция была проведена в 1998 г., надо отметить, что это был год 150-летия первого славянского съезда 1848 г. В ходе этой конференции в докладах участников среди других вопросов была рассмотрена и идея славянской взаимности.

Владимир Константинович Волков был инициатором постановки и разработки темы славянской взаимности. Его основной доклад на вышеупомянутой первой научной конференции так и назывался "Славянская взаимность - этапы развития этой идеи". И неслучайно, выступивший вслед за ним руководитель Департамента МИДа Российской Федерации Кузнецов тоже назвал свою тему так: "Идея славянской взаимности по-прежнему важна и актуальна". Жизнь показывает, что и сейчас эта идея не утратила своей актуальности, она помогает находить более эффективные пути взаимодействия славянских стран и народов.

Я хотел бы добавить еще несколько слов о Владимире Константиновиче Волкове как о прекрасном человеке и выдающемся общественном деятеле.

* Дрожжин Юрий Тимофеевич, ответственный секретарь славянского фонда России и общества «Славяне».

15 лет мне довелось тесно сотрудничать с Владимиром Константиновичем по общественной линии, дружить с ним. Долгие годы он был сопредседателем общества "Славяне" и сделал очень много, чтобы эта общественная организация приобрела авторитет и уважение, проводила конкретную полезную работу. По сути, он был первой скрипкой в нашем оркестре.

Самое деятельное участие Владимир Константинович принимал в подготовке и проведении праздников славянской письменности и культуры, придавал им большое значение, всячески стремился к углублению их содержания. Владимир Константинович отличался кипучей натурой, редким умением выбрать главное направление не только в науке, но и в общественной деятельности. Приходилось постоянно удивляться его неиссякаемой энергии, огромной работоспособности и умению точно оценивать события.

Центрами празднования дней славянской письменности и культуры по традиции становились по очереди крупные города России, и Владимир Константинович неизменно посещал эти города, активно и квалифицированно помогая на месте готовить и проводить научные конференции, которые стали неотъемлемой частью этих праздников.

Владимир Константинович глубоко переживал разлад в славянском мире, ясно видел причины разобщенности и недоверия, недалекость многих славянских политиков. Вместе с тем, он всегда с оптимизмом смотрел в будущее и верил в духовную близость и силы славянских народов.

Владимир Константинович всегда уделял много внимания и работе различных общественных организаций, связанных со славянской тематикой. До начала 90-х годов прошлого века активно действовали лишь три общественные организации: Славянский комитет СССР, реорганизованный в 1991 г. в «Международное общество славяне», Международный фонд славянской письменности и культуры» и «Славянский фонд России». Но в середине 90-х годов начался настоящий бум – появилось много новых общественных организаций, которые стали называться славянскими. С одной стороны это свидетельствовало о росте интереса к славянским народам и их проблемам. Но в числе этих новых организаций появились и такие, которые в реальности были весьма далеки от насущных проблем славянского мира. Они хотели использовать термин «славянские» в своих собственных, прежде всего политических целях. Владимир Константинович, естественно, решительно выступал против подобной практики. Он был убежденным сторонником выработки таких принципов взаимоотношений славянских стран и народов, которые, основывались бы на безусловном равенстве и взаимном уважении всех славянских народов; полностью исключали вмешательство во внутренние дела. Соблюдение этих принципов, безусловно, приведет к постепенному росту доверия и укреплению истинно дружеских отношений. В.К.Волков

считал чрезвычайно важным развивать взаимовыгодные экономические, политические и научно-культурные связи между славянскими народами

Владимир Константинович никогда не проходил мимо полезных инициатив славянской общественности, в том числе, всегда поддерживал популяризацию жизни и деятельности лучших общественно-политических, научных и культурных деятелей славянских народов. В частности, Владимир Константинович сразу понял важность восстановления в памяти народа имени генерала Скобелева Михаила Дмитриевича. И активно поддерживал усилия Скобелевского комитета, созданного в рамках общества "Славяне". Мне памятен "круглый стол", который два года тому назад, мы провели в здании Академии Генерального штаба по случаю 100-летия создания в России первого Скобелевского комитета. Там Владимир Константинович выступил с докладом, в котором содержались новые факты о жизни и деятельности генерала Скобелева. В настоящее время Правительство Москвы поддержало предложение Скобелевского комитета и приняло решение о восстановлении в центре Москвы на Славянской площади памятника Скобелеву.

Несколько штрихов к портрету В.К.Волкова.

В своем выступлении я бы хотела добавить некоторые штрихи в дополнение к портрету Владимира Константиновича. Прежде всего, говоря о Владимире Константиновиче надо подчеркнуть, что это был ученый общеславянского масштаба, который занимался общеславянскими проблемами.

Научное изучение этих проблем, их глубокий и всесторонний анализ в трудах В.К.Волкова могли быть осуществлены только на основе того, что Владимир Константинович владел очень большим запасом знаний, относящихся к истории славянских народов, причем его эрудированность выходила далеко за рамки узкой специализации по образованию – югославистики XX века. Он владел всей полнотой знаний о славянских народах. Это позволило Волкову заниматься историей России и СССР, успешно возглавлять комиссию историков России и Польши.

Важно отметить, и это очень показательно, что председателями русской или советской части этой российско-польской комиссии были все время представители историки России. Это был академик Б.А.Рыбаков, это было одно время академик Ю.С. Кукушкин, и другие ученые. На этот раз председателем комиссии впервые стал человек, не занимающийся ни историей Польши, ни историей России, югославист и специалист по новейшей истории. В.К. Волков совсем не случайно был поставлен на этот пост: он обладал системой знаний, которые позволяли ему очень успешно руководить этой работой. Польские коллеги меня могут в этом плане поддержать.

Я бы хотела также сказать о тех прекрасных временах, когда мы были молоды, и был молод наш институт. Это были 60-е годы, тогда в Институте появился ряд главных, наиболее значительных научных проектов, они гремели повсюду, потому что их было не так много, вокруг них сосредотачивалось все внимание. И вот тогда все знали, что есть такой проект "Дранх нах остен", и Владимир Константинович был одним из главных действующих лиц в этом проекте, ответственным редактором и автором ряда разделов,

* Фалькович Светлана Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Исл РАН

потому что он очень хорошо знал и историю Германии, и историю германо-славянских отношений, и всю историю XIX и более ранних веков, когда происходила германизация, когда разворачивалось сопротивление славянских народов германизации, он был специалистом по всем этим вопросам.

Я уже не говорю о том, что он обладал великолепными способностями к иностранным языкам. Немецкий язык был у Волкова основным, он его очень хорошо знал. Особо нужно отметить его неуемное стремление к новым знаниям, новой информации, Волков успевал узнавать очень многое. Владимир Константинович всегда был в курсе того, что происходило в мировой политике, в курсе новых веяний в науке, последних книжных новинок. Он всегда живо и непосредственно на все это откликался.

Владимир Константинович был настоящим эрудитом, человеком универсальных знаний.

II. История, история культуры, филология славянских народов

Громов М.Н. *

О славянской идее в русской национальной традиции

Русь ощущала себя частью славянского мира с незапамятных времен. Предания былого запечатлены в древнейшей из сохранившихся до нас летописей – «Повести временных лет», созданной на основе более ранних источников в XII веке. Под влиянием византийской историографии, в частности, рано переведенной «Хроники Георгия Амартола», начало всемирной истории описывается с того, как трое сыновей Ноя разделили Землю. Восток достался Симу, Юг – Хаму, а страны западные и северные – Иафету. Затем перечисляются европейские народы в уделе Иафета, в том числе славянские, которые издревле сидели на Дунае (там, где сейчас земля Венгерская и Болгарская, уточняет летописец).

Дополнительно к тексту, заимствованному из византийских хроник, в «Повести временных лет» добавляется перечень племен, населяющих Русь, среди которых как славянские (поляне, древляне, полочане, словене новгородские), так и финно-угорские (чудь, весь, мурома). Таким образом, в самосознании древнерусского этноса, из которого впоследствии выделяются русский, украинский, белорусский народы, с самого раннего периода усваивается важная идея о том, что Русь является частью славянского мира, который, в свою очередь, входит в семью европейских народов удела Иафета.

* Громов Михаил Николаевич, доктор философских наук, профессор, проректор ГАСК.

Далее в «Повести», этом ценнейшем источнике по истории восточного славянства, сообщается, среди прочих событий о двух важнейших – призвании варягов, приуроченному к 862 году, и знаменитой моравской миссии святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, начавшейся в 863 году. В сознании древнерусских людей начало политической организации восточных славян, связанное с созданием государства династии Рюриковичей, идущее под влиянием с севера, соединяется с началом христианского просвещения, связанного с деятельностью солунских братьев, влияние которого шло с юга. Южный цивилизационный вектор был доминирующим для восточного и южного славянства в дохристианский и раннехристианский периоды. Он пресёкся после падения Византии в 1453 году, что было крупной геополитической катастрофой для всего православного мира.

В память о тех важнейших событиях в 1862 году в Великом Новгороде, северной столице Древней Руси, был торжественно открыт и освящен памятник «Тысячелетие России» в присутствии императора Александра II, представителей высшей светской и церковной иерархии при огромном стечении народа. Среди более чем ста персонажей отечественной истории первыми в ряду культурных деятелей представлены святые Кирилл и Мефодий, никогда не бывавшие на севере Руси, но посетившие во время хазарской миссии Крым, который был издавна мостом между греческой, а затем византийской цивилизацией и народами Восточной Европы. Этот замечательный памятник, своеобразная история России в бронзе, стоит до сего дня в центре новгородского кремля недалеко от кафедрального храма святой Софии. Он в образной художественной форме лучше суховатых учебников воплощает идею патриотизма наряду с идеей славянства. Недаром во время Второй Мировой войны нацисты демонтировали его так же, как памятник в честь битвы под Грюнвальдом в центре Кракова, ибо оба они наглядно демонстрируют торжество славянства, культурное и политическое.

После крещения Руси в 988 году наступает так называемое первое южнославянское влияние, связанное с усвоением созданного в ранее христианизированной Болгарии во времена царя Симеона ярких памятников письменности – «Шестоднева Иоанна Экзарха», «Сборника царя Симеона» (известного в русской версии как «Изборник 1073 года») и других памятников, возникших под влиянием кирилло-мефодиевской традиции. В регионе *Slavia orthodoxa* на основе общего церковнославянского языка создается единый фонд классической для православного славянства литературы. В этот период конфессиональный фактор становится более важным, чем этнический, хотя память об общих славянских корнях никогда не забывалась. Второе южнославянское влияние XIV – XV веков связано с деятельностью болгарина митрополита Киприана, серба агнографа Пахомия Логофета, славянскими

переводами корпуса сочинений Дионисия Ареопагита, «Диоптры» Филиппа Пустынника и других памятников, имеющих общеевропейское значение.

Вновь актуальной идея славянского единства становится в XVII веке, когда Россия, превратившись в сильное государство на востоке Европы, начинает выражать сочувствие и поддержку славянским народам, поглотившим под иностранное господство. В Москву приезжают не только украинские и белорусские деятели культуры, среди которых выделяется личность Симеона Полоцкого, крупнейшего писателя, поэта, мыслителя, главы так называемой латинской партии (между прочим, тайного униата, члена Базилианского ордена). Из Рима прибывает католик хорват Юрий Крижанич, увлеченный идеей славянского взаимного сотрудничества, хотевший помочь царю Алексею Михайловичу превратить Россию в просвещенную монархию европейского типа, пытавшийся создать единый для славян язык, получивший название «крижаники». Интересно, что среди предложенных им терминов есть любопытное слово «чужебесие», означавшее раболопное преклонение перед иностранщиной. Также интересно слово «людодёрство», означающее жестокую эксплуатацию людей, что является актуальным во все времена. Идеи Крижанича опередили своё время, их частичная реализация начнётся лишь в XVIII столетии.

Во второй половине XVII века в России осуществлялась мягкая постепенная европеизация по католическому латинскому образцу под влиянием украинской, белорусской и польской культур. Польские язык, книги, обычаи были столь же модны, как французские в последующем столетии. Петровские реформы начала XVIII века пошли по иному пути. Ускоренная жесткая вестернизация по протестантскому образцу, осуществляемая с помощью «немцев» (как называли на Руси выходцев из неславянских народов Европы) привела к прогрессу в военном, промышленном, экономическом развитии, но принесла при этом проблемы в культурном плане, особенно в отношении к традиционному наследию, которое игнорировалось, недооценивалось, грубо переделывалось на новомодный западный лад. Так были утрачены многие древние книги, фрески, иконы, произведения прикладного искусства, которые в значительной степени дошли до нас благодаря старообрядцам, бережно их сохранившим и донесшим подлинный дух Древней Руси дониконианского и допетровского времени.

Век XVIII, квалифицируемый как столетие ученичества и усвоения западной культуры, сменился в начале XIX века, особенно после патриотического подъема 1812 года, обращением к своим полузабытым истокам. Образованная публика расхватывала очередные тома «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина, который открывал современникам отечественное прошлое и который был прозван А.С.Пушкиным «Колумбом древностей российских». В этом же веке поднимаются национальные славянские движения по всей Европе. В Праге в 1848 году проходит первый славянский

съезд, в Словакии развивается движение вокруг Людовита Штура, в Украине создается Кирилло-Мефодиевское общество, на Балканах начинается вооруженная борьба за свободу болгарского, сербского и других народов.

В этот период славянская идея бурно развивается и существует в разных формах: как в виде бескорыстного служения и даже жертвенного соучастия в освобождении братьев-славян со стороны простого народа и патриотически настроенной интеллигенции, так и в виде стратегического продвижения России на Балканы и попытки установления контроля над Босфором со стороны царского правительства. Активно пропагандируется концепция панславизма, имеющая такое же тенденциозное содержание, как концепции пангерманизма и пантюркизма. Но независимо от политических событий развивается культурное сотрудничество славян между собой. Оно было особенно ценно потому, что на рубеже XIX-XX веков в центре Европы создается агрессивный Тройственный союз под германской гегемонией, имевший антирусскую и антиславянскую направленность.

Война обернулась против тех, кто ее развязал. Разваливалась и лоскутная Австро-Венгерская монархия. Чехи и словаки массово сдавались в плен на Восточном фронте, находя в России доброжелательный прием. Такой же прием ждал попавших в плен русских, если они оказывались на славянской территории. У немцев и венгров они встречали совсем другое отношение. В послевоенной независимой Чехословакии при правлении Томаша Масарика, крупнейшего специалиста по России, была оказана серьезная помощь многим деятелям русской эмиграции, пока новое тевтонское нашествие Гитлера не перемешало карты европейской политики.

После революции и гражданской войны сначала в Советской России, а затем в Советском Союзе славянская идея была заменена утопическим проектом мировой революции и построением некоего нового невиданного ранее общества. В этом будущем фаланстере не предусматривалось ни классов, ни наций, ни семьи, ни религии, ни традиционных ценностей. Советский режим ради своих политических целей мог сотрудничать и с Ататюрком, оправдывавшим резню армян и устроившим изгнание греков, и с Гитлером, породившим холокост и безжалостное отношение к славянским и иным неарийским народам.

Вторая мировая война перед лицом нацистской агрессии и человеконенавистнической идеологии, где славяне изображались низшей расой рабов, вызвала обратную реакцию не только в виде национального сопротивления в Югославии, Польше, Словакии и других странах, но и породила желание консолидации славянских народов перед лицом общего врага. Однако это благое дело, как в случае с панславизмом, было сильно политизировано и в послевоенный период использовалось Сталиным и его преемниками в интересах укрепления социалистического лагеря и коммунистического режима.

Постепенно девальвируясь и выдыхаясь, славянская идея, казалось, уже умерла. После начала перестройки, распада СССР, развала социалистического лагеря политические реалии в очередной раз изменились. Но как и прежде остались славянские народы с их культурой, традициями, исторической памятью. В этих новых условиях постепенно начинают выстраиваться иные, равноправные, взаимоуважительные отношения, возникают новые институции. Одной из них является Государственная академия славянской культуры, созданная в Москве в 1992 году. Здесь на профессиональную основу поставлено изучение языков, истории, культурных традиций славян. Выпущены первые два тома трехтомной «Истории культур славянских народов». Осуществляется программа миротворческой миссии «Юность славянского мира», в ходе которой студенты и преподаватели ГАСК побывали почти во всех славянских странах, установив плодотворные научные и культурные контакты.

В заключение хотелось бы отметить, что славянская идея не является призрачным фантомом или выдуманным мифом. Она есть отражение реального исторического процесса, языковой и культурной близости, давних многовековых взаимосвязей, она актуализируется в условиях современной глобализации. Такова вкратце эволюция славянской идеи на русской почве. Она не завершена, насчитывает более тысячи лет и будет существовать всегда, пока живет славянский мир, самый многочисленный в Европе, который вместе с романским и германским составляет фундаментальную основу европейской цивилизации.

Литература:

- Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. XI-XVII века. М., 1992.
 Восточнохристианская цивилизация и проблемы межрегионального взаимодействия. М., 2004.
 Древняя Русь: пересечение традиций. М., 1997.
 История культур славянских народов. Т. I. Древность и средневековье. М., 2003.
 История культур славянских народов. Т. II. От барокко к модерну. М., 2005.
 Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000.
 Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
 Славянский вопрос. Вехи истории. М., 1997.
 Смирнов В.Г. Россия в бронзе: Памятник Тысячелетию России и его герои. Новгород, 1993.
 Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
 Трубочев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991.
 Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000.
 Человек и история в средневековой мысли русского, украинского и белорусского народов. Киев, 1987.
 Knežević A. Filozofia i slavenski jezici. Zagreb, 1998.
 Masaryk T. Russland und Europa. B. 1-2. N.Y., 1913-1918.
 Obolensky D. Byzantium and the Slavs. Collected Studies. Oxford, 1980.
 Die Slavische Idee. Berlin, 1992.

ВИЗАНТИНИЗМ, ЕВРАЗИЙСТВО И СЛАВЯНСТВО

Данная тема инициирована по крайней мере четырьмя группами проблем.

Во-первых, теми, которые связаны с определением природы государства и, соответственно, задачами экспертной деятельности политологического дискурса. Речь прежде всего идёт о том, что работая (кроме всего прочего) в режиме информационного¹ мониторинга с гражданским обществом, государство в лице своих институтов (особенно – научно-образовательных) выявляет, вычленяет представления о должном, совершенном о чём бы то ни было в социальных отношениях гражданского общества, стандартизирует их, отделяет от девиантных и наделяет силой закона. Другими словами, силой универсальной, аподиктической нормы со свойствами всеобщности, необходимости, неотвратимости и необратимости – да. Но и свободы, справедливости, милосердия, возможностью творчества с помощью эксцепций в случае неожиданных, уникальных, беспрецедентных и даже парадоксальных ситуаций.

Во-вторых, нельзя не отметить, что не только в современной политической науке, но и, прежде всего в политической практике сейчас как никогда интенсивно идут всякого рода конкурсы (если не сказать – кастинги) разного рода проектов – национальных, межнациональных, глобальных перед лицом тех или иных вызовов современности.

В-третьих, в этой связи встаёт проблема оправдания именно теоретического, как стратегического проектирования многомерного, а не одномерного (как чаще всего бывает) свойства «трипостасного» - «нераздельного», но и «неслиянного» по сути. Речь идёт и об экономической, и социальной, и культурной проспекциях, ретроспекциях и перспекциях. Такого рода проекты в целях ясности понимания назовём «мета» и даже «мега-проектами».

* Шамшурин Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор ГАСК.

В четвёртых, отметим роль евразийства, как своего рода мета-проекта, продолжившего, как известно, не только славянофильскую, но и, прежде всего, византийскую, восточно-христианскую традицию Православия. Уже само принятие христианства при Владимире Красное Солнышко – это пример состоявшегося весьма успешного осуществления реформы, мета-проекта, оказавшегося очень устойчивым и сразу же выведшим Россию на уровень международной державы. Заслуга св. князя Владимира – ещё и в том, что он осознал: любая модернизация, в том числе и административная, эффективна только при условии учёта нравственно-мировоззренческих параметров.

Между тем, потребность в исследованиях такого рода сейчас существует не только у нас в России, но и на Западе. Одними из первых в последнее время актуальность метафизики осознали экономисты. Так или иначе, но потребность в универсальных стратегиях целеполагания и свободного волеизъявления без которого нет смысла именно консенсусного, а не конфликтного типа, как это мы видим, скажем, на примере творчества А.Бергсона (кстати, очень любимого и почитаемого евразийцами автора) – повсеместна. Особо велики в реабилитации метаисследований заслуги П.Стросона, который в рамках англоязычной аналитической традиции философии языка чётко поставил вопрос о необходимости таких понятий как «метафизика»² (которую, как известно, он разделял на «дескриптивную» и «ревизирующую») и, что особенно важно для нас, «личность».

Заслуга и особая роль евразийства – в возобновлении политической теории органической гармонии государства, гражданского общества и человека как единого антропоморфного целого, как «симфонической личности», именно как «нераздельного и неслиянного» в своих составляющих. А вовсе не противопоставленного вплоть до взаимоисключения и истребления, как это зачастую представлено в западно-несторинской доктрине-версии христианства.

Как известно, очень часто и сторонники, и противники этого сложнейшего культурного явления русского зарубежья 20-х гг. XX в. указывают на туранство как чуть ли не единственное достижение этого не только политического, но и социально-экономического, а также религиозно-философского направления в истории мысли. Н.А.Бердяев задал ноту в этом смысле. Вообще-то, больше говорят не о философско-теоретических заслугах евразийства, а об их достижениях в исторической, географической (точнее, геополитической), этнографической и даже в «революционной» областях. Говорят, например, об их примирении с революцией и о «легитимации» большевизма. Однако сами евразийцы всячески предостерегали от подобных превратных, «вторичных», «микро»-истолкований их взглядов. Конечно же, прежде всего евразийство – это именно мета-проект. Что же касается «леги-

тимации» большевизма, то последнее так же справедливо, как, скажем, обвинение консерватизма Э.Бёрка, Ж. де Местра и Л.де Бональда в якобинстве за поиск глубоких, трагических корней революционаризма вообще.

Например, Н.А.Бердяев так и пишет: «Оригинальна только турано-татарская концепция русской истории у кн. Н.С.Трубецкого»³. Или: «Евразийцы любят туранский элемент в русской культуре. Иногда кажется, что близко им не русское, а азиатское, восточное, татарское, монгольское в русском»⁴. И действительно пристальный интерес русских авторов к компаративистским востоковедческим исследованиям, выполняемым на профессионально-предметном уровне и знании материала может создать такое впечатление. В этой связи, кстати, заявления современных западных авторов о неорганичности альянса Россия-Восток и о том, что «китайцы и русские очень разные. Русская культура никогда не развивалась в Азии. Азия никогда не признавала роль России на азиатском континенте»⁵. Мнение, по меньшей мере странное – скорее ангажированное, чем просто ошибочное или элементарно безграмотное. Здесь, видимо, больше от стремления-заклинания уговорить Россию и Китай не следовать собственным интересам и выдать желаемое за действительное.

Однако более справедливы другие оценки по отношению к евразийству, сделанные, кстати, тем же Бердяевым: «Евразийцы решительно провозглашают примат культуры над политикой»⁶. Или: «Верхний слой русского общества, пораженный революцией, согласен денационализироваться и перестать считать себя русским. Такой реакционно-интернационалистической настроенностью слой этот доказывает свою давнюю оторванность от русской почвы и от духовных основ жизни русского народа»⁷. И это положение противоречит его же общему выводу, произнесённому евразийству в виде некоего приговора, характерного и для сегодняшних оценок евразийства: «Современное евразийство враждебно всякому универсализму. Оно представляет себе евразийский культурно-исторический тип статически замкнутым»⁸.

Ошибочность таких оценок сразу же определили сами евразийцы, указав в своих программных сочинениях и ответах на соответствующую критику прежде всего на универсальный, всеобщий, вселенский, а не частный характер своих воззрений.⁹

Свои теоретические положения евразийцы, как своего рода мета-проект, строят на утверждении вселенского, истинно универсального значения культуры России, точнее, Православия, основанного на Святоотеческой традиции Восточного Христианства, традиции Византии. Кстати, это были вынуждены признать и критики евразийства: «Приверженность к православию и любовь к России – вот в сущности всё положительное содержание евразийства»¹⁰.

Сами же евразийцы в лице своих главных представителей уточняли свою позицию следующим образом: «Евразийство раскрывает свою идеологию вовсе не схематически – простую и не туранскую (ведь и соответствующая статья кн.Н.С.Трубецкого озаглавлена «О туранском элементе в русской культуре», а не о «туранстве русской культуры»). Оно вынуждено подходить к своим проблемам с разных сторон и не сможет подойти со всех сразу»¹¹.

Другими словами, евразийство – это утверждение собственного своеобразия страны по отношению к другому миру (в данном случае – Западу и Востоку). В этом смысле любая страна, на наш взгляд, в процессе поиска собственной идентичности прибегает к средствам «евразийской» политической теории. При этом возможны два пути: можно обнаружить самодостаточные источники сырья, культуры, политики, экономики, рабочей силы должной квалификации, во всех отраслях народного хозяйства. Здесь речь идёт, на наш взгляд, о суверенном развитии. А можно жить за счёт соседа, унижая, ущемляя его интересы, достоинство и даже право на существование. При этом доказывать свой суверенитет, как говорят логики, методом «от противного» – «моя страна – не соседняя страна». В этом случае на деле мы имеем марионеточные, патрональные, по удачному выражению Еллинека, псевдосуверенные, квази-суверенные политические образования, а не суверенные государства. Здесь нет и в помине анализа вершин собственной культуры, поскольку в основу самоидентификации положено трогательное единство ксенофобии и национализма – явлений в данном случае совершенно синонимичных.

Евразийство, проще говоря, не работает в режиме «моё лучше чужого» или наоборот «моё хуже чужого». Тем более – «моё надо реформировать в пользу чужого» или «чужое следует преобразовать по образцу моего». Здесь утверждён принципиально иное видение политики, иной мета-проект: «у моей страны – другое видение вселенской универсалистской общечеловеческой идеи». И раскрывают при этом внутреннюю логику теории, способной находить сцепки, совпадения (симфонические созвучия, т.е. консонанции) с позицией другой, даже максимально, принципиальной, фундаментальной другой стороны.

В этом смысле, по словам Л.П.Карсавина, никакого «исступлённого и нигилистического национализма» в евразийстве нет, поскольку: евразийство исходит из понимания православия, как единственной непорочной Церкви, рядом с которою католичество и протестантство определяются как разные степени еретических уклонов, искажающих их своеобразные задания. Далее, евразийство утверждает, что в православии корень и душа национально-русской и евразийской, идущей к православию, но частью ещё не христианской культуры. В этом смысле утверждение равноправности и равноценно-

сти всех христианских вероисповеданий для евразийства неприемлемо. И это естественно, поскольку в противном случае выбор той или иной конфессии вообще становится непонятным. Православие, у евразийцев – не только «восточная» форма христианства, но и единственная вселенская Церковь. «Если это партикуляризм, - мы его предпочитаем «соглашательству». Но это не партикуляризм, а единственный истинный универсализм, ибо тем самым утверждается не только множественность самобытных культур, но и их иерархия, ныне венчаемая православною евразийско-русскою. Мы вернём упрёк в «номинализме» (речь идёт о критике Н.А.Бердяева – В.Ш.). Ибо номинализм заключается в признании какого-то абстрактно-общего христианства или в признании равноценности исповеданий.

Но номинализм и отрицание иерархии слышится нам и в призывах к «русской всечеловечности и всемирности», практически сводящейся к лозунгу «европеизуйтесь». Для нас Православие универсалистично, но только в том смысле, что православная Евразия и православная Россия будут гегмоном культурного мира, если она всецело раскроет себя. Считать подобную концепцию социализмом или «натурализмом» невозможно. Выводить из неё «нелюбовь и отвращение к другим народам» – неправильно. Эти ошибочные выводы проистекают из смешения планов. Для западника (каким был Вл.Соловьёв и частично К.Леонтьев), равнодушного к православию и евразийско-русской культуре, универсализм неизбежно совпадает с европеизацией»¹².

Далее, раскрывая основные установки евразийцев, Л.П.Карсавин отмечает: «Несправедливо обвинять евразийство в том, что оно будто бы тяготеет к язычеству евразийских народов и готово соединиться с ними против христианской культуры Запада. *Во-первых, оно ценит в евразийских народах не язычество, а потенциальное православие их* (курсив наш – В.Ш.), вовсе, однако, не понимая их христианизации в смысле насильственного подчинения их русской форме православия, напротив, стремясь к тому, чтобы они стали православными из себя и на основе своей специфической культуры. Во-вторых, евразийство не мыслит евразийского мира иначе, как под водительством православной России. В-третьих, евразийство не считает правильным отождествление западноевропейской культуры с христианскою»¹³.

Назовём эту позицию «многополярным монархизмом» или «княжеской демократией». В этой связи укажем на провозвестника евразийства (в этом отношении) такого подхода, сторонника монархической государственности Л.А.Тихомирова, писавшего незадолго до евразийцев (до событий 1917 г. и умершего в 1923 г. в России) о необходимости подтверждения Россией собственной миссии, служения собственному предназначению: «Государство русского народа, покидая христианскую миссию, становится столь

же не нужным для человечества, как делается незаменимым, необходимым и драгоценным, если блюдет эту миссию. А блюсти её нельзя иначе, как в связи с вероу и церковью»¹⁴. В этом смысле оценка, данная М.Б.Смолиным творчеству Л.А.Тихомирова, может быть справедливой и для евразийцев: «Исходя из мировой значимости русской Империи и столь высокого понимания роли Церкви в государстве, государственно-правовая система Л.А.Тихомирова носит подчёркнуто этический характер, как духовное основание для государства, общества и права»¹⁵. По сути, Тихомиров оправдывает монархизм как видовую особенность правового государства – в её исполнительской функции как ветви власти. Законодательная – по определению демократична. А судебно-процессуальная – аристократична. Эта устойчивая политологическая традиция, к которой примыкают и Платон, и Аристотель, и Бёрк, и Ильин, и Ортега-и-Гассет, и Коллингвуд. Здесь плюсы монархизма, как именно республиканского монархизма (республика – общее дело), о которых не принято говорить, потому, что неизвестно, что в этом случае возражать. Эти плюсы следующие. Максимально прозрачен, т.е. персонально позиционирован, принцип юридической ответственности в управлении, согласно которому та или иная личность в «цепочке приказов» (как говорят в менеджменте) наделяется «царскими полномочиями», связанными с повышенной ответственностью за порученное дело. Каждый госслужащий (а не только и не столько верховное лицо в государстве) отвечает за всю политическую систему, но в рамках своей конкретной зоны ответственности. Каждая часть и государства и гражданского общества ответственна за органическое благополучие целого. И юридически понятно – в какой степени. В любом случае, в сложный период гражданское общество как земщина на Руси говорит князю: «Уходи, ты не в силе – не губи себя и волость свою». Или как граф Кент королю Лиру, впавшему «в безрассудство»: «Отмени приказ. А том, пока дышу, твердить я буду: Недоброе задумал». Если в монархии нет соответствующих юридически оформленных институций-механизмов, то это не монархия – ещё не монархия. Или уже не монархия. А тирания. Со всеми отрицательными свойствами неправового государства, которые, в принципе, такие же, как и у другой политической системы, в том числе у демократии. Искажениями же монархии, которые принято считать почему-то за её существенные свойства – об этом почему-то молчат и те кто за неё, и те кто против, являются:

1. Демонизация противника. Ксенофобия как средство внутреннеполитической консолидации. Как говорил Конфуций: «Мудрый винит себя, не мудрый – другого»...

2. Танатология, как критерий «истинной» пассионарности в политике.

3. Кровно-половой принцип при делегировании полномочий высшей власти, вообще при формировании элиты. При этом как отличить «чистопородного и просвещённо-цивилизованного» от «дикого, человекообразного животного» - совершенно не ясно.

Но будем помнить: искажение, нарушение, забвение, незнание и неправильное применение – не есть укор не только демократии, но и монархии.

Итак, евразийство это не только политический мета-проект, но и мета-теоретическое оправдание-реабилитация стратегического целеполагания как не только «эонического» (например, информационно-экономического), но и «меоинического» (например, религиозно-философского) политического проектирования. Идеи, подытоженные евразийцами, издавна витали в России – в трудах Нестора-летописца, Илариона Киевского, Филофея. Последний в своих работах («Послание старца Филофея к великому князю Василию», «Послание старца Филофея к Мисюрю Мунехину о неблагоприятных днях и часах») наиболее всесторонне показывает именно «симфоническое» видение природы государства. В своей концепции «Москва – третий Рим, а четвёртого не будет» старец Филофей прежде всего указывает на недостаточность только светских, экономоцентристских, исключительно юридических, внерелигиозно-нравственных просветительских проектов. Кстати, с этой точки зрения не менее интересно и другое свидетельство из древнерусской духовной литературы. Речь идёт, например, о таких источниках ХУП в., как «Повесть о новгородском белом клобуке», «О причинах гибели царств» и др. Вселенство и всеединство («широта, по Ф.М.Достоевскому, русского человека») – неотъемлемое и родовое свойство русской культуры, парадоксальной в том смысле, что интернационализм делается отличием русской национальности. Т.е. утверждается приоритет национальности, отрицающей всякую национальность! Однако зона ответственности евразийства состоит в том, что оно составляет не только реестр достижений, но и предостережений. Причём делается это опять-таки в 3-х ипостасном «неслиянном и нераздельном» временном срезе – прошлого, настоящего и будущего.

В.Ф.Эрн в своё время в работе «Время славянофильствует» предупредил против «славянофильской фантастики» и патриотических сновидений, указывая на «Всечеловечность» – гениальную формулу, к которой как к живому центру тянется всё великое живое в умозрениях славянофилов. Евразийцы – наследники славянофилов, в лице своих ведущих представителей, всегда стремились к такому живому центру, а не к периферии, замкнутости и нетерпимости культур.

Соответственно С.Л.Франк, предостерегая евразийцев от крайностей славянофильства в виде провинциализации мышления и абсолютизации этнографического краеведения и обрядоведения или, как он сам говорил, эпи-

гонства и в этом смысле возможных искажений, писал о евразийстве как о «хрупком эпизоде наших дней».

Отметим, что подобные опасения – не напрасны. У них есть основания, т.к. любое понимание политики через национальное начало, когда страна, государство понимается в виде нации-организма, чревато серьёзными издержками. Это та опасность, отмеченная Х.Арендт, когда культура – итог деятельности строго определенного народа, нации, расы, замкнуто осуществляющей с её помощью в той или иной степени ясности Абсолютный Дух. В этом смысле, по Арендт, и в основе пангерманизма, и в основе панславизма лежит система Гегеля. А сами пангерманисты и панслависты – были гегельянами. При этом сразу выстраиваются разного рода типологии, классификации разного рода «полных» и «неполных», «ясных» и «искажённых» осуществлений Абсолютной идеи. Иногда объективистские, нейтральные. Чаще – уничижительные для одних и комплиментарные для других. Здесь, кроме Гегеля, можно сослаться и на Тённиса (свободное народное сообщество), Гизо, «естественно-историческую школу» германских юристов, классовую теорию Маркса, на классификации Данилевского, Шпенглера, Ясперса, Тойнби. А также на любые другие теории, исповедующие возможность приложения к тем или иным странам оценочных характеристик вроде: «прогрессивные и непрогрессивные», «передовые» и «отсталые», «цивилизованные» и «дикие», «страны-изгои» и «страны золотого миллиарда».

В этой связи Х.Арендт и пишет о пангерманизме и панславизме как об идеологиях племенного национализма, из которых вырастает «корпоративное государство», а затем – тоталитарное общество. Племенная орда без законов, но с идеологией и убежденная в собственной святости, т.е. с сакральной санкцией – вот та опасность, против которой предупреждала Х.Арендт в «Истоках тоталитаризма». Но не только она. Менее известны, но не менее значимы в этой связи заслуги Р.Дж.Коллингвуда, проявленные в его мало ещё оценённой по достоинству работе «Новый Левиафан, или человек, общество, цивилизация и варварство»¹⁶.

Опасные последствия теорий о нациях-организмах (или социально-политических организациях-организмах) подтвердились, как говорится, *post factum*. Но были и реалии, проявившиеся в самом начале. Никита Петрович Гиляров-Платонов, который был, по его словам, «со славянофилами давно» (с А.Хомяковым и И.Аксаковым). При этом, правда, добавлял: «я один, но не член кружка». Но! Как и К.Леонтьев, «славянофил на свой салтык!», он как будто сегодня предостерегал от опасностей племенного славянофильства в связи с известным восклицанием И.Аксакова («поднимите знамя!»). Так, в письме к князю Н.В.Шаховскому (1886 г.) он пишет: «Идеал славянского братства разлетается, на распростёртые объятия «братья» отвечают пренебрежением, завистью, коварством и зложелательством. Русское вели-

кодушие к славянам упраздняется самими обстоятельствами, самую историей. Я это предостерегал ещё в 1838 г., но кто же меня слушал?»¹⁷. Речь здесь, на мой взгляд, идёт о славянофилах типа Неволлина, «лишавших, по словам Хомякова, германцев последнего клочка земли» и творивших некую славянскую мифологию, в которой, например, тевтоны и кимвры объявлялись славянами. А это, повторяю, этнографические, краеведческие, музейные версии славянофильства. Римляне, как известно, такие феномены культуры называли *gabies museica* («музейное бешенство») – довольно точно, хотя и нелюбезно.

Очень интересную оценку и творчества славянофилов в целом, и взглядов Гилярова-Платонова в особенности мы находим у архимандрита Сергия: «Первые славянофилы устремились в недра православной церкви и богословской науки и, заимствуя от её свет, просвещающий всего человека, грядущего в мир, сами принесли в неё поток свежей, глубокой мысли и чувства. Навстречу этому течению вышел Гиляров с свежою, обильною струею мысли, цельной, возвышенной, глубокой и прочувствованной, и, заимствуя многое от них, сам немало привнёс к ним, предохраняя их от философии по стихиям мира сего, а не Христа (от увлечения Гегелевской философией)»¹⁸.

Евразийцы как раз попытались восстановить истинную, религиозную суть славянофильства. Если угодно – его православно-византийскую, точнее – восточно-христианскую святоотеческую основу. Отдают ли себе в этом отчёт те, кто называет себя сегодня евразийцами – хоть официально, хоть, как говорится, «по зову души»? Судя по всему – вряд ли.

Православие у евразийцев – именно вселенский, универсальный многополярный мета-проект, примиряющий другие проекты «в истине». Почему православие именно «истинная религия»? Наряду с наиболее вариативной доказательной базой «истины» есть и её «удостоверение». Как удостоверены другие – мы просто не знаем. Может быть есть и более сильные системы аргументации и более очевидные «удостоверения». Но они пока или не известны, или о них почему-то не говорят, или же держат по каким-то причинам в тайне. Последнее, правда, не совсем понятно, т.к. людей тем самым делят на категории избранных и падших. Вопрос: кем? При отсутствии христологических разработок всё опять-таки оборачивается человеческим произволом и возвращает дискуссию на исходные позиции. Да, любая мировая конфессия говорит о том, что нравственность обретает смысл только в перспективе вечности. Но всё дело именно в гарантиях адекватности контакта личности и вечности со стороны вечности. В противном случае или человек, или вечность превращаются в иллюзию. И тогда можно говорить (в конечном счёте) или о мнимости Бога, или о мнимости человека. Другими словами, о гностико-иллюзионистских религиозных версиях или же натурально-атеистических, материалистических версиях религиозности. Поскольку в

православии утверждается гармония богочеловеческих связей, то в нём минимум изоляционизма. И от человека, и от Бога, и от других пониманий и человека и Бога. Здесь больше точек соприкосновения, в том числе, и с другими, более специализированными (монополярными) мета-проектами. Если угодно, одним из лучших выразителей сути евразийства – и по краткости, и по глубине является Максим Максимович у М.Ю.Лермонтова, который говорит в «Герое нашего времени» о горах следующее: «По-своему они правы!».¹⁹

Даже если мы оставим в стороне разного рода тонкости в догматических соображениях о наибольшей адекватности христианству именно восточного христианства в виде православия. Тем не менее, именно несторианская версия в рецепции христианства, когда при всей своей несомненной значимости crucifixion (крестная смерть) заслоняет воскресение и преобразование, т.е. жизнь и свободу, делают, согласно евразийцам (например, у Л.П.Карсавина) католицизм и протестантизм «иноверными», «инославными» христианству. Другие мировые религии – это язычество, но они, согласно тому же Карсавину, ближе христианству и являются «потенциальным православием».

Например, Буддизм через идею искупления и теорию искупления и теорию «боддисатв»/воплощений (по Карсавину, святых и преподобных старцев) предчувствует идею Богочеловечества, а созерцательностью и пассивностью отражает религиозную основу бытия, особое отношение к миру – мистическую созерцательность Православия (исихазм). За что последнее, как известно, даже обвиняют в пантеизме и иллюзионизме. Этика святости чадородия – в индуизме. А самопожертвование, смирение, кротость, подчинение Божьей воле явлены вообще в ориентализме в виде кармы и судьбы.

Через мусульманство проявлена активность, соответствующая Православной действительности как Преображения – воскресения, а не только крестных мук. Это то стремление к действительности, которое часто не понимают и не принимают. А если и принимают, то за болезненное стремление русского народа всё катастрофично переменить и немедленно сделать совершенным и святым.

В евразийстве мы видим очень большое внимание к географическому, природному, даже если угодно, экологическому измерению культуры и политики. По точному определению евразийца-историка Г.В.Вернадского, данное им в 1927 г. в первой публикации работы «Начертание русской истории» – это местожительство или «месторазвитие»²⁰. Это хорошо, но этого недостаточно. Евразийцы выступали 2против толькотакого или только этнографического понимания своей доктрины – как версии местного краеведения с разного рода мини-соборностями, не связанной с общечеловеческими, универсалистскими, «вселенскими» и «всеедиными» тенденциями». И не

важно к чему ведёт провинциализация мышления – только к славянофильству или только к туранству.

В этом смысле особо значимой представляется «Вечное и преходящее в учении русских славянофилов» (как впрочем и ряд других работ) евразийца-богослова Георгия Васильевича Флоровского²¹, который как и Зеньковский, Карсавин считает, что истоки славянофильской идеи – именно общечеловеческие. «По существу, их идеал лежал вне исторических пределов, относясь к вечной правде человеческой природы, говоря о боге и его благодати. По существу, он был общечеловеческим, превышая все расовые и национальные отличия, переходя все хронологические грани»²². Иначе у славянофилов наступает «грехопадание» и деление, как у Гегеля²³, народов по достоинствам воплощения Абсолютной идеи на чистых и нечистых, передовых и отсталых и т.д. Но не только народов, но и исторических периодов, эпох, циклов, регионов, классов и сословий и т.п.

В этом смысле, писал Флоровский, критикуя крайности и славянофильства, и евразийства в цикле работ, посвящённых отечественной культуре, сущности и ведущим мотивам русского мировоззрения²⁴, в основе таких версий – не религиозно-философские трактаты Хомякова, Аксакова, не этический идеализм Самарина, а «политиканствующее здравомыслие Данилевского», когда культурно-исторические типы рассматриваются именно в противопоставлении, а не в примирении. В этом случае, например, по Страхову, в корне подрезается общечеловеческая культурная роль славянства. Как, например, у Н.С.Трубецкого в работе «Европа и человечество». Однако обратим внимание вот на что. Общетеоретические декларации не подтверждены последним в его языковедческих работах, к которым он и перешёл, уйдя из евразийства. Точнее – от его крайностей. Но в этом, я полагаю, и содержится истинное евразийство. Именно с языковедческой проблематики и начало славянофильство. Если, по крайней мере, говорить о такой работе А.С.Хомякова, как «Семирамида», в которой, кроме всего прочего, славянство рассматривается с позиций именно универсальных – с точки зрения сравнительного языкознания. Я имею в виду философию языка как базообразующую систему координат и в политике, и в культуре. «Семирамида», как известно, была написана Хомяковым в ответ на беспочвенность «Философических писем» П.Чаадаева. Язык понимания, точнее – предпонимания людей разных стран, культур, эпох – един. Заметим, иначе никакая переводческая деятельность была бы просто невозможна. А вот языки выражения языка понимания – разные. Язык у Хомякова (в том числе и славянский, русский) – средство выражения для вселенских, безусловно, общезначимых начал. Национальная задача славян – в активном обращении себя на служение этим ценностям. Язык может иметь адекватные средства их выражения, а может – в недостаточном объёме. Может и не иметь вовсе. Но интенцию-

нально, субъектно-активно – и в своих диахронных, и в своих синхронных началах (если говорить словами уже Бахтина и Леви-Строса) язык направлен на такого рода целепологание. В этом, на мой взгляд, суть и славянофильства, и евразийства, как правопреемника славянофильства. В этом смысле и язык высокой культуры подчиняет себе диалекты; и сам, в свою очередь, испытывает их влияние.

Культура не может быть плодом расовой или национальной традиции. Культура – общечеловечна по сути. Есть национальные средства её выражения. Но это возможно, опять-таки только средствами высокой культуры. Эти идеи и Хомякова, и Трубецкого сейчас актуальны как никогда. В современном глобальном мире всё более становится очевидным – «симулякры» и «локальные нарративы» приводят только к «информационным тупикам». В этом смысле, по точному замечанию С.Л.Франка о сути любого (не только русского) мировоззрения, очень важно в духе А.С.Пушкина не путать поэтическое вдохновение и субъективную восторженность.

Примечания

¹ Особенно ярко на примере постмодерна, в котором есть не только «локальные нарративы», «деконструкции», «симулякры» и «информационные тупики», но и универсализм и неоклассицизм - это показано в работах И.Ф.Девятко (См., например: Девятко И.Ф. Метатеоретический анализ социологических теорий деятельности и практической рациональности. М., 2003.).

² По меткому, очень глубокому и точному определению Н.Бора «метафизика» - это упорное стремление человеческой мысли доискаться конечных причин чего бы то ни было.

³ Бердяев Н.А. Евразийство // Путь. № 1. 1925, С.101.

⁴ Там же С.103.

⁵ Рар А. ЕС станет главным партнёром России // Известия. 16.09.05. №207 (3876).

⁶ Бердяев Н.А. Евразийство, С.101.

⁷ Бердяев Н.А. Евразийство, С.101.

⁸ Там же, С.102

⁹ См.: Карсавин Л.П. Ответ на статью Н.А.Бердяева об Евразийцах // Путь. № 2. 1926; Флоровский Г.В. Окаменённое безчувствие // Там же. А также программный ответ главных представителей евразийства на статью Трубецкого Г.Н. в виде работы: Письмо в редакцию «Пути» П.П.Сувчинского, Л.П.Карсавина, Г.В.Флоровского, П.Савицкого, кн. Н.С.Трубецкого, Вл.Н.Ильина // Путь. №2. 1926

¹⁰ Трубецкой Г.Н. Ответ на письмо евразийцев // Путь. №2. 1926, С.106.

¹¹ Карсавин Л.П. Ответ на статью Н.А.Бердяева об евразийцах // Путь 1926. №2, С.97.

¹² Карсавин Л.П. Ответ Н.А.Бердяеву, С.98.

¹³ Карсавин Л.П. Ответ Н.А.Бердяеву, С.99. В этом же ключе, но с акцентом на метафизико-трагическом обороте культуры строит свой ответ критикам другой представитель евразийства, кстати, такой авторитетный представитель (как и Л.П.Карсавин) в области истории культуры: особенно русской и Святоотеческой, Г.В.Флоровский (Флоровский Г.В. «Окаменённое безчувствие» (По поводу полемики против евразийства) // Путь. № 2.1926)

¹⁴ Тихомиров Л.А. О Вере и Церкви в государстве // Московские ведомости. 1912, № 161, 12 июля.

¹⁵ Смолин М.Б. Всеобъемлющий идеал Льва Тихомирова // Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 2004, С.19.

¹⁶ Collingwood R.G. *The New Leviathan or man, society, civilization and barbarism*. Oxford, 1942. См. перевод на русский язык, данный частично в Приложении к кн.: Цамшурин В.И. Консерватизм и свобода. Краснодар, 2003.

¹⁷ Гиляров-Платонов Н.П. Письмо кн. Шаховскому 2.02.1886 // Русский архив. 1889. Т.3, СС.267-269. Цит. по: Панаэтов О.Г. Н.П.Гиляров-Платонов и К.Н.Леонтьев. Споры о Толстом. Краснодар, 2002, С.62.

¹⁸ Цит. по: Шаховской Н.В. Н.П.Гиляров-Платонов и К.с.Аксаков (по статьям и письмам Гилярова) // Русское обозрение. 1895. № 12, С.545.

¹⁹ Это место из «Бэлы» заслуживает того, чтобы быть приведённым подробнее: «- Конечно, по-ихнему, -сказал штабс-капитан, - он был совершенно прав». При этом М.Ю.Лермонтов делает интереснейшее наблюдение – совершенно в духе евразийства: «Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно доказывает неимоверную его гибкость и присутствие этого ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения» (Лермонтов М.Ю. Собр. Соч. Т.4. М., 1958, С.28-29).

²⁰ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М., 2004, С.30-31.

²¹ Флоровский Г.В. Вечное и преходящее в учении русских славянофилов // Флоровский Г.В. Христианство и цивилизации. Избранные труды по богословию и философии. СПб., 2005.

²² Там же, С.96-97.

²³ Там же, С.98.

²⁴ Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.

Идеи славянства и самодержавной власти у Юрия Крижанича

Идеи объединения славян всегда волновали умы передовых людей своего времени, патриотов, приверженцев славянского единства. К их числу, несомненно, принадлежит Юрий Крижанич (1618-1683) – писатель, историк, философ, публицист, общественный деятель второй половины XVII века, хорват по национальности, «ревнитель воссоединения церквей и всего славянства», по определению П.А.Бессонова, который в 70-е годы XIX века обнаружил сочинения Крижанича и открыл их для читателей.

Труды Юрия Крижанича, среди которых трактаты по философии, политике, экономике, истории, музыке и т.д., всегда привлекали внимание исследователей. Статьи о нем можно найти во многих словарях и энциклопедиях. Известные русские и советские историки упоминали Крижанича в своих сочинениях, анализируя степень его заслуг.

Отмечая разностороннюю образованность сербского философа, его пламенную приверженность славянству, историки высоко оценивали программу политической деятельности Крижанича, предложенные им меры по преобразованию жизни в России, считая, что Петр Великий в своей реформаторской деятельности руководствовался идеями ученого серба¹.

Споры вокруг имени Крижанича продолжались долгое время, пока в 1983 г., в трехсотлетнюю годовщину смерти мыслителя, в Загребе не прошел международный симпозиум, оценивший огромный вклад «ученого серба» в дело объединения славянских народов и положивший начало переизданию его сочинений, их новому осмыслению.

Значительная часть жизни Крижанича связана с Россией. В конце 1647 г. он попал в Москву в качестве переводчика при посольстве Речи Посполитой к царю Алексею Михайловичу. Знакомство с Россией и «тишайшим» царем произвело на Крижанича огромное впечатление и привело к тому, что 1658 г. он самовольно отправился в Москву. Там он обратился к царю с челобит-

* Герцен Наталья Александровна, кандидат культурологии, доцент ГАСК

ной с просьбой о разрешении работать в Москве историком-летописцем и переводчиком. Вскоре он был зачислен на службу в Приказ Большого двorca. В 1660 г. по поручению царя приступил к работе над грамматикой русского языка. Но в 1661 г. по неизвестной причине был отправлен в ссылку в Тобольск, из которой вернулся в 1676 г. после смерти Алексея Михайловича.

По признанию самого Крижанича, он прибыл в Москву для того, чтобы выполнить три задачи: во-первых, способствовать распространению всеславянского языка, составить его грамматику и лексикон; во-вторых, написать правдивую историю славянства; и, в-третьих, разоблачить «хитрости» других народов, которые обманывают славян. Он искренне старался выполнить все поставленные перед ним задачи, но наиболее успешно ему удалось первая и последняя из них.

В Тобольске он продолжил работу над философскими, историческими, экономическими трудами, в частности, написал сочинение, вошедшее в историю под названием «Политика». Характерной особенностью этого сочинения было то, что написано оно было на особом, искусственном языке, созданном самим Крижаничем. Его часто называли «всеславянским». В его основу положены церковно-славянский, народный русский и литературный хорватский языки, поскольку в нем, по мнению Крижанича, более всего сохранилось неискаженной старины. Создание «всеславянского» языка – одно из проявлений идеи Крижанича о политическом, религиозном и культурном объединении славянских народов.

Идея славянского единства, «славянской взаимности» существовала с давних времен. Уже в «Повести временных лет» о славянских племенах говорилось как о некоей единой общности. Эта идея получила особую поддержку у тех славянских народов, которые были поработены иноземцами, и поэтому старались сплотиться в единую силу для отпора врагу. Особенно к этому стремились южные славяне, попавшие под иго османской империи. Идея объединения южных славян, так называемая «иллирийская идея», вначале увлекла Крижанича, ее поддерживал и Ватикан, видя в ней одно из средств распространения католицизма на Балканах при помощи католиков-хорватов. Но позже Крижанич пришел к мысли об объединении не только южных славян, но и всех славянских народов во главе с русским.

Идея славянского единства была для Крижанича всепоглощающей, ее воплощению он отдал всю свою жизнь. Пламенный славянин, он представлял славянские народы единым, цельным организмом, сплоченным общностью идей и интересов. Во главе этого организма, по его мнению, должна стать Россия, так как только она способна была обеспечить славянам самостоятельное и почетное место среди остальных народов. Он увлекся изучением истории России и стал считать именно эту землю родиной всех славян.

В своем сочинении «Грамматичное искажение» он написал: «Русский народ и имя всем прочим, начало и корень».

Сила славянства, считал он, в просвещении, которое должно «открыть умные очи всем славянам», и в объединении, поэтому он подчеркивал, что «теперь именно время учиться, потому что Бог возвысил на Руси государство славянское, какого прежде не бывало в нашем племени»².

Объединение славян должно было, по мнению Крижанича, происходить путем развития наук, учения, литературного сближения. Для этих целей необходимо было создать единый «всеславянский» язык, понятный сербам и хорватам, русским и болгарам, разработать грамматику этого языка и написать на нем книги, доступные всем славянам. В России Крижанич пытается выполнить эту задачу: он создает общеславянский книжный язык, составляет его грамматику – «Грамматичное искажение», (с нее впоследствии и началось изучение славянских языков), приступает к работе над «всеславянской историей». В своих трудах он глубоко проанализировал причины языковой и этнической близости славян и создал своеобразную теорию славянского единства, попытался богословскими доводами обосновать необходимость единения всех славян, наметил необходимые экономические, политические, культурные и религиозные меры, которые помогли бы успешно осуществиться задуманному им.

Но воплощение этих идей предполагало также объединение вер и церквей. Славянство же издавна было расколото между православием и католицизмом. Таким образом, Крижанич стремился к неосуществимому, пытаясь соединить несоединимое, как «не мог уразуметь противоречия, которое носил в своем собственном нравственном существе, будучи славянским патриотом и католиком»³.

Основную роль в деле славянского единения Крижанич отводил русскому самодержавному царю, а именно, Алексею Михайловичу. В русском царе философ видел «единственного славянского государя, могущего подать руку помощи всем остальным соплеменным народам»⁴. Крижанич обратился к царю Алексею Михайловичу, советуя ему стать во главе славянства: «На тебя одного, славный царь, – говорил Крижанич, – смотрит весь народ славянский... Ты один, о царь, теперь нам Богом дан»⁵.

Кроме того, по мнению Крижанича, именно самодержавная монархия («самовладство») являлась единственной силой, способной управлять государством и подданными. Он был твердо уверен в том, что все преобразования должны идти сверху, от самодержавной власти, что «повелением царским можно все исправить и завести все полезное».

Наглядным воплощением в жизнь его принципов стала «Политика» – основной обобщающий труд жизни Крижанича, в котором идея всеславянского единства и преимуществ самодержавного правления стали главными те-

мами. В нем он описал нравы и обычаи России того времени, предложил программу политических и экономических преобразований.

Свою книгу Крижанич разделил на три части по числу трех мирских основ и трех столпов государства: «богатство, сила и мудрость»⁶. Все рассуждения о правлении и правителе он помещает в третьем разделе «Мудрость». Вслед за Аристотелем Крижанич выделяет три «способа благого правления»: самовладство (наилучший из всех), боярское правление и общевладство (гражданское правление).

Основное достоинство самовладства, утверждал Крижанич, в том, что оно подобно власти Божьей, поскольку «все законные короли поставлены не самими собой, а Богом», а правитель подобен Богу на земле (с. 274). Кроме того, это самый древний способ правления, следовательно, более устойчивый и долговечный. Мыслитель подчеркивал, что преимущество самовладства и в том, что все приказы правителя выполняются без проволочек, поэтому можно легче исправить ошибки и изъяны правления, так как существует только один господин, располагающий жизнью и смертью своих подданных, а не множество, могущих остаться безнаказанными.

Образом такого правления Крижанич считал царствование Алексея Михайловича, заслугой которого, по его мнению, было сохранение православной веры, противостоящей опасным ересям, губительным для любого государства.

Тиранство, по мнению Юрия Крижанича – это «наибольший и наихудший позор для королей», оно противоречит его «королевской обязанности: пасти народ и охранять его от волков» (с. 297). Тираном в русском государстве Крижанич считал Ивана Грозного, который вводил грабительские (людодерские законы), поэтому, по его мнению, задача Алексея Михайловича состоит в том, чтобы непременно их исправить.

Рассуждая об идеальном монархе, философ выделяет такую его черту как благочестие. Он отмечал, что подданные должны испытывать по отношению к благочестивому монарху три чувства: страх, любовь и почтение, поскольку он – заместитель Бога на Земле. Правитель должен быть почитаем и многоуважаем, этому способствует его мудрость; он должен быть любим своими подданными, поскольку его мудрое правление приносит им богатство и благосостояние. Представления об идеальном монархе второй половины XVII века, как правило, основывались на подобных взглядах. Надо отметить, в произведениях литераторов, идеологов, публицистов того времени создавался умозрительный образ некоего условного идеала монарха, который постепенно наделялся чертами конкретных государей. И часто в качестве примера такого идеала оказывался образ «тишайшего» царя Алексея Михайловича.

Идеи славянского объединения были близки и царю Алексею Михайловичу. Поскольку в середине XVII века Россия осталась единственной независимой православной державой, роль русского царя в славянском мире возросла. В условиях ослабления Османской империи у славян появились надежды на создание Вселенского московского православного царства во главе с самодержавным правителем, защитником православной веры.

Царь Алексей Михайлович особенно остро воспринял эти идеи, он ощущал себя защитником и покровителем всех православных государств, в том числе и славянских, законным преемником не только веры, но и власти византийских императоров. Этим объяснялась его безоговорочная поддержка проводимой патриархом Никоном церковной реформы, имеющей своей целью утвердить в русском богослужении греческую обрядность, и направленной, в конечном счете, на объединение греческой и русской Церквей. Он стремился привести в соответствие с византийской традицией и светский церемониал, изучив с этой целью обряд вступления на престол «прежних благочестивых греческих царей»⁷, и заказал в Стамбуле (прежнем Константинополе) новые царские регалии – державу и бармы, оплечные украшения русских царей, надеваемые на монарха во время его венчания на царство. Регалии имели сложную сюжетную композицию, выполненную разноцветными эмальями. В их основу была положена тщательно продуманная программа, воплощающая концепцию самодержавной царской власти. Она была разработана в Москве и создавалась при непосредственном участии царя.

Согласно данной концепции, государь Российский мыслился вселенским правителем, поскольку призван был защищать все славянские православные государства. Символика регалий царской власти вбирала в себя символику всех православных государств (Сербия, Болгария, Византия и др.), на бармах были изображены общие для всех славян святые. Среди них – святые Константин и Елена с водружаемым ими крестом, важным христианским символом. Константин Великий традиционно воспринимался как идеальный правитель, с ним сравнивались русские государи, ему уподоблялись в панегирической поэзии царя Алексея Михайловича. На одном из медальонов барм был изображен Святой Меркурий, поражающий копьём Юлиана Отступника по приказу Святителя Василия Великого, – также общехристианского святого.

В литературе, искусстве и культуре этого времени тема великой России, самодержавной монархии, всего русского была очень актуальна. Московское царство представлялось оплотом христианской веры, «скипетром православия». Российское благополучие, благоденствие народа при «тишайшем» царе противопоставлялись «лютному волнению» внешнего мира. Российский самодержец воспринимался защитником поработенных славянских народов.

Эти взгляды разделял и «ученый серб» Юрий Крижанич, «горячий славянский патриот», смолоду удрученный «скорбию о печальной участи славянских народов», мыслитель, увлеченный идеями тогдашнего просвещения, человек небывалой для России тогдашнего времени образованности и политической учености.

Сочинения Крижанича очень важны, так как они дополняют наше представление о России в эпоху, предшествующую преобразованиям, во многом объясняют пути, по которым они в действительности пошли. Рукопись «Политики» читал молодой царь Федор Алексеевич, она была, по свидетельству историков, «наверху у великого государя», следовательно, есть основания предполагать, что она не осталась без внимания. Петр I во многом придерживался программы Крижанича и проводил ее в жизнь. Царь дал практическое применение многим его политическим и экономическим идеям. Именно Петр I положил начало русско-славянским отношениям, впервые открыто заявив о родстве и единстве интересов России с южным и западным славянством, стремился укрепить духовные связи с южными славянами. Этому содействовали единая православная вера и совпадение политических задач, так как военная поддержка сербам и болгарам способствовала продвижению России на юге.

Воплощение Петром Великим идей Юрия Крижанича в жизнь – лучшее доказательство того, что «пути преобразования, избранные Петром, не были следствием его личного произвола, а были следствием общих взглядов тогдашних лучших людей, тогдашних авторитетов»⁸.

Примечания

¹ См. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1988. Т.3. С. 239.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1991. Книга 7. Т.13. С. 156.

² Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1991. Книга 7. Т.13. С. 156.

⁴ Там же. С. 149.

⁵ Крижанич Ю. Указ. соч. С. 275.

⁶ Крижанич Ю. Указ. соч. С. 21. Далее страницы указаны в тексте.

⁷ Каггсрев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1999. Т. 2. С. 43.

⁸ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 154.

Живая традиция: народная роспись по дереву у русских и словенцев

Народная роспись по дереву и словенцев и русских, являющаяся предметом рассмотрения в данной статье, представляет собой уникальное проявление живой традиции, своим своеобразием привлекающее все большее внимание не только ученых, но и широкой общественности. Сопоставление образцов народного творчества у словенцев и русских позволяет проследить общие черты и выявить их неповторимое своеобразие, начиная с XIX века вплоть до наших дней.

В XIX в. на крестьянских пасеках в некоторых словенских провинциях (Каринтии, Верхней и Нижней Крайне), наряду с традиционными домиками для пчелиных семей, стали появляться ульи в виде вырезанных из дерева и покрытых масляной краской фигур человека или животного. До настоящего времени дошли ульи, изображающие воина, крестьянина, турка, а также собаку, льва. Известны также ульи в виде головы льва или медведя. Обычно их устанавливали на границе территории пасеки, тем самым придавая им функции своеобразных «стражей» крестьянского хозяйства.

Подобные образцы народного искусства можно было встретить и в России, и во многих уголках Европы, где наряду с фигурами людей и животных появлялись ульи, изображающие святых.

Словенские образцы отличало от других отсутствие сакральных мотивов. Однако фигурные ульи в словенских землях были достаточно редким явлением. Обычно их заказывали у местных резчиков по дереву или талантливых самоучек зажиточные пчеловоды, стремясь особо выделить и украсить внешний вид своих пасек. Гораздо большее распространение у словенцев получила традиция раскрашивать или разрисовывать крышки традиционных домиков-ульев.

Расписные ульи являются неотъемлемой частью истории словенского пчеловодства и занимают в истории словенской духовной культуры особое место. Словенские исследователи полагают, что традиция украшения ульев

* Чепелевская Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, с.н.с. Исл РАН, доцент ГАСК.

зародилась спонтанно из народного сознания и фантазии, и очень быстро этот вид художественного творчества распространился на всей территории, где использовали классический деревянный улей - kranjic. Первоначально, вероятно, переднюю доску-крышку просто окрашивали в различные цвета, и только позднее стали появляться рисунки.

В период расцвета этого вида народной художественной культуры они представляли собой некую народную энциклопедию с выраженным дидактическим характером. Поэтому их, подобно народным песням и сказкам, можно рассматривать как важный художественный элемент, свидетельствующий о характере народной, национальной психологии.

Поскольку первоначально эти народные картинки на крышках ульев воспринимались как элемент повседневной жизни, то долгое время они не обращали на себя внимание исследователей. Одним из первых начал исследовать эти народные картинки Михаел Хейнко в 1840 г., но затем о них снова забыли¹. Лишь в начале XX в. появились первые, чисто информативные сообщения об этих «народных художествах», которые постепенно вызвали к жизни и планомерную работу по собиранию подобных картинок: стали организовываться выставки, публиковаться материалы и исследования².

Однако в истории расписанных пчелиных ульев остается еще много неясного: не установлено точно, когда и где они начали появляться и какова география их наибольшего распространения; не определены условия и причины их появления. Исследователи сходятся во мнении, что наиболее вероятным началом их зарождения следует считать конец XVIII в., период наивысшего расцвета искусства барокко (который многие из словенских ученых считают периодом словенского Ренессанса). Самая ранняя датированная (1758 г.) картинка на крышке улья имеет религиозный сюжет: она изображает деву Марию с Иисусом на руках.

Классический период для этого вида народного искусства - первые три четверти XIX в., когда оно распространилось по всей словенской альпийской территории вплоть до границ Панонской равнины (шестьдесят процентов всех сохранившихся экземпляров росписей ученые относят именно к этому времени). Если принять во внимание тот факт, что центром передового пчеловодства была словенская провинция Гореньска (Верхняя Крайна, откуда был родом Антон Янша³, автор знаменитой книги по пчеловодству), то можно с большой долей уверенности предположить, что эта культура начала свое развитие первоначально именно здесь, а затем постепенно распространилась и на другие районы, населенные словенцами (Каринтию, Штирию, в меньшей степени, Нижнюю и Внутреннюю Крайну и северное Приморье). Многие словенские исследователи подчеркивают тот факт, что расписанные крышки ульев представляют собой чисто словенскую особенность, вернее, особенность словен-

ского альпийского мира, поскольку ничего подобного нет в равнинных областях Словении, в Панонии, восточной Доленской и Белой Крайне.

Общепринятым считается мнение, что первоначально деревянные крышки ульев начали разрисовывать для того, чтобы пчелы узнавали свой улей и чтобы сам пчеловод мог легче ориентироваться среди различных ульев на пасеке. Это случалось, когда в год неурожая хозяину необходимо было переносить пчел на другое поле или когда сын получал несколько пчелиных семей в наследство и вынужден был выделять их среди других. При этом изначально самый простой рисунок имел знаковый характер, призванный защитить чувствительные пчелиные семьи от несчастья (хорошо известно, что особые заклинательные знаки использовали пчеловоды во многих странах). Защитную функцию могли иметь и изображения на крышках ульев креста, монограммы девы Марии и Иисуса и других охранительных знаков-оберегов. С течением времени эта практика могла перейти к созданию рисунка, изображающего Спасителя или деву Марию.

Сохранившиеся образцы расписных крышек ульев не позволяют говорить о единой технике росписи. Художественная стилистика (композиция, декоративное и цветное решение) различных образцов свидетельствует о преимущественном влиянии на них барочной традиции. Но некоторые из росписей выполнены с классической строгостью, а в некоторых из сохранившихся картинок чувствуется воздействие бидермайера. Словенский исследователь Г. Макарович делит сохранившиеся образцы на три выразительные стилиевые группы росписей, каждая из которых помимо характерных черт имеет и определенные хронологические рамки бытования, свидетельствующие об этапах развития этой художественной традиции: от второй половины XVIII в. до начала XX в.⁴

Для работы обычно использовали сосну, реже липу и лиственницу, практически не употреблялся бук, так как на нем самые хорошие краски не сохранялись долго. Художник сначала покрывал доску одним цветом (слоновой кости, желтым, голубым, бледно-розовым - для создания нейтрального фона), а затем рисовал композицию. Часто использовались бумажные шаблоны для нанесения рисунка. Авторами были художники (некоторые из них являлись учениками краинского мастера Л. Лайера), работающие в мастерских и выполняющие заказы крестьян-пчеловодов, а также сельские художники-самоучки и просто крестьяне, которые, используя образцы, пробовали себя в этом виде творчества (например, знаменитый каринтийский буковник Андрей Шустер-Драбосняк). Но и в том, и в другом случае художники (профессиональные или самодеятельные) не стремились к созданию «произведения искусства», главным для них было содержание.

По сюжетам все росписи на крышках ульев (а их насчитывается более 600) можно разделить на несколько групп: 1) религиозные и религиозно-

дидактические; 2) исторические; 3) фольклорные и фольклорно-мифологические; 4) юмористические и сатирические; 5) бытовые.

К группе религиозных сюжетов (они составляют менее половины от всех сохранившихся на сегодняшний день экземпляров) следует отнести самые ранние росписи. Они просты по композиции, но декоративно продуманы и оформлены: в центре - изображение Богоматери с младенцем (позже стали появляться образы разных святых и другие сюжеты), с обеих сторон расположены букеты или вазы с цветами и края обрамляющей картину занавеси. Словенские ученые справедливо видят источник подобной композиции в барочных расписанных алтарях, которые становились своеобразными образцами для народных художников, поскольку и по формату напоминали крышки ульев⁵.

Доминирующим образом для словенских художников был образ Богоматери с младенцем Иисусом на руках. Широко распространенная традиция почитания Богоматери, празднование всех памятных дат, регулярные паломничества к храмам, связанным с ее именем, с обязательным исполнением хвалебных духовных песнопений - вот та основа, которая, несомненно, послужила импульсом постоянного обращения народных художников к этому образу.

Другим важным источником для словенских художников была Библия. Сохранились картины, служившие своеобразной иллюстрацией к библейским легендам: Адам и Ева в раю, Ноев ковчег, Иов (почитавшийся в словенских землях защитником пчеловодов), Иосиф и его братья, Исход израильтян из Египта, приношение даров («три короля»), свадьба в Кане и др.⁶

Наряду с изображением четырех евангелистов, каждый из которых был представлен держащим в руках Евангелие и в окружении предметов и животных, атрибутивных для данного образа (для Матфея - это крылатый ангел, книга с пером или сумка для сбора налогов; для Луки - вол; для Марка - лев, символ достоинства), сохранились крышки ульев, на которых были запечатлены образы разных святых, культ которых имел в словенских землях давние и прочные традиции. Так, св. Флориана, защищающего от огня, изображали с ведром воды, поливающим горящий дом; святого Антона Падуанского, сурово обличающего пороки и призывающего к общему покаянию, творящего чудеса на глазах неверующих, изображали или с ослом, или одним из действующих лиц известной Смледникской легенды⁷. Особенно популярными в словенских землях были св. Иоанн Креститель, культ которого восходит к языческим временам и до сих пор сохранил отдельные свои черты (в Иванов день обычно зажигали костры, хотя сейчас первоначальный магический смысл этого обряда забыт), и св. Юрий. В народном сознании славянских народов этот победитель змея (дракона) воспринимался как защитник земледельцев и скота, а у словенцев он считался и защитником против чумы, смерти на море и на войне, охранителем против жизненных невзгод: неслучайно,

его изображение очень часто появлялось на крышках ульев. Среди образов женщин-святых доминирует изображение св. Луции, защитницы зрения, св. Катарины и св. Нежи.

К группе исторических сюжетов следует отнести роспись под названием «Три императора», изображающую русского царя Александра I, австрийского императора Франца I и прусского - Фридриха Вильгельма I. Она посвящена событиям 1821 г., когда в Любляне проходил знаменитый Лайбахский (Лайбах - старое название Любляны) конгресс Святого альянса. Другой сюжет под названием «Юстификация (оглашение смертного приговора) австрийскому эрцгерцогу Максимилиану (1867) в Мехико» восходит к реальному историческому событию и, вероятно, был известен благодаря «летучим листкам» («*letakam*»), которые часто заменяли крестьянам газету. Следует выделить и рисунки, объединенные Б. Рудолфом под общим названием «французские мотивы», напоминающие о периоде наполеоновских войн («Крестьянин укачивает француза», «Француз бушует», картинка, изображающая черта, уносящего Наполеона в сетях и др.). Эти мотивы, по мысли словенского ученого, отражая в условной манере отношение к происходящему, свидетельствуют о развитии исторического самосознания словенского крестьянина⁸.

Из фольклорных и фольклорно-мифологических сюжетов наиболее популярной была легенда о битве богатыря и рыцаря «Пегам и Ламбергар»⁹. Другая роспись относится к сюжету пришедшей с запада и широко распространенной здесь легенды о королеве Геновфе¹⁰. Откликом на борьбу с турками и опирающуюся на народные предания и народные песни о той поре может служить картинка, изображающая птицу смерти.

Большой интерес для этнографов представляет сохранившаяся роспись под названием «Распиливание бабы». Она отражает известный с XV в. обычай в середине поста (обычно в среду) сжигать соломенную бабу или (позднее) распиливать доску с изображенной на ней женской фигурой. Этот обычай, связанный с поверьем о сокращении поста наполовину, в новых условиях обрел дидактический смысл и был обращен к детям и легкомысленным людям, забывающим во время развлечений о деле¹¹.

Близки к фольклорным и бытовые картинки, часто повествующие об обрядовой крестьянской жизни: проводы юношей в армию, сельская свадьба. Анализ рисунков, изображающих праздничные гуляния, где помимо танцоров выступали и музыканты (иногда их роль выполняли животные), позволил ученым определить, какие музыкальные инструменты бытовали в народной среде того времени¹².

Многочисленную группу составляют картинки с юмористическими и сатирическими сюжетами. Например, известная во множестве вариантов роспись «Битва за брюки», изображающая парня, вылавливающего из реки на свою приманку (брюки) девушек, высмеивает стремление женщин любыми

путями выйти замуж. Картинка под условным названием «Исповедь» сравнивает чистосердечное покаяние мужчины и лживое признание женщины, за плечом которой стоит черт.

Весьма интересны абсурдно-комические сюжеты, которые можно объединить под общим названием «мир наоборот» или «перевернутый мир». Так, «Похороны охотника», где в роли сопровождающих процессию выступают разные звери, вероятно, является сатирой на помещиков. На другой картинке «Лисица бреет охотника» абсурдная ситуация служит иллюстрацией известной словенской поговорки «*briti porca iz koga*» («насмехаться, издеваться над кем-либо»). Отношение крестьян к жителям города (в первую очередь, к ремесленникам) в рамках оппозиции «город – деревня» проявилось в целой серии картинок, высмеивающих портных («Улитка прогоняет портного», «Взвешивание козла и портных» и др.).

Источниками подобных росписей могли послужить широко бытовавшие в народной среде в разных европейских странах картинки с гравюр (подобно русским лубочным картинкам), а также иллюстрации из газет и журналов той поры. Широкое распространение подобных сюжетов может иметь, на наш взгляд, и другое объяснение. Поскольку в словенских землях на протяжении длительного времени народное песенное творчество эротического и сатирического характера постоянно подвергалось гонениям и преследованиям со стороны католического духовенства, можно предположить, что сюжеты с подобным содержанием заполняли в просторстве культуры возникшую лакуну.

Таким образом, словенские расписные крышки ульев представляют собой уникальный образец народного искусства. Не являясь в чистом виде произведением народных мастеров, оно в то же время предназначалось только для крестьян-пчеловодов. Одной из основных целей росписи было стремление украсить предметы бытового назначения, постоянно окружающие крестьянина в жизни. Вместе с тем, преобладание религиозных и дидактических сюжетов на сохранившихся и дошедших до нас словенских крышках ульев позволяет сделать вывод о присущей им просветительской и воспитательной роли. Примечательно, что ульи устанавливались так, что их было хорошо видно с дороги. Это создавало эффект своеобразной «художественной галереи под открытым небом». В период расцвета этого вида народной художественной культуры рисунки на ульях представляли собой некую народную энциклопедию с выраженным дидактическим характером. Для современного исследователя, идущего от изучения отдельных рисунков к их классификации и затем комплексному анализу, важным оказывается возможность прочтения этого разнообразия тем и сюжетов как некоего целого, отражающего представление словенцев о мире, о времени и о себе.

Примечательно, что эта традиция росписи по дереву сохранилась до нашего времени, однако теперь выполняя иную, идентификационную роль. Из-

готовленные по старой технологии и расписанные старинными сюжетами «*pranjске končnice*», продаваемые как сувениры, служат не только памятью живой традиции, но и свидетельством ее силы.

Наиболее близким к словенской народной традиции росписи по дереву, по художественным особенностям и по своему назначению, как представляется, является народное искусство росписи по дереву, имеющее глубокие традиции в нашей стране¹³. Поэтому даже беглое сравнение словенских расписных ульев с образцами северорусской росписи по дереву может дать интересный материал для типологического сопоставления.

К самым архаичным по стилю российские исследователи относят росписи прялок и утвари с реки Мезень. Они близки по стилю к геометрической резьбе. Обычно на мезенской прялке изображены один ряд бегущих оленей, под ним - ряд бегущих в том же направлении коней.

В вологодских росписях техника еще несложна. Мастера не покрывают изделия грунтом, а пишут прямо по светлому естественному лубу. Полосы светлого желтоватого луба чередуются с широкими поверхностями раскрашенного рисунка. Крупные формы узоров, декоративность, мотивы, идущие от допетровской Руси (стрельцы и бояре в длинных до полу кафтанах, в высоких меховых шапках), простота техники заставляют специалистов отнести этот вид росписи к наиболее старым в крестьянском искусстве, исключая мезенскую, относящуюся к стадии геометрического стиля¹⁴.

Особенно значительна по разнообразию и богатству художественных мотивов роспись, которая распространена на обширной территории Северной Двины. Она украшает прялки, ковши, подсвечники, скобкари, берестяные туеса, детские колыбели, сани и телеги, шкафчики и скамейки.

Наиболее интересны для нашего сравнительного анализа северные прялки, украшенные росписью, - предмет, который сопровождал женщину на протяжении всей ее жизни (как и ульи словенских крестьян-пчеловодов). Прялочная лопадка предоставляла большие возможности для живописца. По мнению ученых, самые ранние из известных образцов северодвинской росписи датируются второй половиной XVIII в. - первой половиной XIX в. (т.е. примерно в то же время, что и росписи на крышках ульев), хотя отмечается, что большинство из них и в форме, и в самой росписи сохранило традиции предшествующих веков¹⁵.

Так же как и в росписях посуды, в прялках отмечается несколько схем жанровых композиций, имевших определенное расположение на ее фасадной и внутренней стороне. Так, фасадная сторона прялок делится как бы на три части: верхняя - «став с оконцами», средняя, где чаще всего рисуется полукруглая арка, и нижняя - с растительным узором и традиционной сценой катания - «став с конем».

Оборотная сторона прялки решается несколько свободнее. Две трети верхнего пространства лопаски занимают пышная рамка из гибких стеблей (окаймляя то место, куда привязывался лен). Нижнюю часть внутренней стороны гребня занимают различные жанровые бытовые сцены.

Как считает исследователь В.М. Василенко, узор и «бытовой мотив» возникли в разное время. «Пышный растительный орнамент, птица-Сирин, единорог, грифоны, львы родились в искусстве допетровской Руси. Еще в XVII в., а может быть, и раньше они проникли в крестьянское искусство и прижились там. Они пестро раскрашены, графичны, четко прорисованы. Бытовые сценки появились много позднее под влиянием лубочных картинок XIX в., и манера, в которой они написаны, носит более живописный характер»¹⁶.

Самыми известными сюжетами мезенских прялок являются: праздничная прогулка (в центре дама в нарядном городском платье с колообразной юбкой, по сторонам ее «кавалеры» в военной форме), охота, бег коней, парусное судно.

На пермогорских прялках большое место занимает фантастический растительный орнамент, на фоне которого часто появляются сказочно-фантастические образы: птицы-Сирин, символизирующей счастье, добродушных благородных львов, обладающих магической силой единорогов. Иногда все жанровые сценки росписи одной прялки могли представлять собой последовательный рассказ. На одной из прялок, которые исследователи относят к образцам традиционного свадебного подношения жениха невесте, под сценой посиделок изображено катанье на тройке. На передке сидит ямщик, а сзади под прикрытием кибитки - девушка и парень, держащий ее за руку. На внутренней стороне гребня верхняя часть занята орнаментом, а нижняя сценой чаепития: за круглым столом с самоваром сидят девушки и парень. В стороне в красной кике - женщина с ребенком на руках, у стола - бородатый хозяин с бутылкой и рюмкой. Перед нами - развернутое во времени художественное повествование об истории семьи: знакомство во время посиделок, свадебный поезд и прием гостей. Со временем в традиционной сцене посиделок начинают отражаться изменения в жизни крестьянина: вместо сарафанов появляются городские модные платья, вместо кокошников - платочки, а на месте скляных клетчатых окошек - Т-образные стекольчатые.

Кроме традиционных крестьянских сюжетов в росписи прялок встречаются сцены, которые, несомненно, были созданы на заказ под впечатлением образов города. Такова композиция, представляющая большое матчевое судно, вокруг которого изображены сценки из жизни матроса. Вероятно, это также являлось свадебным подарком.

Борещкие прялки (из с. Борок) отличаются от пермогорских тонами росписи и включением в нее позолоты, а также большей условностью рисунка. На фоне уже знакомого нам фантастического пейзажа (почти на всех прялках

изображен тюльпанообразный цветок, который мы можем видеть и на некоторых словенских картинках) традиционные сценки (катание на лошадях) сочетаются с новыми бытовыми сюжетами: пастух со стадом (на фоне зданий эллинской архитектуры и башен с фигурными входами, вероятно, заимствованными художником из иллюстрированных рукописей XVII-XVIII вв. - работа крестьян-иконописцев), сцена убоя скота и др. Несколько прялок имеют одну и ту же картину, которую специалисты относят к иллюстрации хорошо известной на Севере сказки или легенды «О Елене прекрасной и мачехе» (сюжет, близкий к «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях»).

Итак, народный художник, украшая прялку, изображал на ней многое из того, что видел вокруг себя. Какой смысл он мог вкладывать в свои росписи и как их воспринимали те, кто пользовался такими предметами в быту, кто ими, несомненно, дорожил? «Народное искусство, пишет В.М. Василенко, - все наполнено содержанием, оно обладает огромной жизненностью. Его декоративно-орнаментальные образы проникнуты для крестьянина большим и серьезным смыслом. Украшая, они одновременно говорят ему о многом и “привлекают” счастье, обещают “защиту”, помогают в жизни»¹⁷.

Народный художник обращался к темам и образам, которые окружали его в жизни, но при этом сам бытовой мотив (например, зимняя поездка, убой скота) помещал среди роскошных листьев и цветов, на ветвях которых изображал фантастических птиц и зверей. Так, в мир реальный врывались сказочные образы, что отражало огромный народный оптимизм, стремление украсить, преобразить жизнь в суровых северных условиях.

Анализ сюжетов росписей словенских крышек ульев позволяет говорить о превалировании других задач, связанных с охранительными функциями (когда рисунок или знак использовали как оберег) или дидактическими задачами (множество росписей сатирического содержания). При этом сказочно-фантастический элемент практически исключался, но достаточно частыми были обращения к библейским и фольклорно-мифологическим сюжетам.

Вместе с тем, и в том, и в другом случае, очевидно, что благодаря изучению подобных росписей можно реконструировать народные представления о мире и о себе у русских и словенцев, и в сравнительном анализе понять особенности их ментальности.

Живая традиция - это можно сказать и о словенской, и о русской росписи по дереву¹⁸.

Примечания

¹ См. об этом: *Čevc E. Peslikane panjske končnice // Pripovedi s panjev. Čelebarski muzej, Radovljica (potujoča razstava panjskih končnic), 1992.. S. 2.*

² Так, летом 1955 г. в Любляне прошла большая выставка расписных крышек ульев («panjskih končnic»). Она вызвала небывалый интерес у посетителей и вызвала целый ряд публикаций ведущих словенских этнографов в журнале «Словенски этнограф» и других словенских изданиях.

³ Антон Янша (1734-1773) - словенский пчеловод и художник. Его книга по пчеловодству («Abhandlung vom Schwärmen der Bienen»), вышедшая в Вене в 1771 г. была неоднократно переиздана и переведена на многие языки. Указ Марии-Терезии 1775 г. предписывал всем учителям пчеловодства в землях Австро-Венгрии использовать ее в качестве главного учебного руководства.

⁴ *Makarovič G. Slovenska ljudska umetnost. Zgodovina likovne umetnosti na kmetijah. Ljubljana, 1981. S. 90-92.*

⁵ *Rudolf B. Ob problemi slovenskih panjskih končnic // Slovenski etnograf. IX. Ljubljana, 1956. S. 263-264; Cevc E. Poslikane panjske končnice...S. 1-2.*

⁶ Многие из сюжетов описала в своем комментарии («История с крышек ульев») к каталогу расписных ульев словенская исследовательница И. Гниллак. См.: *Pripovedi s panjev. Čelebarski muzej, Radovljica (potujoča razstava panjskih končnic), 1992. S. 2-9.*

⁷ Когда после смерти старого барона из Смледника его сын потребовал от крестьянина заплатить долг второй раз, последний обратился за помощью к св. Антонию Падуанскому; тот заставил чертей привести из ада старого хозяина, который и подтвердил правоту крестьянина.

⁸ *Rudolf B. Ob problemi slovenskih panjskih končnic. S. 265.*

⁹ Этот сюжет, воссозданный во многих народных словенских песнях, прочно вошел в историю словенской культуры, многократно использовался в литературе; стихотворные обработки этой темы находим у Ф. Прешерна и других словенских поэтов). И.В. Вальватор, автор знаменитого труда «История герцогства Крайны» (1689) упоминает об этом сюжете народной песни, связанном с реальными событиями: борьбой Габсбургов с сельскими графами за обладание словенскими землями. В своей книге знаменитый историк описывая замок Камен, говорит о сохранившейся на стене вокруг замка фреске, изображающей битву великана и рыцаря.

¹⁰ Супруга короля Фридриха Бранбургского Геневефа была оклеветана своим опекуном и обречена вместе с родившимся сыном на смерть в лесу, но ее балача сохранили ей жизнь, и она осталась жить в лесной пещере, где ей помогла косуля. Обычно ее изображали у входа в пещеру рядом с сыном и косулей или в карете, благополучно возвращающейся домой с мужем и сыном. Этот сюжет известен и в росписях на стекле, другом уникальном виде народного художественного творчества.

¹¹ См.: *N. Kuret. «Babo žagajo». Slovenske oblike pozabljenega obredja in njegovi evropske paralele // Slovenski etnograf, I. XIII. 1960. S. 115-144.*

¹² См.: *Kumer Z. Godiški in plesni motivi na panjskih končnicah // Slovenski etnograf, I. X. Ljubljana, 1957. S. 157-166.*

¹³ Русские лубочные (или народные) картинки, как и западноевропейские рисунки с гравюром, имеющие богатую историю, отличаются от словенских народных картинок не столько по сюжетам (и там, и там можно найти достаточно параллелей), сколько по своей технике и назначению. Так, известно, что русские лубочные картинки всегда создавались в технике деревянной гравюры или гравюры на меди и использовались для продажи.

¹³ *В.М. Василенко. Русская народная резьба и роспись по дереву. М., 1960. С.88.*

¹⁴ Там же.

¹⁵ Это, как отмечает О.В.Круглова, особенно видно на скобарях (пермогорская роспись) с устоявшейся древней формой водоплавающей птицы и росписью, элементы орнамента и принципы декора которой были характерны для русского прикладного искусства XVII-XVIII вв. - См.: *Круглова О.В. Северодвинские росписи. С. 21.*

¹⁶ *Василенко В.М. Русская народная резьба и роспись по дереву XVIII-XX вв. М. 1960. С.95.*

¹⁷ *Василенко В.М. Русская народная резьба и роспись по дереву XVIII-XX вв. М. 1960. С.97.*

¹⁸ Мы уже упомянули о возрождении словенской росписи по дереву. Начиная с 1960-х гг. началось возрождение и многих народных промыслов в нашей стране, хотя идет оно медленно и порой тяжело. Так, в середине 1960-х гг. потомками старых мастеров (Ф.М. Федотовым в с. Палашелье и С.Ф. и И.С. Фатьяновыми в с. Селище Архангельской области) была возрождена знаменитая Мезенская роспись по дереву - См.: *Миловский А.С. Скачи, добрый единорог. М., 1983. С. 33-47.*

Этно-национальные и цивилизационные характеристики русской музыкальной культуры

Этап становления национальной музыки русских

Исторические корни русской музыкальной культуры связаны с музыкальным фольклором древних восточно-славянских племен. Исследователи предполагают, что до того, как сложилась Киевская Русь, восточные славяне имели развитые формы фольклора: календарные и семейно-бытовые, обрядовые песни, а также героический эпос, инструментальную музыку¹.

У древних славян в были распространены священные песни, в которых прославлялись боги, вожди племен, мужество воинов, мир любви небесной и земной, сила света. Из этих песен сформировались былины и исторические песни, в которых воспевались история, неразрывность поколений живших и живущих людей. Древними жанрами были также хороводные и плясовые песни, календарные песенные циклы. В рамках семейно-бытового фольклора развивались такие древние формы, как плачи-причитания, которые исполнялись по разным поводам: на смерть близких, по поводу прощания невесты с беззаботной юностью и др. Плачи-причитания были наиболее ранней формой сольной женской лирики и отличались насыщенной экзотичностью; их мелодии приобретали характер распевного речитатива. Создавалось впечатление тоскливой и взволнованной речи, перемежающейся с рыданиями.

До введения христианства (988 г.) музыкальное общение славян с народами-соседями носило достаточно ограниченный характер, сосредотачиваясь в этноплеменных центрах. С принятием восточными славянами христианства и развитием Киевской Руси такое общение вышло далеко за рамки узких территорий расселения славян и стало развиваться в пределах не только государства, но и его международных связей.

Принятие христианства привело к тому, что вместе с богослужбной

* Каяк Аннета Борисовна, кандидат философских наук, профессор.

музыкой определенные пласты русской культуры получили мощный импульс, исходящий от мелоса народов Ближнего Востока - прежде всего греков, которые в свою очередь тесно взаимодействовали с музыкальной практикой ассирийцев, иудеев, коптов и др. Таким образом, семантика и информационность православной музыки получили новый импульс плодотворного развития в рамках русской культуры². Византийская певческая система, будучи воспринятой на Руси во всем своем объеме с разными типами духовного пения, бережно сохранялась. Но на определенном этапе она постепенно стала перерабатываться.

В период татаро-монгольского ига взаимодействие русской музыки с западной было прервано. Остается во многом открытым вопрос о воздействии информационно-семантических характеристик монгольского мелоса на развитие русской музыкальной культуры того периода. Многие современные этномузкологи приходят к выводу, что сколько-нибудь существенного воздействия татар на русскую художественную, включая музыкальную, культуру не было³. Изыскания в других областях культурного взаимодействия (политическая и военная сферы, язык, некоторые стороны быта и др.) свидетельствуют, что несколько веков татаро-монгольского владычества на Руси не осталось бесследным⁴.

В русской музыке рано начали формироваться разные социально-сословные пространства музыкальной практики. Так, в Киевской Руси во многих жизненных ситуациях представители высших слоев обращались к народной музыке. Однако для московского княжеского (позже царского) двора, дружинного быта, а также боярской среды уже создавалась специальная музыка, сопровождавшая торжественные, официальные церемонии, походы, пиры, праздники⁵.

В период, предшествующий становлению национальной музыки (период Московского государства), принято выделять три основных направления, через которые реализовывался этот процесс: народная, духовная (богослужбная) и светская музыка. Народная музыка в этот период была достаточно разнообразна по видовым и жанровым признакам. Так, продолжал существовать героический эпос (былины, пересказываемые нараспев, исторические песни и др.); в народе исполнялись календарные, семейные, праздничные песни.

К XV-XVI вв. у русских появляется протяжная песня, характер которой был более свободным сравнительно с предыдущим этапом развития фольклорно-регламентированного пения. Протяжные песни передавали богатый диапазон чувств и переживаний. В них складывалось народное многоголосие (полифония) разного типа. Русская народная полифония – специфический феномен, определивший качественное своеобразие, весь дальнейший путь развития песенно-хорового искусства русских, всей

русской музыки. Здесь мелодия или напев одноголосного склада исполняются и соло, и хоровым унисоном, иногда с зачатками многоголосия. Она отличается выразительной распевностью, льющейся непрерывностью мелодического рисунка, диатоническими приемами изложения и подголосочностью⁶.

По улицам городов и деревень московского государства ходили группы скоморохов, соединявших занятия актера, музыканта, циркача, танцора. Однако выступление церкви против скоморошества прерывает к концу XVII века эту форму музыкально-песенной народной культуры.

Духовная музыка продолжала развиваться в сочетании с обрядовой практикой православных богослужений. В ее рамках византийские музыкальные каноны претерпевали медленную трансформацию. В результате на протяжении XV-XVI веков в русском богослужбном пении формируется национальная интонационность, отличающаяся широким мелодическим дыханием, протяженными линиями, внутри которых текст распевался свободно и гибко. Таким образом, при сохранении канонической системы богослужбного пения формировалась национальная характерность⁷. В Московском государстве получают распространение певческие капеллы, развивающие церковное двух- и трехголосное пение. Известно, что первые опыты двухголосного пения относятся к середине XVI века. Позже осваивается хоровое пение, которое, как и сольное исполнительство, стало в России одной из ключевых составляющих музыкальной культуры.

При Иване Грозном в Москве существовала группа духовных композиторов (распевщиков), которая пользовалась покровительством царя. Видимо, не без влияния этой группы в московский церковный обиход вводится новый – казанский – распев, названный так в память взятия Казани. Для домашнего пения церковная власть рекомендовала “духовные” и “умиленные” стихи с одноголосным напевом. В XVII веке эти стихи стали вытесняться “кантатами” и “псалмами”, которые начали проникать в Москву из украинских и польских земель, что было началом новой диффузионной волны западноевропейских музыкальных форм.

Украинская культура, формируясь на рубеже Средневековья и Нового времени между Западной Европой и Русью татаро-монгольского периода, развивалась как типичная пограничная культура. Присоединение в XVII веке украинских земель к Москве заметно способствовало расширению музыкального семантического поля московской Руси. Вместе с украинскими музыкальными традициями в Россию пришли навыки сольного исполнения и музыкальной педагогики, идущие от немецкой и итальянской культур⁸. С одной стороны, это было влияние народной кобзарской практики, сохранившей некоторые элементы, свойственные еще сказителям Древней

(Киевской) Руси, в то время как в Московском государстве они были уже почти утрачены⁹. С другой стороны, украинская вокальная школа способствовала тому, что во второй половине XVII века на Руси возникает партесное пение (от латинского слова *partes* – партия), соединившее в себе элементы западной музыкальной системы с православными певческими традициями.

Позже, в XIX-XX веках, на юге Украины, там где украинцы совместно проживали с представителями молдавской, еврейской, русской, польской, греческой и др. диаспор, создались благоприятные условия для межэтнического музыкального синтеза, что особенно ярко проявилось на примере городского фольклора некоторых южно-украинских городов (Одесса, Николаев и др.). Однако таких очагов межэтнического городского фольклорного синтеза в пространстве российской музыки было относительно мало.

Русская музыка и цивилизационное воздействие Западной Европы. К последней трети XVII века, когда формируется первоначальный этап русской национальной музыки, западноевропейское влияние уже имело место, а после преобразований Петра I этот процесс приобрел широкие масштабы, особенно значимые среди высших слоев русского общества¹⁰.

Следует иметь в виду, что в XVIII веке светская музыка, связанная с культурой Западной Европы, стала развиваться в России на фоне народной и духовно-православной музыки. Светские западноевропейские музыкальные формы и жанры были для русской культуры новым, хотя и не абсолютно чуждым явлением. Не случайно вначале они были легко восприняты среди высших слоев дворянства. Постепенно многие их разновидности распространяются более широко. Так, в армейской среде получают признание марши, боевые песни, военные гимны.

Любопытна историческая судьба одного музыкального нововведения в русской армии. Павел I, будучи сторонником прусской военной системы, ввел в русскую армию множество взятых отсюда новшеств, включая и военные марши. Позднее от этих нововведений Павла I в отечественной практике военного строительства мало что сохранилось. Однако русские военные марши, в которых до настоящего времени чувствуется присутствие жесткого ритмического начала, сохраняются и сейчас как важная жанровая составляющая отечественной музыкальной культуры.

В начале XIX века в культуре среднего дворянства и некоторых городских слоев распространяется любительское музицирование, в частности, исполнение романсов, начинается специальное обучение профессиональным основам западноевропейской музыкальной культуры¹¹. Западная музыка обретала лидирующее значение в профессиональной подготовке русских музыкантов-исполнителей и композиторов.

Западное влияние, безусловно, обогащало и динамизировало информационно-семантический контекст русской музыкальной культуры. Однако на первых порах оно не оказывало заметного влияния на церковную и фольклорную музыкальную практику, т.к. затрагивало отдельные сегменты и небольшое социальное пространство музыкальной жизни высших слоев русского общества.

К концу XVIII – началу XIX века начали складываться отдельные характеристики национальной музыкальной модели современного типа. К особенностям русской национальной музыки следует отнести: мелодичность, основанную на широком плавном пении, внимание к тональным оттенкам звука (даже церковные колокола и ямщицкие колокольчики различались по неодинаковой настройке). В профессиональной музыке существенным образом обогащается многоголосие. Профессиональные композиторы овладевают выразительными возможностями многомерного и гибкого полифонического движения (особенно в оперно-хоровом пении, в симфонических произведениях). Наряду с этим умножаются и углубляются способы и приемы выражения тонких индивидуальных оттенков чувств и переживаний (в романсе, лирической песне).

Сравнительно с западноевропейской семантикой в русской музыке всегда культивировалось отображение жизненных тягот тоски, страданий, с одной стороны, и контрастное проявление бесшабашной удалы, до отчаяния, веселые песни – с другой. Об этом талантливо написал И.С.Тургенев в рассказе “Певцы”).

Вместе с тем в XVIII-XIX вв. в русской музыке исподволь складывалась ситуация, свидетельствующая о разделении русской музыкальной культуры на два уровня. В итоге здесь четко обозначился социально высший уровень, связанный с аристократическими, образованными слоями, а также продолжал развиваться низший уровень, связанный (и характеризующийся сложными профессиональными музыкальными формами) со стихийно-народными, более простыми, полифоническими формами музыкальной культуры.

Конечно, между светской профессиональной музыкой (в основном создаваемой для высших слоев), с одной стороны, и народным уровнем музыкальной практики, с другой, всегда существовали многообразные связи, обуславливая взаимообмен удачными находками в области формообразования и семантических поисков. Талантливое объединение определенных принципов построения народных музыкальных форм, западноевропейской композиторской техники и профессиональной оркестровки наиболее полно обнаруживается в произведениях М.И.Глинки, А.А.Алябьева, А.С.Даргомыжского, М.П.Мусоргского и других композиторов XIX века.

Однако на рубеже XIX-XX вв. уже имеет место разрыв информационно-семантического поля русской музыки. Народный музыкальный фольклор

классического типа постепенно трансформируется. Под влиянием процессов урбанизации и начинавшихся модернизационных процессов возрастает количество различных социокультурных групп и субкультур. В этой ситуации фольклор выходит за рамки сельской культуры и начинается его активная дифференциация в городских условиях. Так, на рубеже XIX-XX вв. умножались типы песен бытовых, мещанских, уличных, дворовых, солдатских, воровских и др.: рождалась бытовая музыкальная культура с ее мозаичным характером. Это музыкальное направление по форме и содержанию во многом отличалось от классического музыкального фольклора, но сохраняло некоторые общие с ним семантические и структурные черты в манере построения, исполнения, предпочтениях и т.п.

Привлекают к себе внимание попытки любителей музыки из мещанских и частично образованных слоев горожан преодолеть разрыв между эстетикой профессионально-светской музыки и бытового музыкального фольклора нового типа. В любительской музыкальной практике вольное сочетание новых элементов западной музыки с образцами исполнения народных и фольклорно-городских песен приводило порой к снижению сложных заимствованных извне композиционных форм, доведению их до упрощенного массового восприятия. Эта линия прослеживается в трансформации некоторых профессионально созданных романсов в жарово-бытовую песню (“Элегия” А. Амосова стала песней “Хас-Булат удалой”) или в музыку ресторанов и народных гуляний (пример стихотворения А. Григорьева “Цыганская венгерка” и “О, поговори хоть ты со мной”, которые поначалу исполнялись как городские романсы, а позже заняли прочное место в ресторанном репертуаре).

Заметим, что аналогичное разделение того, что поет народ и высшие слои, с самого начала было присуще музыкальной практике Новой Испании (оно здесь разделяло коренное население и испанцев), в то время как, например, в арабo-мусульманском мире этого почти не наблюдается, т.к. многие народы мусульманского мира не форсировали в прошлом и не форсируют сейчас освоение принципов западного искусства и эстетики, включая музыку. Но в целом в XIX-XX вв. для тех народов традиционного склада, которые стремились быстро повернуть свою культуру на путь модернизации через освоение западных образцов, такое разграничение искусства было характерным (например, Турция, Япония и др.).

Вместе с тем в русской музыкальной практике XIX века обнаруживается уникальное синтетическое явление, которое, во-первых, выделило эстетические черты, общие как для образованных, так и для народных слоев, во-вторых, соединило в себе некоторые качества русского мелоса с ритмами музыкального построения другого народа. Речь идет о русско-цыганском романсе, нашедшем распространение в аристократических салонах, в дорогих ресторанах, в трактирах для простолюдинов и в домашней обстановке. Исполнение романса

то соединялось со стихией цыганского и русского народного пения, то заключало в себе рафинированные характеристики, сближавшие его с западноевропейской манерой исполнения. Но в любой социальной среде романс ценился как форма отображения глубоких чувств, отражения повседневности, ритмических и энергетических импульсов, о которых сам человек мог и не догадываться.

Таким образом, русская музыкальная практика приобрела к XX веку сложную структуру с тенденцией к поляризации. С одной стороны, музыка создавалась профессионалами и любителями, работавшими в ключе западноевропейских техник и приемов творчества. Именно это направление русской музыки проникало на национальные окраины как наиболее качественное и нормативное, динамизируя процессы музыкального взаимообмена. В имперской России это направление, частично принимало на себя функции общих информационно-семантических единиц музыкального поля народов России. С другой стороны, существовала народно-фольклорная музыкальная практика русских, которая развивалась параллельно с музыкальной практикой других народов страны, оставаясь в целом консервативной.

Примечания:

- 1 Рапацкая Л. А. История русской музыки. От древней Руси до "серебряного века". М., 2001, с.13.
- 2 См.: Мартынов В. И. История богослужебного пения. М., 1994, с.86.
- 3 См.: Земцовский И. Русская протяжная песня. Л., 1967, с.17.
- 4 Доказательства этому см.: Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. М., 1993; он же, Древняя Русь и Великая Степь. М., 1983 и др.
- 5 Галиева Ю. Н. Русская музыкальная культура XI-XX вв.//Русская духовная культура. М., 1995; История русской музыки в 10-ти тт. Т.1. Древняя Русь, XI-XVII вв. М., 1983, сс. 29-79;
- 6 См.: Евсеев С. В. Русская народная полифония. М., 1960, сс. 26-27; Традиционное народное музыкальное искусство восточных славян. М., 1987 и др.
- 7 Рапацкая Л. А. История русской музыки..., с. 34-35.
- 8 См.: Бобылев Л. Б. История и принципы композиторского образования в первых русских консерваториях. М.: Московская консерватория. 1992; Ломтев Д. Немецкие музыканты в России. М.: "Прест", 1999; Столянский П. Н. Музыка и музицирование в старом Петербурге. Л.: Музыка, 1989; Штеллин Я. Музыка и балет в России XVIII века. Л., Тритон, 1935 и др.
- 9 См.: Антонов В. Г. Феномен украинской вокальной школы в контексте этнокультурологических проблем. Дис-ция на соиск. уч.ст. доктора культурологии. М.: МГУК и И. 2001.
- 10 См.: Познанский В. В. Очерк формирования русской национальной культуры. М., 1975.
- 11 См.: История русской музыки. Вып. 1: С древнейших времен до середины XIX века /Авт. Ю. В.Келдыш, О. Е. Левашева; Общ. ред. А. И. Кандинского. М., 1990; Келдыш Ю. В. Русская музыка XVIII века. М., 1965.

Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности как определенный этап развития лингвистической мысли

Современная русская аспектология – результат деятельности научного сообщества на протяжении не одного столетия. За этот период, ввиду сложной организации изучаемого явления, произошло расширение изучаемого объекта: **аспектуальность** из узкоморфологической категории перешла в разряд межуровневых и стала включать в себя и морфологию, и лексику, и синтаксис. Процесс расширения изучаемого объекта отражен в динамике развития аспектуальной терминологии: **вид**, **совершаемость** (способ глагольного действия), **аспектуальность** и **aspect**, **Actionsart**.

Термин **вид** утвердился в русской грамматической традиции в начале XIX века, но его наполнение было отличным от современного: вид тогда – это не бинарная оппозиция, а набор из трех – пяти признаков¹. Современное представление о виде как о бинарной оппозиции начинает формироваться в конце XIX века, но складывается в четкую теорию только начале XX века в работах Г.К.Ульянова, Ф.Ф.Фортунатова, А.Мазона, А.А.Шахматова, А.М.Пешковского, С.О.Карцевского. В результате появляется необходимость введения нового термина для обозначения тех явлений, которые вышли за рамки обозначения вида. Новый термин **Actionsart** был предложен шведским славистом С.Агрелем для обозначения словообразовательных значений, которые в славянских языках передаются глагольными префиксами, но в русистике утвердились два синонимичных ему термина **способ глагольного действия (СГД)** и **совершаемость**. Тем самым новая терминология закрепила новое содержание понятий, в результате чего появились новые объекты исследования.

XX век – время активного изучения категории вида: это и описание частновидовых значений глагола, выполненное А.Мазоном, и теория психосистематики Г.Гийома (где важным для нас является понятие «внутреннего

* Белошапкива Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент ГАСК.

времени)), и поиск инвариантного значения совершенного вида². Одним из ключевых понятий, используемых в этих поисках, является понятие видовой пары³, наблюдаемое в «глаголах, с одним и тем же лексическим значением, относящихся к разным видам» [Шелякин1997: 65].

Исследования видовых пар показали, что лексическое значение глаголов может дополнять видовое противопоставление значениями однократности, длительности, результативности и множественности действия. Хочется обратить внимание, что в нашем исследовании понятие видовой пары не используется, таким образом, для нас вид и *Actionsart* (СГД) – это разные явления.

Для объекта, обозначенного понятием *Actionsart*, или в русской традиции СГД, время активного изучения начинается со второй половины XX века, и что очень важно, на протяжении этого времени понятие СГД изменялось, расширялось и дало в русистике два варианта: узкого и широкого понимания границ СГД. Узкое понимание СГД полностью повторяет идею С.Агреля. Широкое же понимание, восходящее к работам Э.Кошмидера и Ю.С.Маслова, как кажется, наиболее точно сформулировано Ю.С.Масловым: «под способом действия следует понимать некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящиеся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих особенностях их функционирования в языке, а именно по линии словообразовательной активности вида и синтаксического употребления» [Маслов1957: 8].

С появлением работы Ю.С.Маслова [Маслов 1948], в которой анализировались вопросы, ранее не привлекавшие внимания исследователей, а именно: связь между видовой формой глагола и его семантикой, зависимость между семантикой глагола и возможной неполнотой видовой парадигмы глагола или же отсутствием тех или иных частновидовых значений, – интерес исследователей переместился на изучение семантики глагола.

Другими не менее важными идеями для развития аспектологии явились идея Э.Кошмидера о закономерностях использования видовых форм в определенных ситуациях (фактах по Э.Кошмидеру) и идея о существовании категории предельности / неопределенности, занимающей «промежуточное положение между способом действия и видом». Соединение трех этих идей дало вектор развития аспектологии не на одно десятилетие: развитие этого направления привело к расширению исследуемого объекта (глагол, предикат, предложение, высказывание, текст). С другой стороны, изменилась и сама методология исследования, которая стала базироваться на активном привлечении и использовании идей из других лингвистических областей. Так, идея семантического поля Л.Вайсгербера и идея лингвистического

функционализма, выдвинутая Р.О.Якобсоном, Н.С.Трубецким, С.О.Карцевским, позволили А.В.Бондарко сформулировать понятие функционально-семантического поля (ФСП); идея использования понятия «ситуации» в аспектологических исследованиях, безусловно, повлияла на возникновение такого понятия, как аспектуальная ситуация [Бондарко 1987, 1995, 1996, (1983) 2001, 2002].

Плодотворное развитие этого направления отразилось в появлении понятия **аспектуальность**, объединяющего в себе лексические, морфологические и синтаксические явления. Это понятие связано и с термином **аспект**, употребляемым в русской типологической литературе, «для описания любых грамматических противопоставлений, принадлежащих данной семантической зоне (так что славянский вид оказывается, вообще говоря, частным случаем универсального аспекта)» [Плунгян 2000: 293].

Обширность изучаемого объекта создала возможность становления двух путей его исследования: одного пути, ведущего в глубь предложения, а другого – за его пределы (подробнее см. [Черткова 1977]). Первый путь достаточно традиционен и опирается на работы Г.Гийома ([Гийом 1992], [Исаченко 1960], [Шелякин 1983], [Булыгина 1997], [Рянская 2002], работы, выполненные в рамках теории функциональной грамматики А.В.Бондарко). Второй представляет собой «дискурсивную теорию аспекта»⁴ ([Гелин 1985], [Борисова 1994, 1997, 1998], [Падучева 1996], [Шатуновский 1992, 1996], [Плунгян 2000], [Хонг Тэк-Гю 2003]).

Наше исследование выполнено в рамках первого подхода, поэтому все дальнейшие рассуждения связаны с изучением аспектуальности внутри высказывания. Здесь необходимо указать, что термин **дискурсивный** используется в работе в другом значении, отличном от того, что представлено в «дискурсивной теории аспекта», а именно в значении «функциональный», которое используется в российской версии когнитивной лингвистики (подробнее см. [Белошапкина 2007]).

Несмотря на более чем двухсотлетнюю историю изучения аспектуальности, семантическая сторона изучаемого объекта понимается разными исследователями по-разному: можно сказать, что сложилось широкое и узкое понимание аспектуальности⁵. РГ-80 и РГ-79 отражают широкое понимание, а ТФГ и В.А.Плунгян - узкое. Широкое понимание включает в себя следующие категориальные характеристики: интенсивность, длительность, фазовость, результативность, повторяемость (в РГ-79 к ним добавляется категория соотношение с нормой). Узкое понимание включает в себя кратность, длительность, фазовость, ограниченность/ неограниченность пределом, наличие/ отсутствие внутреннего предела, представление действия как протекающего процесса или как ограниченного пределом целостного факта. Как можно увидеть, расхождения в понимании семантики данной категории свя-

заны с трактовкой категории интенсивности. Сторонники узкого понимания выводят ее из состава данной категории и рассматривают либо как категорию качественности ([Бондарко 1996]), либо как показатель модальности ([Плунгян 2000]).

Развитие лингвистики в 60-70 годы XX века, когда центр внимания переместился на изучение семантики предиката, предложения, превратили направление, идущее от работы Ю.С.Маслова 1948 г., в генеральную линию аспектологии.

Влияние семантики на аспектологию заключается в использовании закона семантического сочетания слов при описании видо-временных значений предиката. Закон семантического сочетания слов (закон «изотопии») был описан А.Греймасом; согласно этому закону два слова составляют правильное сочетание только тогда, когда они имеют, кроме специфических различающих их сем, и общую сему.

В российской лингвистике это явление привлекало внимание исследователей как в рамках изучения семантики производного слова ([Милославский 1980]), так и изучения семантики предложения. В течение десяти лет после выхода в свет книги А.Греймаса появилось несколько очень значимых работы [Апресян 1972], [Гак 1972, 1998], [Арутюнова 1974], [Булыгина (1989) 1997], развивающих идеи А.Греймаса.

Интерес к идее семантического согласования в предложении, как кажется, в тот период был воплощен в двух концепциях: в концепции структурно-семантической модели предложения и типа ситуации и в концепции парадигматической организации предложения. Концепция структурно-семантической модели предложения и типа ситуации была сформулирована В.Г.Гаком, который, исследуя аспекты семантики предложения, пришел к выводу, что «в выражении объема значения предложения участвуют определенные лексико-грамматические средства. Это, прежде всего, кванторные слова или квантификаторы, уточняющие количественную характеристику объектов и действий и играющие большую роль в процессе актуализации – превращении виртуальных понятий в элементы конкретных предложений» [Гак 1986: 155].

Концепция парадигматической организации предложения связана с утверждением идеи о наличии у того или иного отвлеченного образца определенных системных связей с другими структурами. В рамках этой концепции было сформулировано как широкое и узкое понимание парадигмы предложения [Белошапкина В.А. 1989], [РГ-80], так и понятие деривационного синтаксиса [Белошапкина В.А., Шмелева 1981].

Идея парадигматической организации предложения воплотилась в идею наличия у предложения **аспектуальной парадигмы** [Белошапкина Т.В.2001]. **Аспектуальная парадигма** – это такая парадигма, каждый член

которой описывает одну и ту же пропозицию и отличается от исходной модели определенным семантическим компонентом, который вводится с помощью различного вида аффиксации, корневой морфемой, а также определенной синтаксической конструкции.

Открытие закона семантического согласования оказало влияние и на такую дисциплину, как лингвистика текста, а именно на осмысление такого свойства текста, как цельность. Здесь особенно важной являются две идеи Т.М.Николаевой: первая – о линейном развертывании текста, подобно развертыванию предложения, имеющая своим истоком мысль Р.Барта о том, что текст является большой фразой. Суть второй заключается в том, что в рамках такого представления смысл текста «дискретизирован, разбит на единицы, сочетаемость которых примерно соотносится с сочетаемостью слов и предложений, хотя и вводится связывающее слова семантически понятие «изотопии», ставшее широко известным по работам А.Греймаса» [Николаева 2000: 416].

В 90-ые годы внимание исследователей стало привлекать новое направление – **когнитивно-дискурсивного анализа**. Соединение аспектологии с когнитивно-дискурсивным анализом – это новый, но совершенно естественный, вытекающий из логики исследования, этап изучения этой категории. Что особенно важно, когнитивно-дискурсивный анализ удовлетворяет стремлению к цельному и полному осмыслению данного явления, которое объединяет в себе и предложение, и текст (и что особенно важно, позволяет учитывать и функциональный аспект).

Когнитивная лингвистика – «направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм» [Демьянков 1994: 21], – снимает искусственную разграниченность, разделенность изучаемого объекта на «парадигму предложения», включающего в себя семантику высказывания, и «лингвистику текста».

Когнитивная лингвистика за относительно недолгое время своего существования выработала несколько линий своего развития. Первая линия связана с междисциплинарными исследованиями в области вычислительной техники, вторая – с изучением сознания. Введение в лингвистику такого понятия, как **концепт**, позволило по-новому взглянуть на огромный опыт, накопленный лингвистами на протяжении столетий, и дало мощный импульс для новых исследований. Результатом этого развития можно считать выдвижение в российской лингвистике новой парадигмы знания – **когнитивно-дискурсивной парадигмы**, методология которой была сформулирована Е.С.Кубряковой.

Когнитивно-дискурсивная парадигма знания является (как указывает Е.С.Кубрякова) функциональной парадигмой, когда «при описании каждого языкового явления равно учитываются те две функции, которые они неиз-

бежно выполняют: когнитивная (по их участию в процессах познания) и коммуникативная (по их участию в актах речевого общения) [Кубрякова 2004а: 11]. Это позволяет пользоваться при исследовании какого-либо явления не только когнитивным понятийным аппаратом, но и функциональным.

Содержание дискурсивного анализа, являющегося составной частью когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, вытекает из понимания дискурса, которое в современной лингвистике является очень неопределенным в силу бесчисленного разнообразия изучаемых источников и грамматически правильных текстов. В конце XX – в начале XXI вв. в отечественной лингвистике шла большая работа по осмыслению этого понятия и включению его в нашу, отечественную, лингвистическую парадигму. В это время появилось несколько очень значимых работ: [Кубрякова 2000, 2004], [Демьянков 2000], [Макаров 2003], [Богданов 1993], [Дымарский 1999], [Кристева (1970) 2004], [Гаспаров 1996]. Хочется указать, что для целей данного исследования среди различных пониманий дискурса нам, с одной стороны, в большей степени близки точки зрения Л.М.Макарова и В.В.Богданова (подробнее см. [Белешапкова 2007]), понимание которых очень близко к отождествлению дискурса с речевой деятельностью. С другой стороны, для нас очень важным является то, что связано с продуктивностью текста ([Кристева 2004]). Наш выбор обуславливается тем, что осмысление ставшего уже классическим определения дискурса, данного Н.Д.Арутюновой (дискурс – это «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136-137]), на сегодняшний день во многом связывается с социальной активностью человека (ср.: экономический дискурс, политический дискурс и т.д.)⁶. Для нашего исследования такой параметр, как социальная активность человека, не является объектом рассмотрения.

Цели нашего исследования, так и сам анализируемый нами материал предопределили необходимость создания собственного определения дискурса. Опираясь на перечисленные выше исследования, в работе было сформулировано собственное определение дискурса: **дискурс – это реализация языковой системы в определенных формальных и семантических структурах, обладающих в зависимости от социально-временной детерминированности различной степенью продуктивности и служащих социуму в качестве инструмента познания мира.**

Дискурсивное описание строилось на материале текстов второй половины XIX и XX веков. Это произведения М.Е.Салтыкова-Щедрина, С.В.Ковалевской, А.И.Герцена, П.Д.Боборыкина, И.А.Гончарова, Л.Н.Толстого, В.И.Гаршина, А.И.Тургенева, Ф.М.Достоевского, А.П.Чехова, И.А.Бунина, М.А.Шолохова, М.А.Булгакова, К.Г.Паустовского, А.Платонова, К.Симонова, Б.Пастернака, Ю.Трифорова, В.А.Распутина, С.Д.Довлатова, а также современная публицистика и газетные тексты. В

базе данных содержится более 8000 примеров.

Таким образом, с одной стороны, наше исследование продолжает генеральную линию изучения категории аспектуальности, заложенную еще в 60-70 годы, - изучение аспектуальности внутри ситуации, причем основное внимание сосредоточивается на семантическом взаимодействии значений интенсивности, фазовости, длительности, результата, повторяемости, соотношения с нормой с пропозициональной структурой высказывания, но делает это в рамках когнитивной лингвистики.

С другой же стороны, сама традиционная российская лингвистика пошла к такой ситуации, когда стало возможным использовать накопленные знания о разноуровневом устройстве языка в исследованиях, посвященных изучению его функционирования. Эта мысль была достаточно точно сформулирована В.С.Юрченко: «В конце XX века перед языковедением на новой основе (то есть с учетом результатов, достигнутых на путях “односторонних” лингвистик) встает старая сверхзадача – вновь связать, синтезировать важнейшие стороны лингвистического объекта в рамках языка, речи, мышления, действительности, реального времени» [Юрченко 1996: 50]⁷. Иначе говоря, вернуться к идеям А.А.Потебни на базе достижений лингвистики XX века.

Не обращаясь к диахроническому аспекту, мы ограничили объект нашего исследования стандартными рамками от первой трети XIX века, то есть рамками современного русского литературного языка.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно говорить о том, что за этот период категоризация категории аспектуальности несколько раз менялась: в XIX веке она категоризировалась как пять равноправных смыслов, составляющих категорию вида (подробнее см. [Овсяннико-Куликовский 1912], [Виноградов 1972]); в XX веке – это морфологическая категоризация, основанная на понятии дифференциального признака; в XXI веке – это концептуальная категоризация, основанная на понятии концепта.

Создание новой **когнитивно-дискурсивной** парадигмы подвело итог большому этапу развития современной российской когнитивистики – этапу решения общих теоретических вопросов, и позволяет «перейти от общих установок когнитивно-дискурсивной парадигмы к более конкретной и более, на наш взгляд, реалистичной программе когнитивных исследований в теоретической лингвистике» [Кубрякова 2004а: 12].

Изучение категории аспектуальности в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы позволило увидеть следующую, достаточно необычную для традиционной лингвистики картину.

Категория аспектуальности обладает особой структурой: ее составляющие не образуют подклассов с отношениями «выше - ниже» (как это свойственно системам категорий, которые создавались человеком еще со времен

Аристотеля для упорядочения знаний об объекте), а являются равноправными членами. Таким образом, категория аспектуальности представлена в языковом сознании человека не как полевая структура, а как набор дифференциальных признаков, которые в речевой деятельности могут давать самые разные объединения. Это позволяет говорить о том, что *категория аспектуальности* являет собой *набор девяти концептов-примитивов* (единичность, длительность, начало, продолжение, конец, результативность, повторяемость, степень проявления, соотношение с нормой), служащих для *модификации ситуации и передающихся в языке тремя типами фреймов: поверхностным синтаксическим, поверхностным семантическим и тематическим, – осмысление которых происходит с помощью трех когнитивных моделей: пропозициональной, образно-схематической, метафорической.*

В основу данного когнитивного исследования - описания категории аспектуальности – была положена теория фреймов М.Минского [Минский 1979] и теория идеализированной когнитивной модели (ИКМ) Дж.Лакоффа [Лакофф 2004].

Проведенное исследование позволяет утверждать, что выделяемые концепты являются *концептами-примитивами*, потому что, во-первых, они обозначают не ситуацию, а лишь ее характеристизаторов, во-вторых, они обладают свойством семантических примитивов, выделяемых А.Вежицкой [Вежицкая 1996, 1999], обозначаются абстрактными словами. Но в отличие от семантических примитивов, где семантический примитив это слово, они обладают иным планом выражения – от слова до текста. Таким образом, можно говорить о том, что базовый уровень сознания включает разноплановые единицы от слова до текста.

Использование пропозиционального критерия позволило по-новому взглянуть на традиционную и общепринятую точку зрения об организации категории аспектуальности, а именно расширить представление о сфере ее существования. Этот критерий позволил ввести в сферу аспектуальности, помимо поверхностного синтаксического фрейма, являющегося традиционным объектом исследования (предложения, где средства передачи аффиксы, наречия, предложно-падежные сочетания, корневые выразители), и прагматический аспект, и вторичную аспектуальность, а также и особые текстовые образования, передаваемые поверхностным семантическим фреймом, тематическим фреймом.

Последовательное использование пропозиционального критерия позволило по-иному взглянуть на связь между категорией вида и категорией аспектуальности. Когнитивный подход дал возможность увидеть, что традиционная аспектология, есть объединение двух совершенно разнородных явлений: аспектуальности и грамматического значения вида. Аспектуаль-

ность – это определенный набор концептов-примитивов. Значение вида – это характеристика пропозиции, предиката, суть которой заключается в определенной маркированности по параметру предельность / неопределенность. А у предельных пропозиций, предикатов – достижения / недостижения ими предела.

Исследование показало, что категория аспектуальности состоит из девяти концептов, что соответствует требованиям оперативной памяти человека, и поэтому человек так легко ими оперирует.

Дискурсивная часть исследования строилась таким образом, что материалы разных веков исследовались отдельно. Это можно объяснить рабочей гипотезой, заключающейся в том, что каждая языковая эпоха обладает своим собственным дискурсом. Так как наша задача – исследование категории аспектуальности, то сопоставление результатов анализа материалов XIX и XX вв. позволят увидеть, с одной стороны, то общее, что имеется в передаче категории аспектуальности, а с другой стороны, детально распознать имеющиеся функциональные⁸ расхождения, наблюдаемые в разные временные периоды. Таким образом, можно сказать, что нами описаны два самостоятельных дискурса – XIX и XX веков.

Сопоставительный анализ дискурсов второй половины XIX и XX вв. позволил увидеть динамику развития языкового сознания человека.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в период со второй половины XIX в. по конец XX в. наблюдалась эволюция человеческой когниции при передаче категории аспектуальности. Это наблюдалось в увеличении как количества ИКМ, так и фреймов, задействованных в передаче исследуемой категории.

В современном дискурсе категория аспектуальности передается тремя ИКМ: пропозициональной (*очень худой*), образно-схематической (*худой, как щепка*), метафорической (*пещерно худ*). В XX веке метафорическая ИКМ стала одним из достаточно продуктивных способов передачи (*Море было сонно К.Паустовский; Ночь густела... М.Булгаков; ... преступно добр... Б.Пастернак*).

В дискурсе второй половины XIX века категория аспектуальности передается только двумя ИКМ: пропозициональной (*У меня сердце сильно билось ... И.А.Гончаров*), образно-схематической (*Я спал мертвым сном... В.М.Гаршин*).

В современном дискурсе категория аспектуальности передается тремя типами фреймов: поверхностным синтаксическим, поверхностным семантическим и тематическим. Наиболее продуктивным является поверхностный синтаксический фрейм, который участвует в передаче всех концептов. Здесь кажется важным подчеркнуть, что поверхностный синтаксический фрейм в традиционной лингвистике соотносится с понятием предложения, а тематический и поверхностный семантический фреймы - с определенными текстовыми образо-

ваниями: сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство.

Тематический фрейм участвует в передаче пяти концептов: *степень проявления, единичность, длительность, начало, повторяемость*, вариант *итеративность*. Проанализируем пример такого фрейма:

*Однажды после обеда, когда был в бильярдной, позвали к телефону, он оторвался от стола с неохотой, даже позволил ударить партнеру, сам внимательно прицелился и ударил, после этого пошел, не торопясь в вестибюль, где был телефон. Не ждал ни важных звонков, ни радостных новостей. Вдруг внезапный, как выстрел, голос: «Ты когда будешь в Москве?» Не было ни «здравствуй», ни «куда ты пропал?». Он сказал: собирался быть завтра. Не собирался. Но так сказа, Наступило молчание, и у него вырвалось: «Могу сегодня. Вечерней электричкой. Двадцать два тридцать». – «Приезжай! Мне надо с тобой поговорить» (Ю. Трифонов «Время и место»). В этом тексте посредством перечисления большого количества пропозиций (более 10) передается детальная информация о ситуации сообщения уникального, случившегося когда-то, важного для героя события – звонке любимого человека. Наречие *однажды* выполняет текстообразующую роль, оно соединяет все происходящее в единый смысловой фрагмент.*

Поверхностный семантический фрейм передает только один концепт - *степень проявления*. Проанализируем пример такого фрейма:

На реку было больно смотреть. Она отливала на солнце, взгибаясь и выгибаясь, как лист железа (Б. Пастернак «Доктор Живаго»). В этом тексте второе высказывание определяет степень интенсивности признака, представленного в первом высказывании. Это происходит путем введения формально не выраженной причинно-следственной пропозиции (*Почему на реку было больно смотреть? Потому что река блестела очень интенсивно*).

Количество же фреймов, участвующих в передаче категории аспектуальности в дискурсе второй половины XIX в., также меньше – это поверхностный синтаксический фрейм и тематический фрейм. Поверхностный синтаксический фрейм участвует в передаче всех концептов. Тематический фрейм – в передаче концептов *единичность, повторяемость, вариант итеративность*.

Подводя итоги всему вышесказанному, хочется подчеркнуть, что когнитивно-дискурсивная парадигма знания позволила интегрировать разноуровневые и разноструктурные средства и способы передачи категории аспектуальности в единую систему, в которой объект, привлекающий внимание ученых более двух веков (это характеристики «внутреннего времени»), не только не исчез за огромным количеством средств передачи, а напротив, «высветился» новыми гранями. Это позволяет сделать вывод о том, что когнитивно-дискурсивная парадигма знания имеет большие перспективы использования в современной лингвистике.

Литература:

1. Апресян Ю.Д. Об одном правиле сложения лексических значений // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972. – с.439-458.
2. Арупонова Н.Д. Семантическое согласование и интерпретация предложения // Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. М., 1974. – с. 158-171.
3. Арупонова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. – с.136 – 137.
4. Белошапкова В.А. Современный русский язык: Учебник для филологических специальностей университетов. – 2-е изд., испр. и доп., М., 1989. – 800 с.
5. Белошапкова В.А., Шмелева Т.В. Деривационная парадигма предложения // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1981., №2, с. 43 – 51.
6. Белошапкова Т.В. Аспектуальная парадигма простого предложения // Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. М., 2001. – с.20 – 30.
7. Белошапкова Т.В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке. М., 2007. – 336 с.
8. Богданов В.В. Текст и текстовое общение. СПб., 1993. – 67с
9. Бондарко А.В. О возможных подходах к изучению видовой семантики // Семантика и структура славянского вида – вып.1. –Краков, 1995. – с. 27-42.
10. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.- 220 с.
11. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М., 2001. – 208 с.
12. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М. 2002. – 736 с.
13. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л-д., 1987. – 348 с.
14. Борисова Е.Г. Прагматические аспекты употребления видовых форм // Русский глагольный вид в прикладных исследованиях. М., 1994. – с.69 – 75.
15. Борисова Е.Г. Проблема выбора вида (прагматическая точка зрения) // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Т.3. М., 1997. – с.18 – 26.
16. Борисова Е.Г. Частновидовые значения и практические правила употребления видов русского глагола // Типология вида: проблемы, поиски решения: (Материалы Международной научной конференции, 16 – 19 сентября г., МГУ им. М.В.Ломоносова). М., 1998. – с.80 – 87.
17. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.- 576 с.
18. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. – 776 с.
19. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. – 416 с.
20. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972. – 614 с.
21. Гак В.Г. К проблеме синтаксической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. И., 1972. – с. 367 – 395.
22. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998. – 763 с.
23. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. – 217 с.
24. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. – М., 1982. – 153 с.
25. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. - № 4. – с.17 – 33.
26. Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М., 2000. – с. 26-136.

27. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. СПб, 1999. – 284 с.
28. Исаченко А.В. Грамматический строй современного русского языка в сопоставлении со словачским. Морфология. Ч.11. – Братислава, 1960. – 577 с.
29. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004. – 656 с.
30. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М., 2000. – с.7–25.
31. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка. Т.63. 2004а. №3. – с. 3 – 12.
32. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. – 560 с.
33. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004. – 792 с.
34. Лейчик В.М. Дискурс – речь – текст // М.В.Ломоносов и развитие русской риторики. М., 2004. – с.106 – 110.
35. Ломов А.М. Типология русского предложения. Воронеж. 1994. – 277 с.
36. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003. – 280 с.
37. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // Изв. АН СССР, серия литературы и языка. – 1948. - №4. – с.303-316.
38. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980. – 296 с.
39. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М., 1979. – 151 с.
40. Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000. – 680 с.
41. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912. – 322 с.
42. Падучева Е.В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М., 1996. – 464 с.
43. Плуныян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000. – 384 с.
44. Русская грамматика. – Т.1. М., 1980. – 783 с.
45. Рянская Э.М. Способы действия в когнитивном аспекте. СПб., 2002. – 198с.
46. Телин Н.Б. Вид и способ действия в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. вып.ХУ. с.250-261.
47. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис.М., 1986. – 220 с.
48. Фрумкина Р.М. “Теории среднего уровня” в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. № 2. – с. 55 – 67.
49. Хонг Тэк-Гю. Русский глагольный вид сквозь призму теории речевых актов. М., 2003. – 448 с.
50. Черткова М.Ю. Ответы на вопросы аспектологической анкеты филологического факультета МГУ // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Т.2. М., 1997. – с.140 – 228.
51. Шатуновский 1992 Шатуновский И.Б. Семантика вида: к проблеме инварианта // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992. с.55-70.
52. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. М., 1996. – 400 с.
53. Шелякин М.А. Вид // Энциклопедия русский язык. М., 1997. – с. 65.
54. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983. – 216 с.
55. Юрченко В.С. Предложение и слово (проблемы их соотношения) // Филологические науки. 1996. №2. – с. 50 –60.

Примечания:

¹ А.В.Таппе, А.В.Болдырев, Н.И.Греч выделяли четыре признака, Лангельшейд, А Чаплин,

Г.Павский, К.С.Аксаков, А.А.Потебня – три признака, Ф.И.Буслаев в разные периоды выделял то три, то четыре признака, А.С.Будилович и М.Крыгин выделяли пять признаков – подробнее см. [Виноградов 1972].

² 1. Законченность действия (Ф. Миклошич, В.А.Богородицкий); 2. Предельность действия (Р.О.Якобсон, В.В.Виноградов, Н.С.Авилова, Е.А.Земская, М.В.Панов, А.Н.Тихонов); 3. Результативность действия (С.О.Карцевский, И.П.Мучник); 4. Точность, непротяженность действия (А.Бругман, А.Мейе, А.Мазон, А.М.Пешковский); 5. Целостность действия (А.П.Размунсен, Ф.де Соссюр, А.Достал, Р.Ружичка, Ю.С.Маслов, А.В.Бондарко) – подробнее см.: [Гловинская 1982].

³ Подробнее о видовых парах см. [Черткова 1996].

⁴ В.А.Плунгян отмечает, что эта теория была выдвинута в конце 70-х гг. американским типологом П. Хоппером. «Сторонники этого похода рассматривают аспект как прежде всего прагматическую категорию, обращая основное внимание на его модальные и коммуникативные употребления – в частности, на то, что перфективные граммы могут использоваться для обозначения основной линии повествования, «продвижения действия», а имперфективные граммы – для обозначения фоновых ситуаций, отступлений от основного действия и т.п.» ([Плунгян 2000: 328].

⁵ Изначально, когда весь объект рассматривался как категория вида, господствовало широкое понимание аспектуальности. Так, Д.Н.Овсяннико-Куликовский писал: «Видами называются глагольные формы, изображающие действия (состояния) с их качественной стороны, по признакам длительности, медленности, скорости, мгновенности, повторяемости и т.д.» ([Овсяннико-Куликовский 1912: 143].

⁶ Подробнее см. [Лейчик 2004].

⁷ Подобную мысль высказывали А.М.Ломов [Ломов 1994], Р.М.Фрумкина [Фрумкина 1996].

⁸ Термин «функциональный» используется здесь в значении «употребление», который понимается как «обычай, принятая практика, мода или манера. Употребление может быть местным или всеобщим, устаревшим или современным, деревенским или городским, вульгарным или академическим» [Демянков 2000: 58].

Отторжение риторического слова у Достоевского

Отношение русской литературы к риторическому слову никогда не было простым и однозначным. Однако если риторическая «украшенность», «плетение словес», орнаментальность временами становились для нее формами осуществления художественности, то риторика как техника убеждения чаще всего осознавалась чуждой естественному, творческому, познающему слову. Не случайно М.М.Бахтин пишет о том, что «слово не знает, кому оно служит, оно приходит из мрака и не знает своих корней», что «его серьезность связана со страхом и с насилием» [1:67]. Обостренное восприятие проблемы риторики возникает, с одной стороны, из ощущения несвободы художника от риторических стратегий и стереотипов и стремления очистить свое слово от омертвевшей риторической «коры», а с другой стороны, из соблазна воспользоваться «учительными» возможностями литературы.

Русские писатели XIX века вольно или невольно «сбивались» на риторику, прежде всего там, где обращались к публицистическому и «учительному» слову (Гоголь в «Выбранных местах», Достоевский в «Дневнике писателя», см. [4]), и в то же время боролись с риторикой в литературе. Риторике как насилию над человеком, как инструменту подавления индивидуальной мысли объявлял войну Белинский [2], она предстала ярким предметом иронии у Гончарова в «Обыкновенной истории». В творчестве Достоевского в этом отношении особенно показателен переходный период, сразу после каторги, когда в процессе выработки нового авторского стиля формировалось отношение к риторике, к риторическому слову, определившее особенности поэтики писателя, его художественной техники более позднего времени.

Место семипалатинских повестей «Село Степанчиково и его обитатели» и «Дядюшкин сон» (1858-1859) в творческой эволюции Достоевского уникально. Можно считать, что «Село Степанчиково и его обитатели» и «Дя-

* Векшина Анастасия (РГТУ)

дюшкин сон» (далее – СС и ДС), созданные в рамках задуманного Достоевским большого комического романа (который так и не был написан), воплощают общий замысел, восходят к единому имплицитному прототексту. Эти повести знаменуют собой важнейший этап спора Достоевского с Гоголем, попытку избавления от власти гоголевского авторитета, стиля. Обе повести, каждая по-своему, стилистически ориентированы на гоголевские приемы, на гоголевские тексты (ДС – на «Ревизора», СС – на «Выбранные места»). Но задача пародийной техники повестей гораздо шире карикатуры на Гоголя, объектом художественного эксперимента Достоевского оказываются красноречие и риторика как таковые. Риторика в своей комической ипостаси становится стержнем двух повестей Достоевского, важнейшим предметом изображения и одновременно художественным средством.

На стилистическом уровне комическое красноречие, комическая риторика в повестях выражаются в технике профанирования риторического слова, стилистических пародийных приемах, направленных на семантическое снижение риторических форм, на разрушение речевых формул и клише.

Устойчивые выражения, тропы, высокая лексика, общие места и литературные штампы в речи персонажей становятся для Достоевского объектом пародии, иронии. В результате происходит деформация, разрушение риторического слова. Достоевский достигает комического эффекта, «объективируя» риторическое слово, «отчуждая» его.

Первый прием комической риторики, на котором мы остановимся подробно, – семантико-стилистический контраст, парадокс. Он создается средствами всех языковых уровней – лексическими, семантическими, синтаксическими – в результате нарушения стилистического равновесия между этими уровнями.

Так, в случае лексического контраста в качестве «высокого» материала могут выступать, например, старославянизмы, поэтизмы, архаизмы, иностранные «экзотизмы», в качестве «низкого» – разговорная лексика, «сочные» русские словечки. Например: «Болван! аллегории не понимает!» – упрекает Марья Александровна своего мужа. Ср. в суждениях полковника о литературе: «Ухват-то выходит, по-ученому, не ухват, а эмблема или мифология, что ли, какая-то». Или в речи Видоплясова, составленной из самых разноуровневых стилистических элементов: «Матрена истинная дура-с, и, бымши истинная дура-с, притом же невоздержная характером женщина, через нее я таким манером-с пошел жизнь мою претерпевать-с». Здесь, кроме стилистически контрастных *дура, бымши*¹ и *-с* (здесь и далее курсив мой – А.В.) можно усмотреть пародию на вычурный архаичный книжный стиль и одновременно на «лакейское» подражание ему, отчасти на псевдобиблейский стиль (*предузнал*).

Другой пример лексико-семантического контраста – из речи Бахчеева: «Я, матушка, лучше уж на большой дороге помру! Прощай, мадам, коман-ву-порте-ву²!». Здесь французское выражение утрачивает свое референциальное значение, не несет никакой фактической информации и употреблено как самодовлеющий знак риторически украшенной речи, возможно, с учетом созвучия, для рифмы (*помру – коман-ву-порте-ву*), и, конечно, не для того, чтобы узнать, как у «мадам» дела. Можно сказать, что оно выполняет функцию междометия, заполняющего определенную ритмико-синтаксическую позицию в структуре фразы. С другой стороны, это «как дела» не предполагает ответа – но ведь и на «своем» месте, в начале разговора, оно скорее формально, занимает обязательную позицию в обязательном диалоге, это формула вежливости, учтивости, своего рода общее место. Получается, что Бахчеев ничего не искажает, а только обнаруживает своим порядком слов и без того очевидную бессмыслицу. Кроме того, Бахчеев, скорее всего, не знает французского (его французские выражения даны, в отличие от выражений других персонажей, в русской транслитерации), и уж точно не жалуется на него: «Да на что и нашему-то брату знать по-французски, на что? С барышнями в мазурке лимонничать, с чужими женами апельсинничать? разврат – больше ничего! А по-моему, графин водки выпил – вот и заговорил на всех языках». Так что французский в его устах звучит почти как ругательство. В последнем примере *лимонничать* и *апельсинничать* – глаголы с семантически «пустыми» корнями, у которых значима только словообразовательная форма. В то же время, эти корни здесь не случайны: *лимоны* и *апельсины* в контексте любовных похощений входят в «корпус» социокультурных и речевых романтических штампов³.

Таковыми же «высокими» словами и понятиями в речи Бахчеева представляются романтические «амуры» и «купидоны»: «Устарел я, мадам, чтоб ко мне с амурами подъезжать», «сызмалетства на купидоне помешана! Вот и довел ее теперь купидон до последней точки». *Амуры с купидонами*, употребленные в негативном значении, тоже почти как ругательства, соседствуя в речи Бахчеева *не надуешь* и *подъезжать*, тоже приобретают разговорную окраску. Это эвфемизмы и пародия на романтические клише – а значит, и представления, и тип поведения (в данном случае, Татьяны Ивановны).

Случаи такого рода встречаются и у «главного ученого» в повести – у Фомы Фомича. Например: «Ученый! – завопил Фома, – так это он-то ученый? *Либерте-эгалите-фратерните!* *Журналь де деба!* Нет, брат, врешь! в Саксонии не была! Здесь не Петербург, не надуешь! Да плевать мне на твой *де деба!* У тебя *де деба*, а по-нашему выходит: "Нет, брат, слаба!" Красно-речие Фомы становится поэтизированным в прямом смысле (*де деба – не была – слаба*). Он, как и Бахчеев, как и дворовые, придумывающие рифмованные прозвища на псевдонимы Видоплясова (вроде *Уланов – Болванов*),

сопоставляет слова и понятия из сфер иностранного, «научного» и «высокого» (*Либерте-эгалите-фратерните, Журналь де деба, Саксония, Петербург*) с просторечными, грубыми (*слаба, не надуешь, плевать*), создавая таким образом смысловую (семантико-стилистический, а также фоностиллистический) противовес «высоким» или «научным» понятиям. Для аргументации Опискин неожиданно перенимает точку зрения и, соответственно, словесный инструментарий «неученого», «народного» мнения, пытаясь этим опровергнуть «мнимые ценности». Французские слова у него не обесмысливаются до междометий, как у Бахчеева; здесь это скорее общие места, знаковые понятия с устойчивыми коннотациями, за ними стоят определенные ценности (европейский либерализм), которые Фома и пытается девальвировать с помощью своих риторических стилистических приемов.

Диссонанс, семантический контраст в речи персонажей может возникать также из-за конфликта синтаксиса и лексической семантики. Ср. пример из ДС: «Афанасий Матвеч! Неужели вы не слышите, как нас срамят и бесчестят? Или вы уже совершенно избавили себя от всяких обязанностей? Или вы и в самом деле не отец семейства, а отвратительный деревянный столб? Что вы глазами-то хлопаете? Другой муж *давно бы уже кровью смыл обиду* своего семейства!». С одной стороны – нагнетающие риторические вопросы, анафоры (*или вы*), с другой – *деревянный столб* и просторечное *давно бы уже*, которое никак не сочетается с книжно-высоким *кровью смыл обиду*, дают одновременно и лексический, и синтаксический контраст. Кроме того, нарушается прагматика диалога: получается, как будто Москалева действительно требует от своего мужа крови – эффект возвращения к прямому значению слов, «физиологизации» устойчивого риторического образа.

Тот же прием соединения противоположно окрашенных синтаксиса и лексики встречаем и у других персонажей. Ярким примером служит речь слуги Бахчеева, который, употребляя подобающую в обращении к барину синтаксическую форму, сохраняет при этом «родную» разговорную лексику: «Да чего вы взъедаться в самом деле изволите?» и «Да что вы, сударь, в самом деле, пристали? Отстаньте, пожалуйста!» (хотя, по всей видимости, этот же стилистический слой – «родной» и для Бахчеева).

Кроме того, часто в синтаксической форме риторических вопросов и восклицаний выражается еще один стилистико-синтаксический прием. Он заключается в том, что речевые и литературные штампы, клише или отдельные слова употребляются с несвойственной им точки зрения, причем нарушается прагматическая конвенция диалога и возникает эффект отчуждения, объективации – основа для пародии и комического в данном случае. Например, такой эффект объективации создается с помощью отрицания: «припомнился ему прощальный взгляд ее, далеко *не выражавший*

затаенной страстной любви). Или в форме допроса: «Ты прекрасен? Отвечай: ты прекрасен?». Или: «Ну, не чувствуете ли вы теперь, что у вас вдруг стало легче на сердце, как будто в душу к вам слетел ангел?.. Чувствуете ли вы присутствие этого ангела?.. отвечайте мне!». Фома как будто рассчитывает на свои риторические по сути вопросы получить немедленный ответ и ждет, что метафоры воплотятся дословно, требует этого: «вы бы должны были ... испустить ручьи... что я говорю! реки, озера, моря, океаны слез!...». В последнем примере – подобие катахрезы, где граница между намеренно создаваемым эффектом и речевым ляпсусом, возникшим в результате механического объединения тропов, очень зыбкая. Так, Фома объединяет в один риторический образ искаженное церковно-риторическое «испустить источники слез» и возрастающую градацию (*реки, озера, моря, океаны*).

Другой пародийный прием – стилистическая перифраза – встречается, как правило, в диалоге и отражает конфликт точек зрения и «индивидуальных языков» героев. Реальные человеческие чувства не выражаются в застывших риторических формах, и конфликт дискурсов полковника и Фомы доказывает это, в частности, с помощью профанирующей перифразы: «Как будто сердце ваше после того, как вы победили себя, так сказать, *окунулось в каком-то елее?* – Да, Фома, действительно, как будто *по маслу пошло*). Деметафоризации не происходит, но полковник «перекодирует» риторiku на свой лад, переводит на понятный ему язык.

Перифраза может разворачиваться на протяжении всего диалога; она возникает в результате непонимания собеседниками друг друга (как в случае с елеем и маслом) или нежелания говорить на языке собеседника, и тогда она указывает на отторжение риторического слова, опять же, путем его отстранения, объективации. Например, Фома говорит: «Завтра же я отрясу прах с моих сапогов на пороге этого дома», а полковник, подсознательно сопротивляясь риторической искусственности, отвечает ему: «Нечего говорить про прах и про сапоги, Фома!». Таким образом «заклинательная», магическая сила риторического слова «подрывается», риторический образ лишается своей целостности и потому обесмысливается, оборачивается пародией. Как и в случае нарушения прагматики диалога, перифраза способствует объективации риторического клише, общего места, дает возможность взглянуть на него «со стороны». Ср. диалог Москалевой и Зины в ДС: «...Бог видит, какими горькими слезами обливала я подушку мою!...» – «Очень понадобилась тут ваша подушка, ...нельзя без декламаций да вывертов!» – отвечает Зина. Или в случае с риторическим вопросом (который, впрочем, из-за частого буквального понимания персонажами перестает быть риторическим и потому получает парадоксальный, комический ответ): «Вы защитите ее от обиды, князь? Ваша *шпага блеснет в глаза клеветнику или дерзкому*, который осмелится обидеть мою Зину?» – «Ну да, блеснет...» –

князь обличает формальность, «небытие» этой шпаги. Для достижения перифрастического эффекта состав устойчивого риторического словосочетания не обязательно нарушается, не обязательно сильно изменяется и контекст: иногда может быть достаточно едва уловимой смены акцентов, простого повторения фразы, как, например, в диалоге, опять же, полковника и Фомы: «Говорю это, испуская сердечный вопль, а не торжествуя, не возносясь над вами, как вы, может быть, думаете». – «Но я и сам испускаю сердечный вопль, Фома, уверяю тебя...». Тынянов называет этот прием «механизацией через повторение» [5:225].

Перифраза направлена на снижение и «овеществление» метафор и «штампованных» образов, обнаруживает их «окаменелость», чуждость живым эмоциям и выполняет профанирующую функцию.

Возможно, психологически именно из противостояния мертвых словесных форм и живых эмоций рождается один из самых важных приемов комической стилистики повестей – частный случай разрушения тропа, который можно назвать приемом «физиологизации» семантики. Этот прием «встраивается» в общую линию, задаваемую перифразами, нарушениями прагматики, семантико-стилистическим контрастом, – он так же покушается на «высокие» позиции риторического слова. Разрушение тропа путем «физиологизации» его семантики осуществляется разными путями, но функционально всегда связано с овеществлением его значения, трансформацией от абстрактного к конкретному, при том что исходное движение семантических преобразований имеет противоположную направленность.

Физиологизация тропа (в основном, метафоры) возникает как результат буквального понимания риторической/поэтической условности – ср.: *обида была кровавая* вместо *кровная* (здесь – физиологизация путем паронимической подмены) – и, как правило, на основе так называемой телесной метафоры⁴, ср.: *ты растерзал мои внутренности* вместо *терзать сердце, разбить сердце* или *открою ему... всю внутренность* вместо *открою сердце*. Фома стремится сделать метафору более наглядной, «усовершенствовать» ее, «развить», добавляя физиологические подробности, избыточные с точки зрения целостности устойчивого риторического образа, общего места. В результате риторические фигуры в его употреблении оборачиваются плеоназмом. Так, из стандартного *рвать на себе волосы* у него получается *вырвать с корнем волосы из головы своей* – подобие катахрезы, возникшей в результате механического объединения тропов.

Та же физиологическая сторона не раз обыгрывается в тексте повестей с помощью телесной метонимии и синекдохи. Так, Фома хвалится своим глазом («Есть же что-нибудь в этом сером глазе, что отличает меня от какого-нибудь Фалалея. Это мысль, это жизнь, это ум в этом глазе!»), грозит своей ногой («Дай мне эти миллионы, чтоб я притоптал их моими ногами; эта

самая нога ... растопчет, загрязнит, раздавит эти билеты»). В речи Фомы метонимия – проявление самообожания, выражающегося в «фетишизации» частей собственного тела: «И какое кому дело до правого уха Фомы!».

Пародийному переосмыслению речевых и ментальных клише в случаях с метонимией и синекдохой способствуют и смена говорящего, позиции наблюдателя, объективация, отстранение. Например, как говорит рассказчик о генеральше в ДС: «Она говорила, что ... *нога* ее никогда-никогда не будет в доме его! Вообще слово *нога*, употребленное в этом смысле, произносится с необыкновенным эффектом иными барынями. Генеральша мастерски, художественно произносила его...».

Физиологизация семантики, как в случае со снижением метафоры, так и в случаях с перифразой и отчасти стилистико-семантическим контрастом, органично встраивается в контекст общей пародийной стилистики повестей. Достаточно вспомнить разваливающегося на глазах князя в «Дядюшкином сне», целиком состоящего из протезов и накладок, рассказывающего в подробностях про свой геморрой; и искусственную бороду кучера Феофила (ради которой ему сбрили настоящую, которая была в два раза больше); и немецкую игрушку с отколотым носом, которую привозит в подарок Бахчев. Как тело человека распадается на части, так и риторика разнимается на составляющие – внешнее выражение и содержание. Но если «содержание» старого князя, то, что остается за вычетом всех его накладок и протезов, человечно и трагично, то «остаток» риторики, то, что остается после развенчания риторического слова, как правило, ничтожен и комичен. С этим связаны и стилистические контрасты в языке повестей, прежде всего контрасты между «человеческой» и условно-риторической речью персонажей.

Конечно, телесные метафоры, метонимии, физиологизация в исследуемых повестях Достоевского возникают не случайно и во многом восходят к гоголевскому «Носу», вещным и словесным «маскам» гоголевских персонажей, о которых пишет Тынянов в классической работе «Достоевский и Гоголь. К теории пародии» [5:200-211]. Однако важно, что Достоевский полемизирует со своим «учителем», обнаруживая в «разваливающихся» телах не гоголевскую реальность пустоты, а живую искаленную душу и трагическую судьбу.

Еще одним приемом комического красноречия и пародийной риторики становится у Достоевского нанизывание риторических фигур, приводящее к плеоназму. Особенно часто это встречается в речи Фомы. Риторические образы, используемые Фомой для усиления выразительности и наглядности, так нелепо нагромождаются, что его «красноречие ради красноречия» выводит речь за пределы всякой логики. Фома как будто находится под влиянием риторической «неумности» «плетения словес» с его стремлением подобрать целый ряд ярких синонимов, сравнений, торжественных мелиора-

тивов и гневных пейоративов: «Зачем же вы таинственно *сплетали мне эти сети*, в которые я попал, как дурак? Зачем же во мраке пбыштгсОз Орввду волчьёу яму, в которую теперь вы сами толкнули меня? Зачем не *поразили* вы меня разом, еще прежде, одним ударом *этой дубины*? Зачем в самом начале не *свернули вы мне головы*, как *какому-нибудь петуху*, за то... ну, хоть, например, только за то, что он не несет яиц?» Эффект многословия поддерживается не только нагромождением риторических образов, но и повторением неопределенных местоимений, заменяющих эпитеты. Ср. далее: «Благороднейшими чувствами моими вы играли, как *какой-нибудь* мальчишка в *какую-нибудь* свайку!» Свободные позиции в риторической речи должны быть заполнены, поэтому появляется «безразличный эпитет», по терминологии О.М.Брика [3:33-39].

Другой стилевой регистр, в большей степени просторечный и по отношению к риторике и идеологии Фомы «оппозиционный», выступает на первый план в длинных монологах Бахчиева: «И уж как начнет ученым своим языком *колотить*, так уж та-та-та! та-та-та! то есть такой, я вам скажу, болтливый язык, что *отрезать его да выбросить на навозную кучу*, так он и там будет болтать, все *будет болтать, пока ворона не склюет*. Зазнался, надулся, как *мышь на крупу*! Ведь уж туда теперь *лезет, куда и голова его не пролезет*». Вместо библейских *иудиных сребреников* и книжного *кайенского перца* Фомы – *навозная куча и мышь на крупу*, но принцип нанизывания риторических образов, по сути, тот же.

Избыточная образность речи свойственна и Марье Александровне из ДС, ср.: «Ведь это только *одна выставка своих небывалых достоинств, своих благородных чувств, одна комедия, одна наружная золотая кора*. Приподымите эту кору, и вы увидите *целый ад под цветами, целое осиное гнездо*, где вас съедят и косточек не оставят!» Повторяющиеся элементы, хотя и не несут почти никакого смысла, ритмически связывают логически не связанные между собой образы, придают этому нанизыванию «заклинательный» характер.

Вообще, анафоры, повторы, перепевы играют заметную роль в речи персонажей, принимая самые разные формы, от повторения союзов до градации. Например: «Кричали, что это грешно, даже подло; что старик не в своем уме; что старика *обманули, надули, облапошили*». Или у Фомы: «дай мне их сперва, эти *деньги*, Гаврила! дай мне их! дай мне их! дай мне эти *миллионы*, чтоб я *притоптал их* моими ногами, дай, чтоб я *разорвал их, оплевал их, разбросал их, осквернил их, обесчестил их!*...». Здесь повтор тоже устроен по принципу возрастающей градации, и в случае с *деньгами – миллионами*, и в случае с *разорвал – ...обесчестил*.

Объектом пародийного осмысления Достоевского и в СС, и в ДС становятся и жанры риторической речи (проповедь, судебная речь). В качестве

примера можно привести обвинительную/оправдательную речь «первой дамы Мордасова», построенную по всем законам ораторского искусства. Героиня ставит риторические вопросы: «За что вы все на нее нападаете? Она молода и любит наряды, — за это, что ли?» — хотя никто в данный момент ни на кого не нападает, так что сам вопрос служит отправной точкой для обвинения. Москалева сама же отвечает на с на своисы»: «Но, по -моему, уж лучше наряды, чем что-нибудь другое, вот как Наталья Дмитриевна, которая — такое любит, что и сказать нельзя». Под удар заодно попадают и другие персонажи, как бы мимоходом, случайно упомянутые. Это своего рода адвокатская речь, но предметом ее становятся провинциальные сплетни, и «высокая» форма монолога снижается его комическим, несоответствующим содержанием.

Так Достоевский «отчуждает» риторическое слово, ставя его в непривычный контекст, подрывает его магическую, «заклинательную» силу, разрушая его состав и сталкивая со стилистически «враждебными» элементами, нарушая прагматику и логику риторического высказывания. В речи персонажей Достоевский обнаруживает абсурдность риторической формульности по отношению к живому языку, живым эмоциям, естественной «человеческой» логике.

В то же время осмысление риторического слова в этих повестях никак нельзя свести к сатире или карикатуре; Достоевский обыгрывает речевые стереотипы, играет со словом, демонстрируя его под непривычным углом зрения. Тот эксперимент, который проводит Достоевский со словом, можно охарактеризовать словами Б.М. Эйхенбаума (хотя и сказанными совсем не о Достоевском, а о стихах): «Чтобы прослышать смысловые тембры слов, надо поставить слова рядом, но так, чтобы они оставались выделенными. (...) Чтобы сделать слово вещью (а в этом - все дело литературы), надо поместить его так, как помещают вещи на выставке» [6:42]. Именно так, на наш взгляд, и подходит Достоевский к слову — «выставляет» его, дает возможность взглянуть на него со всех сторон, актуализирует все его семантические и стилистические регистры, заставляет их «работать».

Примечания:

¹ *Бымиши* — искаженное разговорное *бывши*, характерное именно для «высокого лакейского слога», сочетающего в себе подобострастие и самоуничижение с претензией на образованность и изысканность выражений. Так, по данным Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru/>), слово *бымиши* встречается только 6 раз, включая указанную цитату из «Села Степанчиково», в промежутке между 1851 и 1889гг, в художественной литературе (Герцен, Левитов, Лесков, Эртель), и всякий раз характеризует именно «лакейскую» речь. Ср.: «Мы тут, признаться, *сапожники*, свое мастерство открыли, потому как в Москве, у этого у самого

Пироне, первым мастером *бымши-с!*. *Нельзя-с.. Пожалуйте ручку-с.. Очень приятно!»* [А.И. Левитов. Бесприютный (1870)]. Или: «*Кляуза № 1. "Имею честь рабски доложить вашему высококородию, как будучи вашего высококородия по гроб верный слуга и как разрывается душа при беспорядках в здешней вотчине, что управитель Рахманный неизвестно зачем ездил на базар и, воротимшись столько пьяный, даже икал, и бымши выгашен под мышку, все видели и смеялись.»* [А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги (1889)]. В последнем примере наблюдается то же логико-синтаксическое нарушение. ср. *бымши выгашен + все видели и смеялись* и *бымши истинная дура + через нее ... пошел претерпевать*. Такие совпадения позволяют предположить, что *бымши* в сочетании с другими особенностями, «знаками» «лакейской» подобострастной и претенциозной речи воспроизводит картину определенного социального типа речи и сознания, общего для целой эпохи.

² как поживаете (франц.)

³ Ср. «Песнь Миньоны» Гете, где есть те же признаки романтического «идеального края» (locus amoenus) – лимоны, апельсины, мирты, голубое небо:

Kennst du das Land, wo die Zitronen bluhn,
Im dunkeln Laub die Goldorangen gluhn,
Ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht,
Die Myrte still und hoch der Lorbeer steht,
Kennst du es wohl?

(Goethe J.W. Wilhelm Meisters Lehrjahre/ Goethe J.W. Poetische Werke in drei Bänden. B. 2. Leipzig, 1970. S. 282.)

⁴ По Куршису – традиционная Körperpartietmetapher, телесная метафора. Например, «очи сердца», «колени сердца», «уши духа», «шея души» и т.п. См: Curtius, Ernst Robert. Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter. München, 1984. S. 112-115.

Список использованной литературы

1. Бахтин М.М. <Риторика, в меру своей лживости...>/ Бахтин М.М. Собр. соч. в 7 т. Т. 5. М., 2000.
2. Белинский В.Г. Общая риторика Н.Ф. Кошанского (Рецензия) / Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 8. М., 1955.
3. Брик О.М. «Ритм и синтаксис» (Материалы к изучению стихотворной речи)// Новый Лэф. №6. 1927.
4. Виноградов В.В. Проблема риторических форм в «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевского/ Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980.
5. Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) / Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
6. Эйхенбаум Б.М. Мой современник / Эйхенбаум Б.М. Мой современник. Маршрут в бессмертие. М., 2001.
7. Curtius, Ernst Robert. Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter. München, 1984.

Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская*

Народная литература современного восточнославянского порубежья и формы ее трансляции*

В последние годы в европейской и мировой гуманитаристике отмечается всё больший интерес к изучению особых межкультурных контактных зон, прежде всего пограничья. Пограничье — исторически сложившееся контактное пространство, в котором те или иные культурные явления, традиции, целые культуры приходят в наиболее тесную и непосредственную взаимосвязь, часто образуя некое новое качество, своего рода сплав, исследование которого даёт необычайно много для осмысления путей и механизмов исторического развития различных социальных сообществ и человечества в целом. Таким пограничьем в полной мере является и белорусско-российско-украинское, находящееся на стыке трёх государств — Беларуси, России и Украины.

Проблемы взаимодействия культур трёх восточнославянских народов — белорусского, русского и украинского, весьма мало изученные, а в значительной своей части не только не изученные, но и в полной мере не ставившиеся учёными вовсе, принадлежат ныне к одним из самых злободневных и важных в гуманитарных науках. Политические реалии нашего времени, ход государственного размежевания, образование трёх самостоятельных государств Беларуси, Украины и России в огромной степени актуализировали эту проблематику. Вместе с тем, нынешнее знание процесса культурного взаимодействия в среде восточнославянских народов, тем более касающееся

* *Лабынцев Юрий Андреевич* - доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Щавинская Лариса Львовна - кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

современности, мало походит даже на беглый схематический набросок. Если же речь вести о культуре не профессиональной, массовой, народной, то в этом случае положение ещё более усугубляется.

Начиная с 1970-х гг. группа московских ученых ведет постоянные экспедиционные исследования богатейшей книжно-литературной культуры местного населения, преимущественно белорусского, проживающего на обширных территориях Подляшья, Западного и Восточного Полесья. Это один из интереснейших историко-географических уголков Европы и, может быть, самый архаичный сегодня, а потому и наиболее притягательный для исследователей-гуманитариев всех специальностей регион мировой Славии. Одновременно — это многовековое пространство активного взаимодействия восточнославянских и западнославянских культур, прежде всего белорусской, польской, русской, украинской, а на самом севере Подляшья еще и литовской. Подляско-Полесский регион — выдающееся по своему значению культурное пограничье, которое существенно выделяется в масштабах европейского континента¹.

Наши экспедиции, проходившие в этих местах, были нацелены на сбор произведений народной книжно-литературной культуры, характеризующих прошлое и настоящее белорусского, русского и украинского этносов, с целью создания масштабной источниковой базы для проведения фундаментальных исследований и сохранения одной из богатейших частей восточнославянского культурного наследия, до сих пор малоизученной. Собранные в ходе экспедиций материалы, преимущественно разнообразные по своему техническому исполнению копии множества различных памятников народной письменности белорусско-российско-украинского пограничья, создают основу источниковой базы для проведения широкого комплекса теоретических исследований прошлого и настоящего народной литературной культуры белорусов, русских и украинцев. Эти материалы свидетельствуют о существовании общей восточнославянской культурной традиции в зоне многовекового взаимодействия всех трёх этносов; позволяют проследить развитие белорусской, русской и украинской народных литератур на крайних рубежах их географического схождения. Многообразие и многочисленность собранных текстов (от произведений древности до оригинальных сочинений, созданных в наши дни) подтверждают не только наличие достаточно полнокровной жизни народных литератур на этих территориях вплоть до современности, но и их дальнейшее успешное развитие и распространение, в том числе с использованием новейших средств коммуникации, включая электронно-сетевые.

Белорусско-российско-украинское пограничье имеет давние и весьма прочные традиции многоязычной восточнославянской народной книжности. Наши исследования, в том числе экспедиционные, показывают, что более

или менее устойчивое её бытование и распространение здесь можно зафиксировать уже в XVIII столетии, а само появление — значительно ранее. Вторая половина XIX в. позволяет уже говорить о массовости этого явления, каковой характер мы отмечаем и по сей день.

Классифицировать весь этот огромный литературный массив совсем не просто. Его составляют довольно многочисленные литургические памятники, представленные различными вариантами часто одного и того же произведения, но связанного своим происхождением с разными книжными традициями, порой и конфессиональными ориентациями. Ещё более значительна паралитургика, среди которой особо выделяются псалмы и канты, как идущие из веков, так и сочинённые только что, буквально в период работы наших экспедиций. К числу значительной в количественном отношении и одновременно потаённой литературы принадлежат различные сказания о чудесах, описания необычайных духовных явлений, видений, исцелений, собрания пророчеств и толкований. Очень популярны повсюду жития. Помимо написанных нашими современниками псалм, получивших широкую известность, распространяемых в сотнях, а возможно, и тысячах списков одного и того же произведения, существует довольно значительное число «стихов» и «стишков», как определяют их сами авторы, являющихся образцами народной лирики, служащих более всего интимному, внутреннему самовыражению, предназначенных для чтения немногими, а потому необычайно интересных для изучения народного мироощущения, порой отношения к отдельным особо значимым мировым или местным событиям, а также многого другого, например, представлений об этничности, ценностных ориентаций, поисков человеком сокровенного и т. д. К «чтению для немногих» относятся и всевозможные паломнические записки и различные дневники, чаще более похожие на местные летописи, порой церковные. Всё ещё встречаются как на отдельных листочках, так и в составе современных рукописных сборников, заговоры, которые иногда, правда очень и очень редко, целиком составляют их. Весьма различны по своему составу и происхождению различные травники, подчас напоминающие настоящие энциклопедии.

Довольно условно всю эту книжность можно разделить по вероисповедному признаку на четыре потока: православный, католический, униатский и протестантский. Последний связан почти исключительно с различными современными протестантскими группами, которые весьма активны и получают все большее распространение в Белоруссии и за ее пределами. Православный — унаследовал многое из самого далекого прошлого и довольно успешно развивается, выходя уже на новые уровни трансляции, вплоть до электронно-сетевых. Впрочем, электронно-сетевые технологии все активнее входят и в обиход представителей протестантских и католических направлений. Есть и еще один очень разнородный и не слишком обширный поток

народной книжности — внеконфессиональный самостоятельный, который с учетом предложенного нами условного деления можно назвать светским. Основные его языки: русский литературный, в том числе со значительными вкраплениями белорусизмов и полонизмов; белорусский литературный, с аналогичными вкраплениями, но уже русизмов и полонизмов, и такой же польский, в том числе насыщенный русизмами и белорусизмами.

В ходе последних экспедиций удалось проследить совершенно новые явления в среде народной книжности, которые можно определить как принципиально важные для её дальнейшего существования, коррелируемые с общими изменениями в мировой социальной среде, и, в частности, отметить усиление трансляционного обмена между различными этнокультурными и национальными группами, а также многовекторность его характера. При этом особенно заметен мощный поток подобного обмена, наметившийся уже в военные и послевоенные годы, идущий с запада на восток и в меньшей степени наоборот — с востока на запад. Особенно заметно это на примере многоязычной книги восточных славян «Богогласник».

В народном обиходе белорусского, украинского, а отчасти и русского населения нескольких стран Восточной Европы, преимущественно в крестьянской среде, до сих пор распространен литературный сборник, именуемый «Богогласником». История этой книги, насчитывающая несколько веков, изучена слабо, а её судьба в XX столетии и в наши дни неизвестна вовсе.

Состав «Богогласника» необычайно изменив, один и тот же текст весьма вариативен и даже общая структура сборника очень неоднородна. Совокупное число основных поэтических произведений, составляющих «Богогласник», учитывая все известные нам его сборники, насчитывает несколько сот без учета их вариантов, иногда исчисляемых многими десятками. Необходимо заметить при этом, что сами творцы, переписчики, читатели и исполнители «Богогласника», в зависимости от места, а иногда и времени, «преобразуют» его тексты то в песню, то в стих, то в песнопение, то в псалму / «сальму» и т. д. Нередок и обратный переход — от духовного стиха к песнопению «Богогласника». По сути подобные переходы, так сказать, традиционная особенность бытования произведений данного сборника. При этом границу здесь провести очень трудно, порой невозможно, но в конкретной среде в данный момент одно и то же произведение может иметь не только иное именование, но и некий жанрово-видовой и, конечно же, паралитургический статус. Явление это совершенно не изученное и даже пока не замеченное. Поэтому, чтобы яснее понять проблему, приведем пример из практики о. Александра Рождественского, составившего незадолго до начала Первой мировой войны для нужд Виленского Свято-Духовского православного братства свой «Богогласник». О нем он писал: «Соответственно указанной цели в состав настоящего Богогласника, кроме колядок, кантов,

духовных стихов и других религиозно-нравственных песнопений, внесены и некоторые церковные песнопения, более знакомые народу по своему содержанию и легкие по мелодии»²

Практически все известные нам рукописи «Богогласника», свыше 10 его типографских массовых изданий, а также несколько десятков воспроизведений с помощью различных видов множительной техники — многоязычны. Подобная интернационализация объясняется не только особым составом авторов «Богогласника», но в не меньшей степени национальной принадлежностью переписчиков, читателей и исполнителей. В течение длительного времени сам народ отбирал лучшее из того многообразия произведений духовной поэзии, которые создавались на просторах Восточной Славии. Ни один из восточнославянских языков, чаще их диалектов, при этом никогда не являлся серьезной преградой для восприятия подобных стихотворных сочинений в народной среде. Более того, вплоть до сегодняшнего дня, например, украиноязычные тексты «Богогласника» органично воспринимаются как его неотъемлемая составляющая часть и белорусами, и русскими, бытуют среди них наравне с прочими произведениями из корпуса этого сборника, написанными в разное время на трех основных восточнославянских языках; их диалектах, нередко со значительным добавлением церковной лексики; всевозможных вариантах церковнославянского языка.

В настоящий момент рукописные «Богогласники» существуют в форме довольно объемных (до нескольких сот страниц) сборников типа единого книжного кодекса (число подобных «Богогласников» исчисляется единицами); нескольких больших или одной большой тетради среднего или большого формата (таких «Богогласников», пожалуй, большинство в среде наиболее уважаемых исполнителей); нескольких или одной стандартной ученической тетради (число подобных «Богогласников» преобладает, это, так сказать, массовый тип); небольших блокнотов и записных книжек, число которых незначительно в силу неудобства их использования; различных листовок и листовок, встречающихся довольно редко.

Переписчиками песнопений «Богогласников» являются в основном женщины в возрасте от 30–40 лет и старше, среди которых существует даже определенная иерархия.

Репертуар переписываемых и бытующих ныне песнопений включает в основном тексты XX столетия, реже написанные в позапрошлом веке и в более раннее время, а также созданные уже в наши дни.

Основной язык песнопений — русский, являвшийся и остающийся на просторах Восточной Славии своего рода «окоლოსакральным», «языком православия»³. Существуют тексты, созданные на местных говорах, которые подвержены весьма заметному варьированию в отличие от более устойчивых русскоязычных текстов, до сих пор создаваемых православными авто-

рами как на востоке Польши, преимущественно в среде местного белорусского населения, так и на западе Беларуси. Немало встречается и украиноязычных песнопений, нередко с течением времени измененных почти до неузнаваемости с заменой не только целых выражений, но и всего строя произведения, не говоря уже о графическом воспроизведении.

Среди текстов «Богогласника», распространенных в настоящий момент, можно насчитать многие десятки наиболее часто исполняемых песнопений, известных во множестве вариаций и вариантов, число которых определяется различными языковыми, эмоционально-психологическими и иными предпочтениями местного сельского и городского населения.

Если среди белорусов Польши тексты «Богогласника» распространены повсеместно, то на Белорусском Полесье их бытование идет по убывающей от запада к востоку. Причем на крайнем Западном Полесье частота распространения богогласничных песнопений сравнима с частотой их бытования на Подляшье. К Пинску популярность, а точнее известность, богогласничных песнопений среди местного населения значительно уменьшается, хотя и здесь можно все еще говорить об устойчивой постоянной традиции, которая далее вниз по Припяти довольно быстро сходит на нет. Впрочем, исчезает только сам тип сборника («Богогласник») как таковой, более точно его именование, а вот произведения, его составляющие, так сказать, «переходят» в большом своем числе в состав очень похожих по своему материальному воплощению рукописных сборников, которые, чем восточнее от границы распространения «Богогласника», все увереннее начинают называть собирательно «псальмами» или «сальмами». Подобные сборники распространены по всей восточной Белоруссии и Украине, в западных областях России, откуда они тем или иным путем попадали и попадают еще далее на восток вплоть до Приморского края Российской Федерации и регионов Казахстана. Причем иногда особые обстоятельства способствуют как непосредственной передаче и распространению традиции самого «Богогласника», например, в период так называемого беженства (1915–1920-е гг.) вглубь России православных выходцев с западных окраин Российской империи (для этой категории беженцев, которые тем или иным способом, в той или иной форме распространяли среди местного русского населения центральных и восточных регионов Российской империи произведения «Богогласника», светские и церковные власти специально издавали его⁴, так и формированию и появлению некой смешанной отдельной и весьма устойчивой новой формы бытования именно богогласничных текстов. Это мы видим на примере деятельности архиепископа Пермского и Соликамского Афанасия (1927–2002), уроженца Подляшья, составителя печатных сборников таких текстов⁵.

Активность коммуникационного обмена последнего времени может быть рассмотрена и на весьма показательных примерах, связанных не толь-

ко с тем или иным типом памятника народной книжности, но и с конкретной темой произведения. Так, непосредственно с Западного Полесья на Восточное в последние годы весьма интенсивно стали распространяться различные произведения, связанные с личностью св. Афанасия Брестского. В совокупности все они составляют весьма значительный агиографический и гимнографический цикл, а также собрание всевозможных современных поэтических и отчасти прозаических сочинений, свидетельствующих об особой любви и почитании в белорусской, украинской и русской народной среде этого святого.

Вся эта огромная и весьма разнообразная книжность и литература, распространяется в основном в рукописной форме. Её основные языки — современный русский литературный и местное русское просторечие, сдобренные часто многочисленными диалектными вкраплениями, украинскими и белорусскими; украинский и белорусский литературные языки, но гораздо чаще их диалектные варианты; книжный церковнославянский язык различных вариаций, порой и стилизация под него. Конкретный вид, жанр, тип, тема и форма литературного произведения суть многоаспектные корреляционные определяющие как для самого автора, так и для его аудитории. Так, например, авторский состав летописцев — в основном местные уроженцы краеведческого склада и как правило весьма пожилого возраста. Читательская же аудитория их весьма разнообразна и куда более молодая, вплоть до детей школьного возраста. Многие сочинения всё чаще тиражируются с помощью новейших копировальных средств, немало текстов набрано на пишущих машинках, размножено с помощью матричных, струйных и лазерных принтеров. Для некоторых, наверное, будет неожиданностью сообщение об использовании в самое последнее время создателями и трансляторами этой литературы Интернета, причём активность такого процесса нарастает со всё увеличивающейся быстротой.

Близость происхождения и исторических судеб восточнославянских народов предопределили и необычайно тесную взаимосвязь в данной сфере народного творчества, которое восприняло и включило в свой репертуар и большое число произведений, созданных классиками русской, украинской и белорусской литератур, в том числе XIX и XX вв., даже выдающимися профессиональными авторами современности. Мелодия, напев, музыкальное исполнение всех этих сочинений, включая и написанные известными литераторами, всецело народное творчество, которое сформировалось уже очень давно, быть может, столетия назад.

Совсем не случайно среди белорусов, русских и украинцев распространено множество произведений, созданных одним из соседних восточнославянских народов, причём все эти сочинения никем не воспринимаются как чужие, чаще вообще считаются своими, хотя некоторые из них вполне осоз-

нанно видятся пришедшими издалека, порой из не очень определённого «далёка», но там живут «наши православные» и потому родные люди. Пример подобного сочинения — «Плач Галицкой Руси», встречающийся в современных рукописаниях белорусов в районе г. Гомеля:

«Над кордоном стояла,
Били руки ламала:
“Пустите пустите мя вот там,
У Почаев на долину,
Де Пречистая с Сыном,
Пустите пустите мя на Храм.
Там пролью я слез море,
И выплачу все горе,
И всю нужду забуду мою;
И голову положу,
У стоп Матери Божой,
Народа рускаго и краю.
И над стопку схилюся,
И водицы напьюся,
Где стояла Пречиста с Христом,
И залечу боль-муку,
И забуду разлуку,
И вернуса спасена потом”.
Но даремно так просит,
Руки ломит, голосит —
Жандарм там на страже стоит:
Он жалости не мае,
О плач Руси не дбае,
Чужа боль его не болит.
А вдовице рыдае,
И с разлуки вMLEвае,
Очи вносит горе к небесам;
А на небе лунае
И во звездах сияе
Почаевской Владычице Храм.
И из Храма Пречиста,
Выглядае неविта,
И ручку протягае к ней,
Святу слезу роняе,
Гоит сердце, вкривае,
Покровом одежды Своей:

Не плач бидна вдовица.
 Не попадай в журищо —
 Не вольно иди вам до нас,
 Но прииде та година,
 И прийду Я и с Сыном,
 С благодатью и раем до вас!
 Он положе Рученьку,
 Вам на рану к серденьку,
 Я водицы живицы налью
 И загоит целюща.
 Жаль ответчно пекущий,
 Жаль ваш и рускаго того краю!»
 О, Пречистая Дево Мати,
 Рускаго Краю!
 Нам боронят оглядати
 Икону Твою:
 А боронят за — для того,
 Що ты Мати, Мати Бога
 Рускаго Краю».

Несомненным феноменом народной книжности белорусских католиков является её непрерывность, жанровая и тематическая полифония собственно литературной составляющей. Последняя характеризуется к тому же большой языковой и содержательно-типологической разнородностью произведений. Классификация их представляется весьма затруднительной и с литературоведческой, и с лингвистической, и с теологической точек зрения. Несомненно лишь, что в основу такой предполагаемой классификации, если она когда-нибудь и будет осуществлена, будут положены принципы иерархичности произведений и языков, на которых они написаны и воспроизводятся, включая и различные устные формы. Впрочем, какое-то самое общее деление или разделение этой литературы на отдельные огромные по объему и значению части можно предложить уже сейчас. Таких основных частей три: литургическая литература и книжность, паралитургическая и, так сказать, «четья».

Особенно обращает на себя внимание паралитургический корпус этой литературы и книжности. Прежде всего широтой распространения, бытования. Без преувеличения, это самый массовый её вид, существующий в печатной, рукописной и устной формах. Популярен он среди всех возрастных групп католиков, особенно людей пожилого и среднего возраста. Всенародная признанность эта идет что называется из глубины веков. По крайней мере мы располагаем сведениями на этот счет начиная с XVII в. В настоя-

ший момент самыми популярными и наиболее часто встречаемыми из числа паралитургических произведений являются различного рода польскоязычные кантычки — печатные, очень редко старопечатные, и рукописные, распространяемые в виде записей в тетрадках или на отдельных бумажных листках. Белорусоязычные кантычки встречались нам пока только как исключение, хотя в последние годы в связи с активизацией издания белорусоязычной католической литературы они появляются в домах католиков Беларуси все чаще, особенно у городской и сельской интеллигенции⁶.

Кантычковая польскоязычная католическая литература Беларуси, явление сколь значительное и масштабное, столь и малоизученное⁷, сохранила свой живой первоначальный характер и функционально практически не изменилась, невзирая на солидный, в некоторых случаях двух—трехвековой и более возраст произведений её составляющих. Собранные нами материалы позволяют говорить о необычайной их вариативности, когда одно и то же сочинение, распространяемое в рукописных списках или же / и бытующее в устной форме, известно во множестве вариантов, точное число которых установить практически невозможно. Наблюдения над этой литературой позволяют выделить несколько её особых пластов, среди которых одним из самых интересных, на наш взгляд, являются кантычки и различного рода духовные и исторические песни, написанные восточнославянскими жителями Великого княжества Литовского в XVIII столетии.

До сих пор вся кантычковая литература относится к своего рода литературоведческой и вообще исследовательской terra incognita. Крупнейший польский литературовед и фольклорист XX в. Ю. Крыжановский откровенно признавался: «Установление очередности их появления весьма затруднительно, так как кантычки пользовались особой популярностью, были зачитываемы и экземпляры их являются ныне величайшей редкостью»⁸. Появившиеся во второй половине прошлого века несколько весьма важных работ, посвященных данному вопросу, мало что меняют в целом, так как все они касаются какой-либо узкой темы⁹. Едва ли верно и утверждение Ю. Крыжановского для XIX в. о том, что «тип кантычки установился от момента появления сборника ксендза М.М. Мёдушевского»¹⁰. Все было гораздо сложнее, и подобные выводы Ю. Крыжановского базировались на не слишком значительном материале, находившемся в его распоряжении.

Польскоязычные кантычки восточнославянского происхождения появляются довольно рано, первые возможно уже в XVII в. Среди их сочинителей выделяются авторы из числа образованных базилиан, отдельные глыбы произведения которых в конце концов стали достоянием и римско-католиков. Для белорусов одним из крупнейших литературных и издательских центров, формировавших данную традицию, всегда был Супрасль, Супрасльский Благовещенский монастырь с его многовековой литературной школой¹¹.

Супрасль, дав наиболее ранние примеры белорусского польскоязычного кантычковаго творчества, способствовал распространению подобных произведений в XVIII – начале XIX вв. в огромных по тем временам количествах¹².

Наши экспедиции нацелены на сбор произведений книжно-литературной культуры, характеризующих прошлое и настоящее белорусского, русского и украинского этносов, с целью создания масштабной источниковой базы для проведения фундаментальных исследований и сохранения одной из богатейших частей восточнославянского культурного наследия, до сих пор малоизученной.

Большой объем и самый разнообразный характер обнаруженных в ходе проводимых экспедиций многоязычных материалов заставили нас тщательно подходить к их рассмотрению с точки зрения копирования, ибо максимально адекватная цифровая копия полагается исходной основой для всех дальнейших преобразований по созданию электронного архива экспедиций в виде текстовых баз данных.

В последние годы, работая в полевых условиях, мы в основном копируем интересующие нас текстовые материалы с помощью цифровых фотокамер, а частично и видеокамер. Помимо исходных текстовых материалов, все больше в архиве экспедиции оказывается разнообразных цифровых аудио-, видео- и фотисточников, связанных с исследуемой нами проблематикой. Они — особая часть нашего общего архива. Вместе с тем мы располагаем огромным количеством различных не цифровых копий, в том числе — текстовых материалов, собранных нами ранее, когда еще не было столь широких возможностей использования цифровой техники. Это различные аналоговые фотоматериалы, ксерокопии, аналоговые аудио- и видеопленки. Такие материалы предполагают свою технологию преобразования. Текстовые экспедиционные материалы переводятся в электронную форму с помощью различных технических и программных средств. После преобразования собранных экспедиционных материалов в электронную форму начинается формирование различных баз данных культуролого-археографических экспедиций, справочных материалов, информационно-поисковой системы базы данных.

В зависимости от типа экспедиционных материалов используются разные принципы и методы построения совокупности баз данных: текстовые (тексты рукописные и печатные), графические (фото), аудио и видео. Экспедиционные материалы группируются в отдельных папках по видам: время, место и т.д. Разрабатываемая информационно-поисковая система дает возможность ввода, хранения, поиска информации, включая звуковое воспроизведение, фотоиллюстрации. В качестве базового принципа организации информации используется тематический, хронологический, источниковедческий принципы и их комбинации. Информационно-поисковая система, включающая систему справочников

(в т. ч. местностей, типов, видов, жанров источника и др.), основную и архивную базы данных, обеспечивает возможность поиска информации по унифицированным полям.

В заключение хотелось бы, в качестве еще одного примера, воспроизвести весьма популярный во всей Восточной Славии русскоязычный стихотворный текст, получивший широкое распространение уже в конце XIX в. в основном благодаря деятельности церковно-приходских школ. Его автор — почти забытый ныне выдающийся русский педагог, ученый, поэт и музыковед Сергей Иринеевич Миропольский (1842–1907). На протяжении нескольких последних десятилетий, вплоть до наших дней, это стихотворение считается народным, переписывается как анонимное, а иногда и поется, в том числе и известными народными исполнителями, без упоминания имени автора. Оно имеет два заглавия, что связано с особенностями его рецепции на протяжении столетия: «Добрая ночь» и «Сумрак вечерний». Приводим этот текст по рукописи конца XX–начала XXI вв., созданной на Гомельщине:

«Сумрак вечерний уж пал на поля,
 В тихой прохладе заснула земля.
 Добрая ночь, тихий покой,
 Божий покров над уснувшей землей.
 Всем, кто трудился на ниве земной,
 Бог посылает в отраду покой.
 Добрая ночь, тихий покой,
 Божий покров над уснувшей землей.
 Месяц поднялся, высоко стоит,
 Блеск серебристый по речке скользит.
 Добрая ночь, тихий покой,
 Божий покров над заснувшей землей.
 На небе звезды блещут в высоте.
 Крест над деревней горит в темноте.
 Добрая ночь, тихий покой,
 Божий покров над заснувшей землей».

Примечания:

¹ См. напр., некоторые наши публикации экспедиционных материалов: Лабынцев Ю.А., Шавинская Л.Л. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. М., 1999; Они же. Православная литература белорусов современной Польши: Материалы экспедиционных исследований 1999 г. М., 2000; Они же. Православная литература Польши (1918–1939 гг.). Минск, 2001; Они же. Книга как универсальный маркер социокультурной истории внутрисредиземноморского этнического пограничья // Научная книга. 2003. № 3–4(21–22).

С. 93–98; Они же. На крайнем западе Востока. Минск, 2004; Лабынцев Ю.А. Белорусское литературное многоязычие эпохи позднего барокко: Творчество протоархимандрита Иосифа Петкевича // Скарына і наш час. Гомель, 2004. С. 134–137; Он же. Белорусский церковнославянский печатный текст эпохи позднего барокко: «Житие Св. Онуфрия Великого» 1696 г. // Федоровские чтения 2005. М., 2005. С. 387–402; Лабынцев Ю.А., Шавинская Л.Л. Шматлявокая гісторыя духоўнай культуры Подляшша і Палесся: Вынікі трыццаці гадоў экспедыцыйных даследаванняў // Дыяспара. Культуралогія. Гісторыя. Беларусіка 28. Мінск, 2006. С. 86–91; Они же. Многовековая история литературной культуры Подляшья и Белорусского Полесья: результаты тридцатилетних экспедиционных исследований (1970-е – 2000-е гг.) // Белорусско-российский диалог. М., 2006. С. 206–226 и другие.

² Богогласник. СПб, 1913. Вып. 2. Предисловие.

³ См., напр.: Лабынцев Ю.А., Шавинская Л.Л. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. М., 1999. С. 246 и др.

⁴ См., напр.: Богогласник. СПб, 1916.

⁵ См., напр.: Сборник духовных народных песнопений. Пермь, 1991; В похвалу Богоматери. Пермь, 1994. Ч. 1–2.

⁶ Очень показательна в этой связи популярность среди «новых» католиков Беларуси и не только старинного белорусского униатского гимна «O moy Boze, wierz Tabie», который не без влияния новых католических изданий все чаще переписывается кирилловским (гражданским) письмом, а не латиницей, как это было до сей поры.

Необходимо отметить, что за последние годы был издан целый ряд своего рода базовых белорусоязычных сборников, содержащих и паралитургические произведения. См., напр.: Касысельныя песні. Менск, 1992; Прыйдзі, Езусе. Варшава, 1992; 3 надзеяй Ойча, да Цябе. Гродна, 1999 и др.

У католиков Беларуси и польско-белорусского пограничья можно видеть различные печатные фрагменты или же чаще латинографичные списки белорусоязычных кантычек, сочиненных в основном в XIX-м, реже XIX-м и, видимо, как исключение, в XVIII-м вв. В абсолютном большинстве случаев об оригинале или протографе этих произведений сказать ничего нельзя. Более или менее точно мы можем указать лишь отдельные ранние издания, представляющие данную традицию. См., напр.: *Kantyczka, abo sabranie nabożnych piesieŃ dla użytku katalikaŃ białorusaŃ*. Wilnia, 1914.

⁷ Сравн.: Костоковец Л.Ф. Кантовая культура в Белоруссии. Минск, 1975.

Важно подчеркнуть, что процесс перехода из разряда литургических в паралитургические произведения и наоборот, вообще практически неизучен. Особенно это заметно на примере восточных славян. См.: Stern D. Відносини набожних пісень до літургії у східних слов'ян в XVII–XVIII ст. ст. // *Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy od obrodzenia po súčasnosť*. Bratislava, 2000. S. 321–330.

⁸ *Słownik folkloru polskiego*. Warszawa, 1965. S. 160.

⁹ См., напр.: *Kantyczki karmelitańskie: Rękopis z XVIII wieku / Przygot. do wydania B. Krzyżaniak*. Kraków, 1980; *Verkündigung durch Volksgesang: Studien zur Liedpropaganda und-katechese der Gegenreformation*. Berlin, 1981 и др.

¹⁰ *Słownik folkloru polskiego*. S. 161.

¹¹ Подробнее см.: Шавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв. Минск, 1998.

¹² См.: *Lietuvos Mokslo Akademijos Biblioteka*. F. 18. № 160.

Лучший экземпляр из числа сохранившихся супрасльских кантычек, датированный 1799 г., ныне сохраняется в Библиотеке Варшавского университета (сигнатура 4. 19. 3. 70).

Хорватия в начале третьего тысячелетия

В течение последних ста лет прошлого тысячелетия Хорватия существовала в рамках пяти различных государств. До 1918 года она была частью Австро-Венгерской монархии, которая не являлась государством национального равноправия. Хорваты хотели, как и другие славянские народы освободиться и построить свое самостоятельное государство. В этой борьбе они рассчитывали на помощь России. Связи Хорватии и России начались триста лет тому назад. Многие известные политические и культурные деятели из Хорватии посещали Россию, хорватско-русские общественно-политические связи были весьма интересными и разнообразными.

Юрий Крижанич, теолог, священник загребской церковной области, приехал в Москву ещё в 1659 году. К России его привлекало антиавстрийское настроение российской политики. В России Крижанич написал в 1671 году грамматику всеславянского языка и трактат «Политика». Он был первым хорватом, который начал изучать политические науки. И эту свою научную деятельность он начал именно в России. Ошибка Крижанича была в том что он хотел соединить различные религии славянских народов. В 1661 году по неизвестной причине Ю. Крижанич был сослан в Сибирь, где пробыл двадцать лет. И в годы ссылки Крижанич не переставал заниматься наукой. Спустя много лет, в 1915 году, в Одессе было создано первое Русско-хорватское общество и ему дали имя Крижанича.

В Россию приезжали хорваты самых разных политических направлений. Можно привести пример Эугена Кватерника, идеолога хорватского национализма, национального революционера, погибшего в ходе восстания 1871 года в Раковице. Кватерник прибыл в Россию в 1858 году, стал гражданином России и секретным агентом министерства иностранных дел России в Венгрии и Хорватии. На службе МИДа России он находился до 1860 года. По возвращении в Загреб Кватерник был избран депутатом хорватского парламента. Он стремился убедить русское правительство в том, что независимость Хорватии и развал Австро-Венгерской монархии совпадают и с политическими целями русского правительства.

* Царатан Бранко, профессор Загребского университета (Хорватия), доктор политических наук.

Степан Радич, руководитель и основатель Хорватской крестьянской партии, политический вождь сопротивления хорватского народа сербской гегемонии в королевской Югославии в двадцатых годах прошлого века, несколько раз посещал Россию. Русский язык начал изучать еще в гимназии. Радич был женат на Марженьке, которую встретил в 1896 году во время своего первого путешествия в Россию. В 1899 году в Высшей школе политических наук в Париже он успешно защитил дипломную работу на тему «Современная Хорватия и южные славяне». В этой работе он выдвинул концепцию проведения общеславянской политики и создания дунайской федерации. В рамках Югославии Радич отстаивал принципы национального равноправия, федерализма и республиканского устройства государства. По приглашению Чичерина, народного комиссара по делам внешней политики, Радич приехал в 1924 году в Москву, где он вместе со своей Хорватской крестьянской партией, самой сильной политической партией в Хорватии, вступил в Крестьянский интернационал. Степан Радич был убит во время заседания парламента в Белграде сербским националистом, хотя вся его политическая деятельность была пронизана философией Льва Николаевича Толстого о непротивлении злу насиллием.

Мирослав Крлежа, один из наиболее известных хорватских писателей, сторонник левых политических взглядов, посетил Россию в 1926 году и написал об этом книгу «Путешествие в Россию». Эта книга была тогда практически единственной информацией в Европе о нэповской России. Необходимо подчеркнуть, что именно Крлежа первый накануне Второй мировой войны начал критически анализировать концепцию социалистического реализма. Это была одна из первых попыток серьезной критики теоретических основ сталинизма. Начатая Крлежа полемика по этому вопросу имела очень важное значение как с теоретической так и с политической точки зрения.

Много раз бывал в России и СССР ещё один широко известный хорват – Йосип Броз Тито. Как солдат австро-венгерской армии Тито попал в плен на Карпатском фронте, в России он стал приверженцем идей Октябрьской революции 1917 г., вступил в партию большевиков. Во время пребывания в России Тито женился на русской. В тридцатых годах Тито, как один из выдающихся руководителей югославской коммунистической партии, прожил два года в Москве и получил возможность непосредственно познакомиться с функционированием сталинской политической системы. Возможно, эти впечатления Тито впоследствии стали основой его критического отношения к сталинской практике построения социализма, его сопротивления Сталину и догматическим тенденциям в коммунистическом движении.

Для Хорватии ее отношения с другими соседними славянскими народами всегда имели очень большое значение. Первая Югославия (Королевство

сербов, хорватов и словенцев) была создана в 1918 году. Королевство СХС представляло собой объединение Хорватии и Словении с Сербией и Черногорией. Новое государство защищало хорватские и словенские территории от агрессивных поползновений соседей, Сербии удалось собрать практически всех сербов в рамках одного государства. Вместе с тем новое государство приостановило процессы построения наций всех югославянских народов. Королевская Югославия была унитарным государством с самодержавными тенденциями, в нем отсутствовало национальное равноправие входивших в него народов, что привело к возникновению сильных националистических движений.

Во время Второй мировой войны на одной стороне было Независимое государство Хорватия под контролем фашистской Германии и Италии. Ему противостояло мощное антифашистское партизанское движение, которое возглавлял хорват Тито. В итоге партизаны одержали победу, была создана социалистическая федеративная Югославия, в рамках которой была сформирована федеральная республика Хорватия. 22 июня 1941 года, когда германские фашисты осуществили нападение на СССР, хорватские коммунисты подняли восстание в Хорватии. Партизанская борьба началась недалеко от города Сисак в центральной Хорватии. Позже Тито созвал заседание Политбюро коммунистической партии Югославии с предложением поднять всеобщее восстание: «Мы должны связать нашу судьбу с судьбой Советского Союза... Что будет с ним, пусть то же будет и с нами».

Вторая Югославия во время правления президента Тито прекратила открытые национальные конфликты, обеспечила власть коммунистов и независимость страны. В рамках югославской федерации Хорватия получила права союзной республики. Конституция 1974 года внесла в государственное устройство СФРЮ целый ряд конфедеративных элементов и значительно расширила права республик. Воеводина и Косово практически получили федеральные права. Кроме того, организация коммунистической партии также получила комбинацию федеральных и конфедеративных элементов напоминающую устройство государственной организации. С тех пор республики контролировали почти целиком экономику и кадровую политику федерации.

Введение рыночной экономики в СФРЮ в 1965 году привело к некоторым неожиданным последствиям. Экономически развитые республики получили хорошие результаты, а у остальных республик в результате нововведений уменьшилась зарплата и выросла безработица. Особенно резко проявляла свое недовольство рыночной экономикой, децентрализацией и рядом решений конституции 1974 года Сербия. Политическим выражением этого недовольства стал рост националистических движений.

Все реформы в социалистических странах содержали три основных элемента, которые всегда проявлялись совместно: укрепление демократии, развитие рыночной экономики, децентрализация. Крах коммунизма, отмена монополии власти партии и отмена командной экономики означали одновременно прекращение действия сил, которые обеспечивали существование социалистических федераций: советской, югославской, чехословацкой. Значительных стимулов для дальнейшего существования этих федераций больше не было. Поэтому крах коммунизма был одновременно и концом коммунистических многонациональных федераций. Народы этих стран получили возможность завершить построение своих наций и национальных государств. Они сделали то, что другие европейские народы совершили за много лет до этого. Развал чехословацкой федерации был мирным, советской – с небольшими конфликтами, югославской – с кровавыми войнами. Что же касается становления Российской Федерации и федеральной Боснии и Герцеговины – то это были исключения из правила.

В январе 1990 года распалась союзная коммунистическая партия (Союз коммунистов Югославии). Федеральное государство оказалось неспособным к решительным действиям. Референдум о независимости в Хорватии окончательно решил вопрос о создании нового независимого государства. Признание Европейским союзом независимости Хорватии и Словении в феврале 1992 года было только подтверждением уже сложившихся реалий.

Изменения на географической карте всегда чреваты конфликтами. Прежнее большинство превращается в меньшинство и, наоборот, межгосударственные границы становятся часто спорными. При распаде СФРЮ возникла проблема раздела прежней государственной собственности между новыми государствами. Несчастье Хорватии состояло в том, что она должна была защищать себя от агрессии.

Новая Хорватия должна была с самого начала решать три главных проблемы: во-первых, выход из войны, во-вторых, построение демократического общества и, в-третьих, трансформация народного хозяйства в рыночную экономику. Последствиями войны стали не только уничтожение имущества и человеческие жертвы, огромное число беженцев и изгнанников, но и военные преступления и политический экстремизм.

Что же касается демократизации общества, то здесь главными трудностями были отсутствие опыта и демократических традиций. По поводу перехода к новым экономическим отношениям можно сказать, что последствием приватизации бывшей государственной собственности, как правило, является обострение социальных проблем, а в случае Хорватии ситуация осложнилась неудачной моделью приватизации. Задачей Хорватии в сфере экономических реформ была подготовка для вступления в Европейский союз. Надо напомнить и о том, что Хорватия раньше была среди тех комму-

нистических стран, которые имели высокоразвитое народное хозяйство, но из-за негативных последствий войны и неудачной экономической политики это преимущество почти совсем исчезло.

Каковы же достижения Хорватии за время существования независимого государства? Страна стала теперь свободной, большинство беженцев и изгнанников возвратились на родину, межэтнические отношения внутри Хорватии улучшились, то же самое можно констатировать и относительно взаимоотношений с соседями, бывшими республиками югославской федерации. Многие проблемы в отношениях с соседями все еще остаются, но высшая точка кризиса уже миновала.

Несмотря на сохранение определенных авторитарных тенденций, демократические процессы в хорватском обществе становятся определяющими. В ходе выборов с 1990 года уже три раза изменялся состав правительства. Однако политические партии еще не пользуются доверием. Многие граждане не понимают, что без партий нет подлинной демократии. Можно с удовлетворением отметить, что количество нарушений и случаев обмана избирателей в ходе выборов уменьшается. Экстремистские политические течения, которые хотели бы добиться смены власти путем организации уличных беспорядков, сегодня становятся маргинальными. Большинство населения считает демократические принципы единственно возможным способом политической борьбы. Но всё-таки попытки нарушения демократического процесса все еще случаются.

Экономика Хорватии хотя и медленно, но неклонно укрепляется. Соотношение курсов основных валют по отношению к национальной валюте стабильное, банковская система действует достаточно эффективно, инфляция небольшая, товарно-денежный оборот почти нормальный, доходы от туристов, посещающих Хорватию, увеличиваются, строятся новые автомобильные дороги. В сравнении с другими бывшими социалистическими странами Хорватия является одной из наиболее успешных. Доход на душу населения – 7200 евро (скорректированная покупательная способность 11.340 евро). Но целый ряд сложных проблем все еще не решен: безработица достигает 12,3%, объем экспорта по-прежнему невелик, имеется большой внешний долг перед иностранными государствами, небольшой рост производства, медленный темп экономического роста, недостаточная эффективность правосудия, коррупция, бюрократизм.

На международной арене независимая Хорватия достигла больших успехов. Отношения со странами бывшей Югославии нормализовались. Хорватия теперь стала членом Международной организации торговли (WTO), членом организации в рамках НАТО Партнерство во имя мира (PfP), кандидатом на вступление в НАТО и ЕС. Представители Хорватии начали переговоры с ЕС на этот предмет.

Здесь важно подчеркнуть, что существует непосредственная связь между развитием демократии и расширением ЕС. Принципы европейской интеграции в случае с Западной Германией оказали значительное содействие искоренению следов нацизма. Теперь в странах Центральной и Восточной Европы, стремящихся стать членами ЕС, перспектива интеграции укрепляет силы демократии. Важно отметить, что сторонники левого и правого экстремизма, как и сторонники антидемократических течений, являются противниками присоединения Хорватии к ЕС. Их цель – международная изоляция Хорватии и блокирование развития демократической системы в хорватском обществе. Защищая свои частные интересы, они раздувают страх от вступления в ЕС, утверждая, что политика присоединения к ЕС приведет к потере суверенитета Хорватией и будет означать включение ее в новую Югославию.

Сегодня все парламентские партии Хорватии поддерживают курс на расширение демократии и присоединения страны к ЕС. Интересно отметить, что пятнадцать лет тому назад, на последнем съезде Союза коммунистов Югославии только некоторые делегаты поддерживали присоединение страны к ЕС: это были представители Словении и Хорватии. Правительство левого центра во главе с Социально-демократической партией в 2000–2003 гг. подготовило договор о вступлении Хорватии в ЕС; новое правительство правого центра Хорватского демократического объединения продолжило эту политику интеграции с ЕС.

Здесь надо уточнить, какую пользу принесёт присоединение Хорватии к ЕС. Прежде всего это модернизация законодательства, укрепление демократии, добавочное финансирование, техническая помощь модернизации экономики, укрепление правового порядка, доступ к обширному европейскому рынку, рост производства и особенно производительности труда, возможность обучения граждан Хорватии за границей, свободное перемещение рабочей силы, новые инвестиции в хорватское хозяйство, быстрые темпы экономического роста, обеспечение национальной безопасности.

Жители Хорватии хотят быть частью демократической и развитой Европы. Больше половины граждан страны в настоящее время поддерживают вступление Хорватии в ЕС. Здесь интересно отметить, что большая часть населения Хорватии не согласна с ее членством в НАТО.

Взаимоотношения Хорватии со странами, образовавшимися после распада СФРЮ, улучшаются: не существует страны, отношения с которой были бы напряжёнными. Словения является самым хорошим политическим и экономическим партнёром Хорватии. Сотрудничество со Словенией развивается интенсивно, прежде всего в области экономики, вопреки существованию некоторых проблем, связанных с наследием СФРЮ (определение морской границы, вопрос о принадлежности электростанции в Кршко, долг Люблянского банка гражда-

нам Хорватии, проблема гарнизона на горе Святая Гера). С Сербией дипломатические отношения были восстановлены ещё при президенте Туджмане, в настоящее время продолжается процесс постепенной нормализации этих отношений. В наших отношениях с Сербией в настоящее время остается ряд проблем, происхождение которых относится к наследию СФРЮ и последствиям войны начала 90-х гг. XX века: раздел капиталов прежнего союзного банка, военные потери, возвращение имущества и беженцев, окончательное определение границ. Отношения с Черногорией развиваются интенсивно и динамично. В Хорватии полагают, что независимость Черногории и возможное предоставление независимости Косово не являются угрозой для процессов демократизации в Сербии, но напротив укрепляют их. По поводу Боснии и Герцеговины надо отметить, что Хорватия проводит политику полного уважения суверенитета этого государства. С Македонией отношения также самые хорошие.

Важно отметить, что национальным интересам Хорватии отвечает такое положение, когда соседние страны стали бы процветающими и демократическими. Поэтому Хорватия поддерживает интеграцию этих стран в ЕС.

Отношения с Россией в последние годы развивались хорошо – даже во время хорватской гражданской войны. Во времена прежнего югославского социалистического государства доля Хорватии в торговле с Советским Союзом была практически 50% от всего объема югославского экспорта в СССР. Этот уровень торговли между двумя странами необходимо восстановить.

По нашему мнению дальнейшие перспективы развития независимого хорватского государства связаны прежде всего с интеграцией Хорватии в Европейский Союз. В то же время укрепление связей с другими славянскими народами остается важнейшим направлением внешней политики Хорватии.

Литература:

1. Badalić, Josip. Hrvatska svjedočanstva o Rusiji. Zagreb, Suvremena naklada, 1945.
2. Bilančić, Dušan. Hrvatska moderna povijest. Zagreb, Golden marketing, 1999
3. Bilančić, Dušan. Propast Jugoslavije i stvaranje moderne Hrvatske. Zagreb, AGM, 2001.
4. Гиренко, Ю.С. Сталин-Тито. Москва, Издательство политической литературы, 1991.
5. Крлежа, Мирослав. Поездка в Россию 1925. Москва, Гелеос, 2005.
6. Očak, Ivan. Hrvatsko-ruske veze. Zagreb, Hrvatska sveučilišna naklada, 1993.
7. Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея»: вторая половина XX - начало XXI века. Москва, Институт права и публичной политики, 2002.

Накопление символического капитала российского предпринимательства как вектор формирования единства российского общества

Модернизация России на рубеже XX — XXI вв. вызвала интенсивные и зачастую неуправляемые и непредвиденные социально-экономические трансформации, самыми опасными из которых оказались нарастающий раскол общества, выражающийся в социальном расслоении, катастрофическом разрыве в уровне доходов между богатыми и бедными, а также в утрате социокультурного единства. Новое российское предпринимательство, бизнес-сообщество оказалось противопоставлено обществу, в особенности тем его слоям, которые остались “на обочине” преобразований, “не вписались” в новые рыночные реалии. Крупные города, в которых сосредоточен большой бизнес, в особенности Москва, оказались противопоставлены стране в целом, воспринимаются как нечто инородное и чуждое, живущее своей собственной жизнью и имеющее судьбу, отличную от судьбы России (“Москва — еще не Россия”). В этой связи одной из наиболее актуальных проблем, критически важных для дальнейшего стабильного развития России, является устранение раскола и восстановление единства общества. Лишь преодолев раскол внутри себя, Россия сможет занять достойное место в новых мировых реалиях, в условиях обретения новых идентичностей прежними союзниками.

Представляется, что одним из важнейших векторов социокультурной интеграции России является восстановление доверия к предпринимательству, бизнес-сообществу. В русской культуре *нет принципиально негативного отношения* к предпринимательству как роду деятельности и предпринима-

* Зарубина Наталья Николаевна, доктор философских наук, профессор, кафедра социологии ГГИМО (У) МИД РФ.

телу как социокультурному типу¹. Социологические исследования показывают, что и в современной России нет негативного отношения к богатству и богатым людям². Все это свидетельствует о том, что предпринимательство и предпринимательский успех в России легитимен в социокультурном смысле этого понятия. В чем же тогда следует искать истоки негативного отношения к реально функционирующим предпринимателям и как его преодолеть?

Престиж российского бизнеса, уважение, сочувствие, вообще позитивное отношение общества есть его символический капитал, который, наряду с собственно экономическим, политическим, культурным, образует его совокупный капитал и работает как фактор роста (или утраты) позиций в различных социальных полях. Реально накопленный символический капитал действующих агентов отличается от социокультурной легитимности какой-либо деятельности или института в целом по принципу «принимаем и одобряем, но не в такой форме»: «допускаем и приветствуем развитие частного предпринимательства, но то, что мы имеем сейчас, никуда не годится...» Российский капитализм даже в самые успешные периоды традиционно развивался в условиях дефицита символического капитала и диспропорции экономическому капиталу. Пользуясь терминологией С. Ленски, его статус был противоречив, и на протяжении практически всей истории капитализма в России класс предпринимателей стремился к «статусной кристаллизации» посредством гармонизации разных видов капитала, в частности, перевода части экономического капитала в символический посредством благотворительности и меценатства. Можно предположить, что одной из основных причин дефицита символического капитала российского капитализма является неадекватность символического взаимодействия бизнеса как институционального социального агента и общества в целом в конкретные периоды истории. И в условиях экономического подъема перед первой мировой войной и революцией 1917 г., и в начале XXI века на фоне либеральных реформ бизнес воспринимается как актер, ориентированный сугубо на собственные интересы и узкоэгоистические цели. Преодолеть этот разрыв в символической коммуникации не удалось ни тогда, ни теперь.

По определению П. Бурдьё, основу символического капитала составляет престиж, репутация, имя³. В категории престижа отражены ценности и предпочтения членов данного общества, те значения, которые приписываются различным аспектам социальной жизнедеятельности и символика, в которой они осмысливаются. Престиж того или иного социального актора – индивидуального или группового, связан не столько с реальным содержанием его деятельности, ее фактической полезностью для общества, сколько с *приписываемыми* ей значениями, поэтому он является не постоянной, а переменной величиной. Анализ символического капитала того или иного актора предполагает сопоставление его ценностей, социальных ролей, пове-

денческих стереотипов с ценностями, доминирующими в конкретном обществе в конкретный исторический момент. Чтобы выяснить, как обстояли дела с престижем российского предпринимательства как институционализированного социального актора, мы намерены исследовать смысл и значения, которые приписывались его деятельности в периоды подъема капитализма в России в конце XIX - начале XX вв. и постсоветского развития рынка в конце XX - начале XXI вв.

Как отметил П. Бурдые, “господствующий класс точно определяется по тому, что у него есть частный интерес к делам, которые навязывают “всеобщим интересом”, поскольку частные дела его членов особым образом связаны с этими делами”⁴. Представляется, что исторически дефицит символического капитала российского капитализма возник в силу того, что в общественной мысли и общественном мнении России его редко рассматривали и сейчас практически не рассматривают как выразителя какого-либо “общего интереса”. Умение извлечь частную выгоду и прибыль из общих дел, общих проблем и даже бедствий – вплоть до наживы на войне, голоде, разрухе, за ним всегда признавали, но вот общих преимуществ, общей выгоды за ростом частных прибылей и капитализма в целом не видели. Общество как в 1917 г. не приняло бы тезис о том, что “что хорошо для Рябушинского, хорошо для России”, так и сегодня не может принять утверждение “что хорошо для Ходорковского, хорошо для России”. Еще в начале XX в. С.Н. Булгаков отмечал, что “развитие производительных сил и вообще ценности производительного труда, <...> в сущности находят далеко не достаточную оценку в нашем общественном сознании, встречает к себе высокомерное, пренебрежительное отношение. Стремление к развитию производства и творческая инициатива в этой области слишком часто у нас рассматриваются исключительно под углом зрения классового бентамизма (т.е. с точки зрения экономических интересов классов – Н.З.), как “буржуйство”, стремление к наживе <...> Развитие новых отраслей труда в сознании нашего общества представляется делом далеко низшего порядка, чем всевозможные интеллигентские профессии. Этот предрассудок имеет реальные дурные последствия, поскольку господство в общественном мнении подобных оценок морально загоняет в угол представителей промышленности, их деморализует, деградируя их в общественном мнении, осуждая в кредит, тем самым как бы наперед снимает моральную ответственность с руководителей промышленности, подвергает их “морально-общественному бойкоту”⁵.

Мы позволили себе столь длинную цитату, поскольку здесь выдающийся русский мыслитель очень емко показывает и дефицит символического капитала у российского предпринимательства (в период его наивысшего расцвета!), и последствия этого дефицита. В середине XIX в. в России, пожалуй, единственной из европейских стран, встал вопрос целесообразности

развития по индустриально-капиталистическому пути. Показательно, что основные возражения носили, по сути, социокультурный характер⁶. Они, в первую очередь, основывались на том, что развитие индустриального капитализма разрушает социальные и нравственные основания традиционного российского общества, ускоряет отрыв человека от земли и отчуждение от естественных предпосылок его бытия (включая семью, род), обращает человека к ценностям индивидуального процветания, выгоды, пользы, успеха, отвращая его от традиционного коллективизма, соборной религиозности, служения. Предпринимательство, особенно в сфере индустриального производства, хотя и не отвергалось обществом в принципе, но ставилось под моральное подозрение. Традиция критики капитализма и предпринимательства как социального института и стандарта поведения сложилась в России вне марксистской идеологии и лишь была ею направлена в радикальное революционное русло.

По крайней мере до последней четверти XIX в. накопление символического капитала осуществлялось русским капитализмом не прямыми путями убеждения в исторической и экономической необходимости индустриализма и его социальной значимости, подобно тому, как это делал, например, Г. Форд, отрицавший благотворительность и признававший единственный способ служения бизнесу обществу – развитие экономики.

Поскольку в России собственно хозяйственная деятельность рассматривалась не как общепольное, а как индивидуальное и эгоистическое дело, престиж и уважение общества завоевывались через те формы деятельности, которые были наиболее престижны и уважаемы и рассматривались как социально значимые. Для России это всегда были духовное и культурное, а также социальное служение. Соответственно, предприниматели обращались к благотворительности и меценатству, к социальной работе в муниципальных органах, рассчитывая громкими и видными общепольными деяниями заработать символический капитал. По нашему мнению, по этой причине, а не в силу какой-то особой “филантропии”, появлялись знаменитые коллекции и музеи, строились больницы, школы, благоустраивались города⁷. Именно общественная самореализация, благотворительность, понимаемая как служение обществу, обеспечивали приращение символического капитала. Предприниматель и общественный деятель начала XX в. П.А. Бурьшкин в своих воспоминаниях так описывал формирующееся соотношение экономического и символического капитала в деловом сообществе: «Как это ни странно, в старой (до 1917 г. — Н.З.) Москве богатство решающей роли не играло. Почти все семьи, которые надлежит поставить на первом месте в смысле их значения и влияния, были не из тех, которые славились своим богатством. Иногда это совпадало, но лишь в тех случаях, когда богатство

служило источником для дел широкого благотворения, или создания музеев, клиник, или развития театральной деятельности»⁸.

К концу XIX в. ситуация стала постепенно меняться: была близка к победе точка зрения сторонников индустриализма, в котором общество все же сумело увидеть историческую перспективу собственного развития. Думаемая, здесь сыграло роль не столько укрепление доверия к торгово-промышленному классу, сколько общая интенция культуры эпохи модерна с ее верой в рациональное, научно-техническое освоение природы, способность технического гения, в том числе и промышленности, способствовать прогрессу общества. Вообще, периоды относительного подъема престижа капитализма в России приходится на те моменты истории, когда реализация его частных интересов соответствовала общенациональным интересам. Так, в начале первой мировой войны с развитием отечественной промышленности связывали военные успехи, а патриотическое воинское служение в России было весьма уважаемым и почетным. И в сознании российских предпринимателей утверждалось представление о том, что «на нас, торгово-промышленном классе, лежит великая ответственность за наше будущее. Чтобы приступить к созидательной работе, нужны определенные стимулы, нужно знать, что то, что мы создаем, послужит на пользу всем. Работая как частные люди, – потому что на этом зиждется наша деятельность, – творя свое частное дело, мы в то же время творим дело и государственного строительства»⁹. Последняя фраза особенно важна. Ведь ни один предприниматель не начинает свое дело «ради других» или «ради общества» – он всегда имеет частную систему экономических и неэкономических мотивов. Важно, чтобы они не расходились с интересами более широкой группы и чтобы в результатах предпринимательской деятельности просматривалась общая польза.

Символический капитал социального актора включает, помимо престижа, *пафос* – своеобразную «теодицею», систему символов, гармонирующих социальное существование ущербной группы¹⁰, оправдывающий ее пороки особыми обстоятельствами ее бытия и приписывающий ей специфические добродетели. Испытывая недостаток предстижа, для восполнения дефицита символического капитала класс предпринимателей в период экономического подъема начала XX в. создавал собственный пафос, состоявший, по преимуществу, из утверждения для всех, прежде всего для самих себя, что именно предприниматели составляют «соль земли», что от них пойдет ее «украшение» и «преумножение ее богатств», что они лучше, чем дворянство и интеллигенция, понимают потребности и нужды народа и т.д.

В периоды социальных трансформаций символические системы в обществе претерпевают существенные, иногда даже радикальные изменения. Во время социалистической революции все усилия большевистских идеологов

были направлены на то, чтобы сломать сложившуюся в русской культуре систему значений и навязать новую. Эта трансформация значений шла в двух основных направлениях. Во-первых, использовалась и усиливалась традиционная для русской культуры тенденция критики капиталистического предпринимательства, которое связывали с эксплуатацией, хищничеством, эгоизмом, жестокостью; в частности, на протяжении всего социалистического периода была востребована русская литература “критического реализма” (произведения А.Н. Островского, Д.Н. Мамина-Сибиряка, М. Горького, и др.). Но в дореволюционный период существовали и иные оценки, позволявшие обществу мириться с развитием частного капитала - они нашли отражение и в “прокапиталистической” публицистике И.К. Бабста, П.Д. Боборыкина, Д.И. Менделеева и др., и в художественных произведениях. В советский период они были преданы забвению и замалчиванию как «реакционные». Во-вторых, в новой системе значений капитализму приписывались смыслы исторической тупиковости, обреченности на “объективно необходимый” уход с исторической сцены. Эта тенденция проявилась не только в пропагандистских “окнах РОСТА”, карнавальных “похоронах капитала”, но даже во вполне гуманистических произведениях; например, в “Чевенгуре” А. Платонова эпизод ликвидации местной буржуазии вызывает ощущение фатальной неизбежности, непреодолимой необходимости, совершающейся почти помимо воли людей. В советский период, особенно во времена “застоя”, существовало лишь теневое предпринимательство, которое и преследовалось законом, и осуждалось общественным мнением, и рассматривалось как случайное, единичное, временное и исторически преходящее, хотя производимые им услуги и товары всегда были востребованы.

Период перестройки, как известно, начался именно с символических трансформаций – ниспровержения ценностей и смыслов, принятых в советский период, и с утверждения нового символического кода, формирующего картину мира, в которой предпринимательству отводилось место важнейшего символа нового общественного устройства. Занятие бизнесом в период перестройки и сразу после нее было не только выгодно экономически, но и символически, поскольку имело смысл самой передовой формы деятельности. Стали достоянием широкой общественности выводы западных советологов о том, что теневая экономика советского периода была свидетельством жизнеспособности народного духа, инициативы, творческого потенциала личности, которые не были окончательно уничтожены командно-административной системой¹¹. Из “исторического тупика” предпринимательство капиталистического типа практически сразу стало символом перспектив экономического, культурного, социального развития страны. В то же время, свободному рынку и частному предпринимательству приписыва-

лась роль панацеи от всех экономических трудностей, коренящихся в “административно-командной” социалистической системе.

На личностном уровне бизнес связывался не только с ожиданиями благополучия и процветания, но и с перспективами творческой самореализации, самостоятельности (возможностью быть самому себе хозяином, не отчитывающимся ни перед кем), особенно востребованными после отмены тотального партийно-государственного контроля. Пресса и телевизионный эфир тех лет были насыщены риторикой, вводящей предпринимательство в позитивный символический ряд общего прогресса, передовой, инновационной, творческой деятельности, самостоятельности, благополучия. В этот же период совершенно вразрез с традициями русской культуры, с богатством стали связывать моральные добродетели, душевное благородство. Вот образцы научных рекомендаций по изменению символического кода российской культуры начала 90-х гг.: «Культура, допускающая становление и развитие рыночной экономики, предпринимательских ценностей, не может не включать в себя следующие моменты: десакрализацию социальных отношений, власти, культуры; утверждение ценностей отдельной личности; акцент на ценностях бытия; трудовая этика, буржуазная мораль; ... идеологема “частная собственность порождает цивилизацию”...». И далее: «Надо лепить образ “настоящего мужчины” – главы семьи, опоры жене и близким, утверждающего честным трудом, предприимчивостью и инициативой счастье своей семьи. “Настоящему мужчине” противостоит ряд антиподов: завистливый люмпен – сторонник социалистического выбора, бандит, мафиози, которые хотят разрушить его мир, отнять у него плоды его рук, увести жену, растлить детей, пустить его по миру»¹². Однако, как мы знаем десять лет спустя, утверждение идеологии потребительства, бытового комфорта, индивидуализма способствует не росту предпринимательской творческой активности, а лишь закреплению ориентаций на потребление любой ценой. Утрата коллективистских ценностей приводит не к росту конструктивного, творческого индивидуализма, а к десоциализации и анархии. И «десакрализация» культуры, социальных отношений, патриотизма, государственности способствует опять же не росту предпринимательства и его престижа, а замыканию бизнеса и бизнес-сообщества в пределах собственных корпоративных интересов. Наконец, ирония истории проявилась, в том, что “настоящий мужчина” - российский предприниматель - оказался в одном символическом ряду со своими предполагаемыми антиподами – бандитами и мафиози.

Развиваемая в начале 90-х гг. предпринимательская идеология, конечно, способствовала подъему престижа бизнеса и “первоначальному накоплению” символического капитала. Однако следует отметить инверсионный характер изменения ценностной и символической системы: от резкого не-

приятия и полной нелегитимности предпринимательства к его превращению в символ самого передового, благополучного, успешного. Таким образом, здесь практически не было того промежуточного звена, которое обеспечивало бы коммуникацию между старой и новой системами значений. Крупнейший современный исследователь социокультурных трансформаций Ш. Эйзенштадт на основе исследования опыта модернизации многих стран Запада и Востока показал, что именно инверсионный характер изменения ценностной и символической системы, отсутствие промежуточных звеньев, которые обеспечивали бы коммуникацию разных социальных групп и субкультур, их бесконфликтное взаимодействие и признание легитимности действий друг друга являются одной из основных причин срыва модернизационных изменений. В переходный период к советской социалистической системе значений в роли такого промежуточного символического звена выступала критическая, демократическая культура дореволюционного периода, апелляции к которой способствовали взаимопониманию приверженцев традиционной и новой культур¹³. В перестроечный период модернизаторы были озабочены лишь максимально быстрым (за “100 дней”, “500 дней” и т.п.) сломом советской традиции и совершенно не думали о том, как инертное в целом общество воспримет новую систему значений, носителями которой реально была лишь узкая группа прозападной интеллигенции (из нее по большей части и вышли современные “олигархи”). Однако принцип “диффузного” распространения информации через “группы влияния”, очевидно, не срабатывает в макросоциальном плане, и при распространении не просто информации, а символических систем, крупный бизнес так и не стал полностью легитимным в глазах большинства населения.

В конце 90-х гг. XX в. стало очевидным, что развитие частного бизнеса не приводит к быстрому выходу из экономического кризиса и достижению всеобщего благоденствия. Напротив, по мере роста трудностей и противоречий переходного периода возник и беспрецедентный разрыв (в 27 раз!) в уровне доходов самых бедных и самых богатых и стало очевидным, что развитие рынка и предпринимательства само по себе еще не решает общие проблемы. После “дела ЮКОСА” публичные деятели от бизнеса, политики и политологи снова высказывали сожаление по поводу неверного пути развития постперестроечного капитализма в России, который вместо того, чтобы стать “народным”, стал, напротив, олигархическим.

Благотворительность российских предпринимателей приносила им символический капитал лишь в стабильные периоды развития. Принимая филантропические деяния как должное, общество всегда отдавало себе отчет в том, что они не бескорыстны. Даже если от благотворительности нет прямой экономической выгоды, она все равно ориентирована на капитал, пусть другого рода (символический). Поэтому память о пожертвованиях на культуру,

на бедных, на муниципальные нужды и т.д. в период революции не защитила российский капитал от преследований. Аналогично и упоминания о филантропических деяниях того же Ходорковского вызывали лишь раздражение. Благотворительность ни тогда, ни теперь не решила главной проблемы - не превратилась в *символ сопричастности* бизнеса общественным нуждам и проблемам. Можно сказать, что то послание, та информация о себе, которую бизнес адресует обществу в символически благотворительных деяниях, расшифровывается неадекватно. Эта неадекватность является одним из факторов, порождающих дефицит символического капитала.

Что же является тем “информационным шумом”, который мешает коммуникации бизнеса и общества? Нам представляется, что здесь есть целый ряд символов и значений, которые воспринимаются большинством в нашем обществе негативно и наносят современному российскому бизнесу наибольший символический ущерб:

1) ориентация крупного бизнеса на добычу и экспорт сырья вместо развития отечественного производства на фоне развала последнего породили увязывание в массовом сознании крупного бизнеса с присвоением и даже “разграблением” природных ресурсов, являющихся общим достоянием, в том числе и будущих поколений, перспективы которых подрываются уже сейчас;

2) демонстративная ориентация на вывоз капитала, на спекулятивные финансовые игры вместо производственных инвестиций привела к тому, что бизнес стал ассоциироваться с деятельностью, не имеющей отношения к реальному производству и подъему народного хозяйства, олицетворяя замкнутую на саму себя и не озабоченную судьбой страны узкую группу;

3) низкая популярность приватизации, ее номенклатурный характер создали впечатление присвоения небольшой группой достояния, созданного всем народом в советский период;

4) представления о неразрывной связи бизнеса и криминала, поддерживаемые и фактами уголовной хроники, и популярным детективным жанром в литературе и кино, на телевидении и т.д., укрепили символическую связь бизнеса с нелегитимными, преступными, социально опасными деяниями;

5) символические границы, которые воздвигаются между самыми богатыми группами и основной массой населения усилили раскол и без того сильно дифференцированного общества. Показательно, что если знаковое престижное потребление в том смысле, который в него вкладывали в XX в. сначала Т. Веблен, затем Ж. Бодрийяр, было ориентировано напоказ всем как маркер социальных различий, то в современной России оно, в первую очередь, ориентировано на “своих”, как знак причастности и идентичности, в то время как от прочих “чужих” групп предпочитают отгораживаться не только

символически, но и физически непроницаемыми границами – глухими высокими заборами особняков, фейс-контролем клубов и ресторанов и т.д.).

При отсутствии принципиального неприятия бизнеса русской культурой и обществом, бизнесу как институционализированному актору пока не удастся показать свою причастность к общим для большинства проблемам, продемонстрировать общую пользу частных инициатив (в то время как их частная польза очевидна). Создаваемый бизнесом “пафос” носителя общего прогресса и даже реальные хозяйственные и социальные результаты его деятельности фактически не конвертируются в приращение символического капитала.

Все сильнее утверждающееся в массовом сознании представление об отрыве бизнес-элиты от народа, от страны и ее судьбы еще раз констатируется получившим распространение также с легкой руки журналистов хлестким наименованием “оффшорная аристократия”. Это определение крупного бизнеса ввел в оборот Вл. Сурков в докладе на Генсовете “Деловой России” в мае 2005 г., и благодаря подхватившим его политологам и журналистам оно через электронные и печатные СМИ получило распространение. Причем, определение “оффшорная” сводит на нет изначальный позитивный смысл понятия “аристократия” – в отличие от “олигархии”, власть лучших, а не сильнейших и богатейших. Стать самыми успешными в оффшоре, отделить свою судьбу от судьбы своей страны границами оффшорных зон, стенами элитных поселков, бронированными стеклами дорогих офисов – тот путь, на котором невозможно приращение символического капитала. Как бы ни были желаемы и престижны богатство и успех сами по себе, их институциональные и индивидуальные носители, не разделяющие судьбу общества, не смогут найти с ним общего языка. Те сообщения о себе, которые бизнес адресует обществу, например, в виде благотворительных, филантропических деяний, на фоне таких “информационных шумов”, как негативная символика номинации, не могут быть адекватно восприняты. По данным социологов, более половины населения исключают даже частичное взаимопонимание между бедными и богатыми, а 80% опрошенных считают толерантные отношения между ними невозможными даже в принципе¹⁴.

Дефицит символического капитала бизнеса при высокой желательности и престижности богатства, прежде всего его потребительских возможностей, является очень серьезным препятствием экономического развития страны. Он порождает не только взаимное непонимание и отчуждение бизнеса и общества, провоцирует государство на произвол в отношении бизнеса, но и способствует росту криминала и коррупции, а также порождает пассивность и пессимизм. Конструктивным путем развития бизнеса является известная в социологии организаций и в теории фирмы “философия общей судьбы”,

распространенная на взаимоотношения бизнеса и общества в целом и поданная в адекватных символах взаимности, сопричастности.

Примечания:

- ¹ См.: Зарубина Н.Н. Бизнес в зеркале русской культуры. - М.: Анкил, 2004.
- ² Горшков М.К., Тихонова Н.И. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования, 2004. № 3. С. 17.
- ³ Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 57
- ⁴ Бурдые П. Указ. соч. С. 135.
- ⁵ Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность // Булгаков С.Н. Сочинения. Т. 2, С. 363-364.
- ⁶ Основные аргументы сторон нами проанализированы в работе "Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М.: Магистр, 1998.
- ⁷ Социокультурные предпосылки купеческой благотворительности XIX в. проанализированы нами в работах: Зарубина Н.Н. Этика служения и этика ответственности в культуре русского предпринимательства // ОНС, 2004, № 1; Зарубина Н.Н. Меценатство // Российская цивилизация. Энциклопедический словарь. М.: Республика, 2002.
- ⁸ Бурьякин П.А. Москва купеческая. М., 1990. С. 109.
- ⁹ Речь П.П. Рябушинского на открытии Первого всероссийского торгово-промышленного съезда в Москве, 19-22 марта 1917 г. М., 1917.
- ¹⁰ Кармадонов О.А. Социология символа. М.: Academia, 2004. С. 256.
- ¹¹ См.: Безансон А. Русское прошлое и советское настоящее. — L.: Overseas publ. Interchange, 1984. — С. 183.
- ¹² Модернизация в России и конфликт ценностей. — М.: ИФ РАН, 1994. С. 207, 208.
- ¹³ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразования общества. Сравнительное изучение цивилизаций. / Пер. с англ. А.В. Гордон под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект-Пресс, 1999. С. 262; *Eisenstadt S.N.* Modernization: Protest and Change. N.Y.: 1966. P. 4.
- ¹⁴ Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюции социального самочувствия россиян на рубеже XX—XXI веков. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. С. 229.

Этнофункциональный подход к анализу изменений русской этносреды в XXI веке

В этнофункциональном подходе *историческая психология* понимается как наука о развитии системы отношений личности в определенном этногенезе. Причем, в общем случае условия развития понимаются как вся полнота этнических признаков - климато-географических, расово-биологических и социокультурных (включая конфессиональные).

Этнофункциональный подход позволяет с единых методологических позиций рассматривать общественно-культурное, природно-климатическое развитие как внешнюю среду и психическое и биологическое развитие как внутреннюю среду личности, определяемое как *этносреда*. Это дает принципиальную возможность в "пространственном" и историческом разрезе гармонизировать соотношение внутренних условий человека и воздействий на него внешней среды. Единство используемой методологии позволяет системно учитывать не только взаимодействие внутренних и внешних условий развития личности в определенной этносреде, но рассматривать и эту этносреду и включенную в нее личность в более широком контексте любого заданного уровня.

Этнофункциональная методология в психологии

Этнофункциональный подход к психическому развитию, сущности и личности человека

В этнофункциональном подходе каждый информационный элемент пространства в теоретическом обобщении наделяется *этнической функцией*, объединяющей или разделяющей его с тем или иным этносом или этнической системой.

В применении к психологии этнической функцией могут наделяться отношения, психические состояния и процессы. Особую роль имеет этниче-

* Сухарев А.В., доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии ГАСК.

ская функция отношений, позволяющая в соответствующем направлении развивать теорию отношений А.Ф.Лазурского - В.Н. Мясищева (1960). Важным понятием в данном подходе является *этнофункциональное рассогласование* отношений, которое имеет место при различии этносов или этнических систем, к которым относятся субъекты данных отношений.

Этнофункциональный подход является дополнительным по отношению к типологическому (этнопсихологическому) подходу и на практике более применим в условиях современного культурно «мозаичного» [Тишков В.А., 1991] общества.

На методологическом уровне вводится понятие *архегии* как идеального прообраза естественного развития. Понятие архегии этимологически производно от греческих слов "архе" (изначальный, первый, главный) и "генос" (род, рождение, развитие). Например, есть идеальный прообраз развития березы, а есть искаженный - из-за погодных условий, влияния человека» и пр. Это - платоновская идея, эйдос, вернее, дополнение к античным «идеям». В античности идеи развития, как таковой, не было (античность статична, самодостаточна) – она появилась позже, в христианской устремленности к идеалу. Архегия как эйдос – это «предел становления вещи» [Платон, 1968], где «вещь» это все возможные виды естественного развития в природе обществе и пр. В применении к личности архегия обозначает здоровое и нравственное развитие. Соответственно, *анархегия* это реальный образ развития, как мы можем воспринимать его органами чувств, и в определенной мере отклоняющийся от естественного идеального прообраза.

Применительно к развитию психики человека в этнофункциональном подходе *этнофункциональная архегия личности* - идеальный прообраз естественного развития личности в конкретной этносреде. Другими словами, это идеальный прообраз *исторического развития личности*, который в данном подходе понимается в рамках данной этносреды. Этнофункциональная архегия личности является идеальным прообразом процесса ее *этнической идентификации*. Этнофункциональное определение понятия *этничности* в рамках нашей методологии – это идеальное соответствие человека всем мыслимым этническим признакам (т.е. *этнофункциональной архегии*).

Этнофункциональная анархегия личности определяется как реальное развитие конкретной личности в определенной этносреде и является нарушением пространственной и временной целостности естественного идеального прообраза развития. Данное понятие соответствует утверждению В.А. Тишкова (1992), что в позитивистском смысле этносов не существует, т.е. в нашем смысле как отсутствие идеальных этнофоров и т.п.

Этнофункциональное развитие личности соответствует общему плану исторического развития ее этносреды и характеризуется пространственными

и временными параметрами. В частности, для России это развитие может быть описано в виде последовательных стадий: 1) материнская (внутриутробная) стадия (возникновение синкретического образа данной этносреды); 2) природная (невербальная) стадия (непосредственное восприятие окружающего мира, природных явлений, стихий); 3) сказочно-мифологическая стадия (возникновение и развитие мифологического содержания отношений к природным стихиям, традиционной окружающей среде); 4) религиозно-этическая стадия (развитие нравственной стороны отношений), 5) научно-познавательная стадия (операционная сторона отношений), 6) стадия синтеза (учительства) (необходимость наследования собственной культуры и усвоение знаний о других культурах) и 7) стадия мудрости (акме этносредового развития, предельная целостность включенности личности в культуру и ее трансцендентных отношений к миру эйдосов. Содержание отношений данной стадии выходит за рамки жизненного пути личности). Выделенные стадии соответствуют общему плану исторического развития русской культуры - от «предисторического» периода - к язычеству, затем к христианству и, далее, - к современной цивилизации и научному мировоззрению и т.д.

Психическая дезадаптированность личности (в том числе психические расстройства и социально отклоняющееся поведение) с позиций этнофункционального подхода объясняется нарушениями содержания и последовательности стадий ее психического развития.

Этнофункциональные нарушения психического развития – это:

1. *Этнофункциональное рассогласование* элементов содержания стадий онтогенеза личности с регионом рождения и проживания конкретного человека. Например, в содержании отношений к собственной внутренней и внешней среде ребенка, родившегося и проживающего в Подмоскowie, преобладают сказочно-мифологические представления народов Южной Америки. Или же сам ребенок не переносит зиму, хочет жить в теплых краях, там, где нет зимы.

2. *"Выпадение"* той или иной стадии из онтогенеза данной личности. Например, из-за особенностей воспитания ребенка в его развитии "выпадает" сказочно-мифологическая стадия. Минувя "эстетический период", это развитие несвоевременно переходит к императиву "ты должен", т.е. к "этическому периоду". В таком случае эмоционально-чувственная сторона отношений ребенка не успевает сформироваться и нравственное воспитание превращается в морализирование. Данный тип нарушения мы называем "перегрузкой" религиозно-этической стадии.

3. *Нарушение последовательности* стадий развития личности происходит, в частности, если вместо определенных воспитательных усилий по нравственному воспитанию на религиозно-этической стадии развития ребенку предлагаются "технологические", компьютерные игры и т.п. Вариант

том нарушения после довательности является, например, "забегание" религиозно-этической стадии перед сказочно-мифологической или одновременное их начало.

Нарушение последовательности прохождения стадий или их "выпадение" можно рассматривать как этнофункциональное рассогласование на основе культурологического положения о том, что кризисные этапы развития определенной культуры обуславливаются внешними культурными "толчками", чуждыми для данной культуры [Тойнби А., 1991].

В развитии русской культуры после "языческой" стадии произошла ассимиляция христианства (византийское влияние), затем – раскол церкви в XVII в. (не без западно-католического влияния). Далее настало время петровских реформ, открывших России "окно" для западноевропейского протестантского рационализма и научного мировоззрения, что окончательно закрепилось в русском самосознании XIX и XX вв., подчас даже в его крайней, материалистической форме. Однажды ассимилированные и выверенные временем внешние культурные влияния, по нашему мнению, уже присущи русской культуре в современном понимании.

Например, нарушения, связанные с научно-познавательной стадией, проявляются в недоразвитии операционной сферы (знания, умения, навыки), которое объясняется неполноценным прохождением предыдущих стадий.

Этнофункциональная архегения личности является идеальным прообразом естественного развития системы ее отношений к расово-биологическим, культурно-психологическим, климато-географическим и нравственно-конфессиональным этническим признакам и в теоретическом приближении определяет *психическое здоровье личности («норму»)*. *Этнофункциональными критериями* соответствия этому прообразу являются данные наук: этнологии, культурологии, истории, филологии, фольклористики, религиоведения, богословия и др., а также образы искусств, поэзии, литературы, музыки и другие. Отличие определения этнофункционального психического здоровья (нормы) от имеющихся в научной литературе, состоит в том, что оно соотносится с конкретной этносредой и не является этноцентристским.

Экспериментальной основой введения понятия этнофункциональной архегении-анархегении личности являются исследования, проведенные как в норме, так и в патологии в различных возрастных группах. Результаты экспериментально-психологических, клинко-психотерапевтических исследований и формирующих психолого-педагогических экспериментов показали, что психическая психосоматическая дезадаптированность достоверно усиливается с нарастанием в психике испытуемых этнофункциональных рассогласований и нарушённием последовательности этнофункциональных стадий развития личности (т.е. с усилением выраженности степени этнофункциональной анархегении личности). В свою очередь, психотерапевтическая

проработка этнофункциональных нарушений этого развития достоверно повышает степень психической и психосоматической адаптированности личности [Сухарев А.В., 2006 и др.].

Этнофункциональная психическая архегения в связи с этим вводится как *предел*, к которому «стремится» развитие личности, в частности, с уменьшением количества нарушений этого развития (уменьшением *степени выраженности этнофункциональной психической анархегении*). *Психологическим критерием* восстановления целостности отношений с собственной этнофункциональной архегенией личности является повышение психического адаптационного потенциала личности, запаса ее психической энергии.

Степень выраженности этнофункциональной анархегении личности может определяться как количеством нарушений этнофункционального развития личности и является показателем степени психической дезадаптированности человека, его психического нездоровья, нравственно или общественно отклоняющегося поведения, так и внутренней согласованностью, целостностью различных сторон отношений личности к этнофункциональной архегении личности.

Введение понятия этнофункциональной архегении личности представляет собой попытку целостного рассмотрения психики человека (собственно психической и духовно-нравственной ее сторон) на современном научном уровне.

В частности, в середине XIX в. такая попытка была предпринята Морелем и Маньяном в «учении о вырождении» как о возможности нравственной, психической и биологической «дегенерации» и «прогенерации» человека как целого. В начале XX века на этих позициях стояли практически все выдающиеся русские психиатры - С.С. Корсаков, В.П. Осипов, В.П. Сербский, И.А. Сикорский и др. Так и не получив современной критической научной оценки как в теоретическом, так и в экспериментальном плане, концепция вырождения по ряду причин (не научного характера) надолго выпала из поля зрения исследователей.

Важнейшим понятием этнофункционального подхода, характеризующим анархегению личности как «временную» характеристику, является *этноид*. Этноид определяется как система «пространственных» и «временных» отношений личности к различным этническим признакам «на данный момент» и в ретроспективе, включая генеральный признак - этническую идентичность по самоопределению.

В соответствии с понятиями архегении-анархегении личность может иметь две направленности: 1. *Архегеничная личност* - имеет направленность на этнофункциональную архегению собственной этносреды, на восстановление пространственной и исторической целостности личности, повышение степени организации психики, усложнение структуры поведения человека.

2. *Анархегеничная личность* - имеет направленность на этнофункциональную психическую анархегению (на чуждую этносреду), разрушение целостности личности, снижение степени организации психики, ее расстройство, упрощение структуры поведения человека. Направляющей в системе отношений личности является их нравственно-ценностная сторона.

Механизм психического развития можно описать следующим образом. *Движущими силами* психического развития являются противоречия между этнофункциональной архегенией личности и определенными этнофункциональными нарушениями этого развития, реальным уровнем развития, что порождает у конкретной личности соответствующие конфликты.

Разрешение этих конфликтов может осуществляться по следующим типам (возможно одновременное разрешение по различным типам).

1. *Распад* - регрессивное разрешение конфликта. Психика не выдерживает перегрузок и переходит на онтогенетически предшествующий уровень развития системы отношений - происходит то, что называется распадом личности, возникновением психического дефекта (интеллектуального, эмоционального, нравственного).

2. *Задержка* - «клапанное» разрешение конфликта. Конфликт «консервируется», происходит торможение психического развития; - возникающее вследствие конфликта психическое напряжение время от времени неконструктивно «сбрасывается» (с помощью алкоголя, наркотиков, асоциального поведения и пр.).

3. *Наследование* (этносредово-личностное разрешение - т.е. возникает более или менее осознанное включение личности в целостную этносреду, усложняющее структуру личности). Этому сопутствует обретение зрелой идентичности, обретение необходимой готовности к развитию, внутреннего равновесия и постепенное перенаправление адаптационного потенциала личности на творчество.

4. *Сущностное (творческое) разрешение* конфликта. Это разрешение может иметь двоякую направленность: а) *нравственно положительное*: к этнофункциональной архегении личности - в этом случае личность обретает дополнительный энергетический (адаптационный) потенциал, степень ее организации возрастает; б) и *нравственно отрицательное*: к чуждой этносреде, к увеличению степени выраженности этнофункциональной анархегении личности, ее разрушению, внутренней диссоциации. В этом случае степень организации психики снижается, т.к. устремляясь к чуждой для нее этнофункциональной архегении, личность образует в себе «экзотический анклав». У нее образуются, как минимум, две антагонистические направленности - на свою и на чуждую этносреду.

Из-за перенасыщенности современной социокультурной среды этнофункционально рассогласованными информационными элементами степень

психической дезадаптированности возрастает пропорционально увеличению количества этнофункциональных расхождений в психике (как фактор риска).

С позиций этнофункциональной исторической психологии в теоретическом обобщении предполагается, что все исторические кризисы, имевшие место в этногенезе определенной культуры в идеале должны быть пережиты каждым конкретным этнофором. В русской культуре это, например, кризис христианизации (X в.), татаро-монгольское завоевание (XIV в.), церковный раскол (XVII в.), реформы Петра Великого (XVIII в.), революции нового времени (в XX в. - в 1917 и 1991 г.г.) и т.д. И это только часть возможного перечня «переломных» эпох, обусловивших системные изменения в обществе в целом. На нашем уровне обобщения мы рассматривали, в частности, кризис христианизации, как переход, слом язычества как идеологической основы общества, а также кризис модернизации русской культуры, ее секуляризации (церковный раскол и реформы Петра в XVII - XVIII в.в.).

Перенесение на развитие личности этнофункциональных закономерностей этногенеза, как показывают многочисленные экспериментальные и клинические исследования, позволяет получить дополнительные способы прогноза, психопрофилактики и психотерапии (коррекции) различных психических расстройств и социальных отклонений. Однако, результаты, полученные в области психологии могут быть, в свою очередь, использованы и для осмысления этногенеза в историческом разрезе.

Этнофункциональный подход к анализу исторического процесса

Применение этнофункционального подхода к анализу исторического процесса, точнее, этногенеза предполагает введение соответствующих показателей исторического развития. В качестве показателя исторического развития можно рассматривать результат разрешения противоречий, например, в рамках концепции «вызова-ответа» (А. Тойнби). Содержание природных, социальных и др. «вызовов» в нашем подходе наделяются дифференцирующей этнической функцией. При определенной мощности конкретного вызова, чуждого для данного относительного равновесия природных и общественных сил, этногенез может вступить в системный кризис, пронизывающий практически все аспекты общественно-природных, конфессиональных и др. отношений. В качестве очевидного, однако, умозрачительного примера такого кризиса можно привести крещение Руси в X в. Христианство было, в целом, этнофункционально чуждой идеологической системой для Руси того времени. Разрешение соответствующего конфликта могло пойти по следующим направлениям:

1. Распад - т.е. взаимоуничтожение культур, разложение государственности.

2. Уничтожение христианства, сохранение язычества, или напротив - полное единовременное уничтожение языческой идеологии при сохранении христианства (это было возможно в значительной степени вместе с самим народом при сохранении княжеского и дружинного сословий) и, как следствие в первом случае, задержка исторического (государственного) развития Древней Руси или ее уничтожение - во втором. 3. Формирование идеологии «двоеверия» на длительный период (что и произошло в действительности). 4. Формирование синтетического разрешения конфликта в рамках новой идеологической системы, творческой объединяющей народную (языческую) культуру и христианство (что, в частности, на теоретико-методологическом уровне не произошло до настоящего времени).

Следует отметить, что в определенные более поздние периоды истории России борьба с язычеством (вплоть до стремления к его полному уничтожению, например, движение «боголюбцев» во главе с царем Алексеем Михайловичем в XVII веке) принимала, подчас, не менее радикальные формы, чем при Владимире - Красное солнышко в X в.

В настоящее же время, от представителей клира очень часто приходится слышать, о «неполезности» сказок о леших, водяных и пр. (конкретные образы эйдосов природных стихий) для детей в православных семьях вследствие их «языческого происхождения».

Историческое развитие русской культуры, с одной стороны, составляет систему внешних условий психического развития народов России. С другой стороны, результаты большого количества исследований нарушений этнофункционального развития личности в различных возрастных группах показывают необходимость русских народных сказок, олицетворений природных стихий, «волшебства в отношении к природе и миру» для развития эмоционально-мотивационной сферы детей до того, как они становятся в состоянии усваивать нравственные (в т.ч. христианские) этические нормы (а именно в возрасте до 5 лет) [Тимохин В.В., 2005]. В частности, имеются экспериментально психологические и клинико-психотерапевтические результаты, свидетельствующие, что этическое воспитание без «сказочно-мифологической» подготовки является патогенным для неокрепшей психики ребенка.

Пример этнофункционального анализа культурно-исторического развития России в XX и начале XXI века

Этнофункциональный анализ современной кризисной культурно-исторической ситуации показывает, что процесс развития личности у ог-

ромного большинства людей нарушен. В частности, при очень высокой скорости революционных информационных сдвигов, потрясавших Россию в XX в., естественный ход развития ее народов подвергся болезненному изменению. После 1917 г. из общественного самосознания было в значительной мере вытеснено традиционное содержание религиозно-этической стадии и замещено в значительной мере чуждыми для тогдашней России идеалами. Постепенно произошла и частичная подмена содержания сказочно-мифологической стадии - заметно выхолощен сакральный смысл народных сказок и мифов, многие из которых трансформировались в "пионерские истории" и другие образы новой советской и западноевропейской мифологии. С течением времени сказки пополнились и весьма экзотическим содержанием (африканские и южноамериканские сказки, а также телепузики, покемоны и пр.). Исследования влияния культурно-исторических условий в современной России на развивающуюся психику молодого поколения с позиций этнофункционального подхода показывает, что сказочно-мифологической стадии развития личности, на которой формируется эмоционально-чувственная сторона ее отношений, был нанесен существенный ущерб.

Радикальные изменения в отношении религиозно-этической стадии произошли в новейший исторический период дважды - в первые годы советской власти и в течение десятилетия после взятия власти оппозицией в 1991 г. Таким образом, возник диссонанс в преемственном взаимодействии указанных стадий развития. После дискредитации коммунистических идеалов в самосознании населения России образовалась идеологическая пустота. После "перестройки" прежняя коммунистическая идеология в самосознании людей довольно быстро замещается традиционным религиозно-этическим содержанием. Однако революция и перестройка нанесли психике людей определенный ущерб.

Традиционное для русской культуры сказочно-мифологическое содержание внешних культурных условий развития психики вновь подверглось изменениям, подобным тем, что произошли в XVII веке - государственное притеснение, например, народных свадебных и календарных обрядов при насаждении «сверху» весьма фривольных обычаев, практики пьяных застолий, кукольного театра и т.д., привнесенных наряду «польской модой» из Европы. Аналогично, в 90-х годах XX века традиционные народные сказки, фольклор и т.п. был мощно вытеснены в СМИ и системе образования потоком «неоязычества». По содержанию это была порнография, культ насилия, образы всевозможных «мутантов», космических демонов и т.д., и т.п. Нарушение развития эмоционально-мотивационной сферы может обуславливаться, как уже упоминалось, сочетанием "выпадения", "забегания" и/или этнофункционального рассогласования содержания сказочно-мифологической

стадии развития личности с "перегрузкой" неподготовленной, эмоционально незрелой психики, директивным введением религиозных этических норм.

Эмоциональная незрелость личности как результат этих нарушений затрудняет органичное усвоение нравственных норм религиозно-этической стадии развития. В результате может возникнуть лишенное душевности, эмоционально выхолощенное и лишь внешне правильное религиозное морализирование. Следствием создавшейся ситуации оказалось то, что в постпериодический период, например, православная этика зачастую усваивалась людьми всех возрастных категорий недостаточно прочувствованно, без необходимой предварительной подготовки и зрелости мотивов и чувств. Это могло проявляться либо в поверхностном, либо, напротив, в гипертрофированном отношении к религии.

В общественно-историческом аспекте представители духовенства, интеллигенции и власти, «взращенные» в описанных выше условиях, в своих решениях и действиях будут, со значительной долей вероятности, руководствоваться соответствующими ценностями, осознанными и неосознанными мотивами - ориентированные на формальное восприятие «западных» ценностей, языка, культуры, что мы и наблюдаем в настоящее время. Курс на усиление степени выраженности этнофункциональной анархегении на современном этапе развития русской этносреды, усиление ее внутренней рассогласованности, «выпадения», искажение и нарушение последовательности стадий ее развития, как показывает приведенный выше беглый этнофункциональный анализ культурно-исторической ситуации в России, могут привести к системным (революционным) общественным трансформациям.

В заключение отметим, что приведенные выше результаты теоретических и эмпирических исследований дают, на наш взгляд, основание для дальнейшего развития этнофункционального подхода в области исторической психологии.

Литература:

1. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л.: Медицина, 1960.
2. Платон. Соч. Т.2. М.: Мысль, 1968. С. 34 - 42, 505 - 506.
3. Сухарев А. В. Этнофункциональная психология в воспитании, психотерапии и психопрофилактике. М.: Издательство МАИ, 2006.
4. Тимохин В.В. Этнофункциональный аспект психического развития. Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. психол. наук. М.: ПИ РАО, 2005.
5. Тихов В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. №1. С. 15-20.
6. Тойнби А. Дж. Постыжение истории. М.: Прогресс, 1991. С. 358 - 415.

Содержание

Обращение Г.В. Боголюбовой.....	3
Приветствие Ю.М. Лужкова.....	5
I. В.К. Волков – историк-славист	
Никифоров К.В. Владимир Константинович Волков – историк-славист	8
Хорев В.А. Некоторые вопросы современной польской истории в творчестве Владимира Константиновича Волкова	13
Гуськова Е.Ю. В.К.Волков о современных событиях на Балканах	19
Волкова И.В. Изучение проблем отечественной истории в трудах В.К. Волкова	27
Карасев А.В. В.К. Волков и развитие отечественного славяноведения	34
Носкова А.Ф. Борьба славянских народов против фашизма в годы Второй мировой войны	39
Дрожжин Ю.Т. Об общественной деятельности В.К. Волкова.....	46
С.М. Фалькович. Несколько штрихов к портрету В.К. Волкова.....	49
II. История, история культуры, филология славянских народов	
Громов М.Н. О славянской идее в русской национальной традиции.....	51
Шамшурин В.И. Византизм, евразийство и славянство	56
Герцен Н.А. Идеи славянства и самодержавной власти у Юрия Крижанича.....	69
Чепелевская Т. И. Живая традиция: народная роспись по дереву у русских и словенцев	75
Каяк А.Б. Этно-национальные и цивилизационные характеристики русской музыкальной культуры	85

Белошапкина Т.В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности как определенный этап развития лингвистической мысли	92
Векшина А. Отторжение риторического слова у Достоевского	105
Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Народная литература современного восточнославянского порубежья и формы ее трансляции.....	115
Бранко Царатан. Хорватия в начале третьего тысячелетия	128
Зарубина Н.Н. Накопление символического капитала российского предпринимательства как вектор формирования единства российского общества	135
Сухарев А.В. Этнофункциональный подход к анализу изменений русской этносреды в XXI веке.....	146

Научное издание

**СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ.
Памяти Владимира Константиновича Волкова.**

Сборник статей

Москва 2007

Подписано в печать 23.05.07.г. Усл. печ. л. 10,0 п.л.
Зак.71 Тираж 400 экз. Формат 60 x 90/16. Печать офсетная.
Отпечатано в ООО «Демидург- Арт».

